

Городские исследования и практики

ТОМ 6, № 3, 2021

**Соучаствующее проектирование:
опыт и перспективы вовлечения
горожан в проекты
пространственного развития II**

Urban Studies and Practices
Volume 6, issue 3, 2021
Participatory Planning:
An Experience and Prospects of
Citizens Involving to the Urban
Development Projects II

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

Городские исследования и практики

ТОМ 6, № 3, 2021

**Соучаствующее проектирование:
опыт и перспективы вовлечения
горожан в проекты
пространственного развития II**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Формат 60×90/8. 9 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Главный редактор
В. В. Анашвили (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редактор-составитель
М. А. Чубукова (Российская Федерация)

Научные редакторы:
В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редакционная коллегия
Е. А. Варшавер (РАНХиГС, Российская Федерация)
С. А. Гаврилова (Институт региональной географии им. Лейбница,
Германия)
Е. А. Котов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. Л. Рочева (РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
Б. Рубл (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Заведующая редакцией А. А. Лаврик
Литературный редактор А. А. Писарев
Редактор английских текстов Д. Конноли
Корректор Т. В. Редькина
Обложка, дизайн, верстка С. Д. Зиновьев
Фото на обложке А. Филатов

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2021

Содержание

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

- 7 **Мрия Бахарева, Екатерина Садова**
«Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города
- 22 **Дмитрий Андреев**
Вовлечение детей и подростков в городские проекты. Опыт проекта «Другой Данилов»
- 39 **Ирина Виноградова, Елена Иванова, Екатерина Барсукова**
Соучастующее проектирование устойчивого городского будущего: как вовлечь молодых взрослых?

НЕ ТОЛЬКО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

- 53 **Анастасия Шохина**
Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера
- 66 **Марианна Шкурко, Александр Михайлов**
Власть горожанам? Анализ системы партиципаторного бюджетирования Парижа

УМНОЕ СОУЧАСТИЕ

- 87 **Владимир Вагин, Вера Сафронова**
Умный город и гражданское участие

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Urban Studies and Practices

VOLUME 6, ISSUE 3, 2021

Participatory Planning: An Experience and Prospects of Citizens Involving to the Urban Development Projects II

Publisher: HSE UNIVERSITY

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media
PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90x12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

RSCI
EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (RANEPA, Russian Federation)

Compiling Editor

Margarita Chubukova (Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)

Artem Smirnov (RANEPA Russian Federation)

Editorial Board

Anna Rocheva (RANEPA, Russian Federation)

Egor Kotov (HSE University, Russian Federation)

Evgeny Varshaver (RANEPA, Russian Federation)

Sofia Gavrilova (Leibniz Institute For Regional Geography, Germany)

Executive Secretary

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Blair Ruble (Woodrow Wilson International Center For Scholars, Usa)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)

Eugene Asse (March, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

OlgaVendina (IGRAS, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Peter Bishop (UCL, UK)

Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Ying Long (Tsinghua University, China)

Editorial management Anna Lavrik

Editor Alexander Pisarev

English language editor David Connolly

Proofreader Tatyana Red'kina

Cover, Design, Layout Sergey Zinoviev

Cover photo Andrey Filatov

© HSE University, 2021

Table of Contents

CIVIL PARTICIPATION

- 7 **Maria Bakhareva, Ekaterina Sadova**
Tom Sawyer Fest in Vologda: The Experience of
Public Participation in Preserving the Historical
Image of the City
- 22 **Dmitry Andreev**
The Engagement of Children and Teens in Urban Projects.
The Case of “Drugoy Danilov” Project
- 39 **Irina Vinogradova, Elena Ivanova, Ekaterina Barsukova,**
Methods of Co-Designing a Sustainable Urban Future by
Young Adults

NOT THE PUBLIC SPACES ONLY

- 53 **Anastasiia Shokhina**
The Institutional Framework of Collaborative Planning in
Canada: Engagement Practices in the Vancouver
Master-Plan Development
- 66 **Marianna Shkurko, Alexander Mikhailov**
Power to the People? An Analysis of Participatory
Budgeting in Paris, France

SMART PARTICIPATION

- 87 **Vladimir Vagin, Vera Safronova**
The Smart City and Civic Engagement

Гражданская вовлеченность

Осмысляя опыт партиципаторного планирования, невозможно концентрироваться только лишь на аспекте пространственного развития: в результате взаимодействия горожан меняется как физическая среда, так и социальный климат. Авторы этого раздела показывают, как настраивается процесс самоорганизации, а также какие новые вызовы перед обществом возникают в условиях применения практики соучастия. Отдельное внимание в предлагаемых публикациях уделяется документации и изучению работы с подростками, для которых соприкосновение с городом может играть образовательно-воспитательную роль.

«Том Сойер Фест» В Вологде: опыт участия горо- жан в сохранении исторического облика города

Мария Бахарева,
Екатерина Садова

Введение

Решением проблем, связанных с городской средой и инфраструктурой, как правило, занимаются власти города. То же самое касается и вопросов сохранения деревянного культурного наследия в городах. В нашей стране, несмотря на активное каменное строительство, начавшееся и набравшее обороты еще в середине прошлого века, осталось достаточно много городов, где деревянная архитектура сохранилась и является важным элементом городского пространства, формируя уникальную городскую и историческую среду. Однако с течением времени деревянные дома ветшают и разрушаются, и часто те, кто задумывается о проблеме сохранения деревянного зодчества, считают, что ее должны решать власти города, что именно от них все зависит. При этом многие горожане равнодушны к этой проблеме.

На фоне такого положения дел в 2015 году в Самаре впервые прошел «Том Сойер Фест» – «фестиваль восстановления исторической среды» [Сайт фестиваля «Том Сойер Фест»]. Фестиваль зародился как инициатива снизу, будучи организован силами волонтеров и активистов, и за несколько лет стал очень популярен: его участники уже отремонтировали 83 старых дома в 47 городах нашей страны (см. раздел «Новости»: [Сайт фестиваля «Том Сойер Фест»]). В 2017 и 2019 годах идеолог движения Андрей Кочетков и команда участников «Том Сойер Феста» написали пособия по проведению фестиваля, чтобы помочь инициативным горожанам избежать возможных проблем, которые уже возникали у других организаторов [Кочетков, 2017; Кочетков, 2019].

Этот фестиваль – яркий пример того, как обычные горожане могут принять участие в городском проекте, связанном с преобразованием городского пространства, и внести вклад в сохранение исторического облика своего города. Организаторам фестиваля – равнодушным ак-

Бахарева Мария Александровна, студентка магистратуры Высшей школы урбанистики им. А.А.Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ; выпускница Французского университетского колледжа МГУ им. М.В.Ломоносова по направлению «Социология»; бакалавр политологии МГИМО (У) МИД РФ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.13, стр. 4.

E-mail: bakhareva.maria.a@gmail.com

Садова Екатерина Сергеевна, магистр истории (кафедра этнологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова); выпускница Французского университетского колледжа МГУ им. М.В.Ломоносова по направлению «Социология»; Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27/4.

E-mail: sadovacath@gmail.com

Вологда – один из российских городов, где еще сохранилась деревянная архитектура, и она формирует его уникальную городскую и историческую среду. Но с течением времени деревянные дома все больше разрушаются и проблема сохранения деревянного зодчества становится острее. В таких условиях в городе появилось и продолжает развиваться градозащитное движение – инициатива самих горожан. Одним из проектов городских активистов стал фестиваль «Том Сойер Фест», участники которого на добровольных началах восстанавливают старые деревянные дома, имеющие историческую ценность. Этот проект, зародившийся в Самаре, быстро распространился на многие российские города и стал привлекать все большее количество участников. Вологодский случай во многом уникален как первоначальным составом участников, так и выбором домов. В проведенном исследовании авторы ставили перед собой следующие вопросы: почему в последнее время появляется и набирает популярность городская активизм, хотя вопросами городской среды вообще и сохранения исторического наследия в частности обычно занимается государство? Почему люди готовы тратить свое свободное время, силы и порой деньги на восстановление деревянных домов? Почему это движение стало так популярно и важно для участников? Какую роль фестиваль играет в жизни его участников? Чтобы ответить на эти вопросы, авторы провели серию интервью с участниками и организаторами. Теоретической рамкой исследования стала концепция третьего места американского социолога Рэя Ольденбурга. «Том Сойер Фест», а именно площадка проведения фестиваля, то есть ремонтируемый

тивным горожанам – удалось привлечь немало волонтеров, которые благодаря участию в фестивале начинают интересоваться своим городом и его архитектурой, обращать внимание на разные аспекты развития городской среды. В ходе наших интервью информанты признавались, что сталкивались с равнодушием прохожих, их удивлением и недоумением по поводу того, что участники фестиваля работают на добровольных началах, бесплатно ремонтируют дом. Им приходилось объяснять, почему это так важно для города и для чего они это делают. Некоторые, видя, как другие ремонтируют дом, останавливались просто посмотреть, кто-то спрашивал, что происходит, кто-то приходил поучаствовать, кто-то становился постоянным участником. Так горожане начинают вовлекаться в этот процесс, а те, кто уже поучаствовал в нем, в результате меняют свое отношение к городу, его облику, деревянной архитектуре, начинают осознавать необходимость ее сохранения. То есть помимо прямого привлечения обычных горожан к самим работам по ремонту дома фестиваль способствует повышению их интереса к вопросам сохранения культурного и исторического наследия, привлечению их внимания к этим темам.

Вологда присоединилась к движению в 2018 году. В ходе трех сезонов фестиваля работы проводились в двух домах – на улице Благовещенской, 22 и на проспекте Победы, 32. Первый дом был отремонтирован в первый сезон фестиваля. Со вторым домом возникли трудности: из-за погодных условий работы не удалось закончить во втором сезоне, но в ходе третьего в 2020 году работы были завершены.

Вологодский кейс интересен и необычен по нескольким причинам, отличающим его от других мест, где проходил фестиваль. Во-первых, организаторам «Том Сойер Феста» в Вологде не нужно было собирать команду с нуля, как это часто происходит в других городах проведения фестиваля. В Вологде уже существовало несколько градозащитных сообществ, в сферу интересов которых входило сохранение деревянного зодчества. Объединившись, они и стали основным ядром участников и организаторов фестиваля. Во-вторых, оба отремонтированных в ходе фестиваля дома имеют статус объектов культурного наследия и достаточно велики по размеру.

Так почему же появляются, а главное, набирают популярность такие инициативы обычных горожан, тогда как вопросами городской среды вообще и сохранения исторического наследия в частности как правило занимается государство? Почему участники фестиваля готовы тратить свое свободное время и силы на восстановление деревянных домов? Почему этот фестиваль стал так популярен и так важен для участников? Цель нашего исследования – найти ответы на поставленные вопросы.

При этом нам хотелось бы отметить, что основное внимание в нашей статье мы уделяем именно опыту участия горожан в фестивале. Нам интересно было понять, как этот фестиваль воспринимается и переживается его участниками, как он на них влияет, какую роль играет в их жизни. Таким образом, цель статьи – не столько выявить влияние фестиваля на городскую среду, оно во многом очевидно, сколько обратить внимание на его участников, поскольку «Том Сойер Фест» влияет не только на город и его исторический облик, но и на горожан и участников фестиваля.

Методология исследования

Для анализа активистской деятельности в сфере сохранения деревянного зодчества и исторического облика Вологды мы провели 11 полуструктурированных глубинных интервью с организаторами и участниками «Том Сойер Феста» в этом городе. Возраст опрошенных сильно варьируется: организовали фестиваль молодые девушки 25–27 лет, нашими информантами из числа его участников стали люди от 20 до 50 лет, то есть совершенно разных возрастов.

дом, будет рассмотрена как «мобильное» третье место. Здесь создается особая дружественная атмосфера и комфортная среда, способствующая росту социального капитала участников фестиваля, что, в свою очередь, приводит к формированию городского сообщества.

Ключевые слова: социология города; городская антропология; городские исследования; третье место; деревянная архитектура; сохранение культурного наследия; городской активизм; городское сообщество

Цитирование: Бахарева М. А., Садова Е. С. (2021) «Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>

Стоит отметить, что участниками «Том Соьер Феста» в Вологде были как мужчины, так и женщины; по словам самих волонтеров, и тех и других было поровну. Строгой иерархии на площадке тоже не было, как считают сами участники. Но все же иногда процессом необходимо было управлять, и кому-то приходилось брать на себя обязанности руководителя, чтобы технически правильно организовать работы и выдавать инструменты, поэтому на площадке присутствовали координаторы.

11 человек, с которыми мы беседовали во время полевой работы, – это «представители интеллигенции», как сказала одна из опрошенных. Как правило, это люди, чья профессиональная деятельность в той или иной степени связана со сферой культуры или с гуманитарной сферой. Мы поговорили с двумя преподавателями, двумя реставраторами и историком. Среди наших информантов также были люди, работавшие в театре, благотворительном фонде, музее. Кроме того, интервью проводились с девушкой, которая работала гидом и создала бюро экскурсий, и женщиной, работавшей в сфере молодежной политики. Также среди участников «Том Соьер Феста» в Вологде были, например, архитекторы, студенты, музыкант.

Из 11 наших информантов одни были организаторами фестиваля, другие – активными и постоянными участниками, третьи – участниками, которые время от времени приходили на работы.

Что касается структуры гайда интервью, то он был разбит на несколько крупных тематических блоков. В ходе разговора мы задавали дополнительные вопросы в зависимости от той траектории, по которой информант направлял интервью. Основными сюжетами стали следующие:

- как и почему возникло градозащитное движение в Вологде и кто его представляет;
- почему решено было присоединиться к всероссийскому движению фестиваля «Том Соьер Фест», а не организовать что-то свое;
- как велась подготовка к фестивалю; какую функцию на фестивале выполнял каждый из информантов и как эти функции распределялись;
- как происходило взаимодействие участников между собой;
- с какими трудностями пришлось столкнуться организаторам и участникам фестиваля;

- что организаторы «Том Соьер Феста» делали, чтобы привлечь больше участников;
- насколько популярен фестиваль среди горожан и каково их отношение к нему;
- как происходило взаимодействие с жителями домов, выбранных для проведения фестиваля;
- какие еще проекты в сфере городского активизма помогали «Том Соьер Фесту» – как вологодские, так и общероссийские.

Также большое внимание в ходе интервью уделялось личной истории информантов и процессу их интеграции в градозащитное движение, тому, как они начали интересоваться вопросами сохранения исторического наследия и что их подтолкнуло к участию в фестивале.

Обычно фестиваль начинает свою работу в мае, на это время было запланировано включенное наблюдение, однако пандемия COVID-19 внесла свои коррективы, начало работ было перенесено. В итоге включенное наблюдение не проводилось.

Аналитическая и теоретическая рамки исследования

Стоит отметить, что деятельность, реализуемая волонтерами и организаторами фестиваля «Том Соьер Фест», широко освещается в различных местных и федеральных СМИ. Ее нередко упоминают и в академических статьях. Чаще всего фестиваль рассматривается как партиципаторная практика и низовая инициатива [Карасельникова, Стадников, 2018; Стадников, 2019; Репина, Захарченко, 2018]. Некоторые авторы, приводя в качестве примера фестиваль, подчеркивают важную роль городских сообществ в развитии городской среды [Благовидова, Юдина, 2019]. Кроме того, отмечают позитивные экономические эффекты, достигаемые благодаря фестивалю, – рост стоимости жилья в отремонтированных домах и изменение отношения к ним [Стадников, 2019].

В нашей статье мы рассматриваем фестиваль в качестве одной из практик участия горожан в сохранении облика своего города, уделяя особое внимание мотивирующим факторам, подтолкнувшим их к участию в фестивале, и социальным эффектам фестиваля.

Одним из выводов исследования стал тезис о фестивале как «мобильном» третьем месте, который дополняет теорию Рэя Ольденбурга. Согласно этой теории, тре-

тье место – часть городского пространства, которая не является ни домом, ни работой (первым и вторым местами соответственно) [Ольденбург, 2014, с. 20]. Оно – «исконно народное лекарство от стресса, одиночества и отчуждения» [Там же, с. 62].

В качестве третьих мест Ольденбург приводит английские и ирландские пабы [Там же, с. 197, 34], французские кафе [Там же, с. 228], американские таверны [Там же, с. 254], главную улицу города Ривер-парк [Там же, с. 173]. По определению автора, такие места – «ключевые точки неформальной публичной жизни» [Там же, с. 57]. Другими словами, это общественные места, куда люди могут прийти и не принужденно пообщаться. Они являются важнейшей частью повседневной жизни горожан, формируют городскую среду и играют важную роль в развитии демократии [Там же, с. 62–64, 123–130]. Они также способствуют творческому взаимодействию людей и, нередко имея рекреационную и развлекательную роли, выполняют важные социальные, экономические и политические функции [Там же, с. 131, 135, 141].

Согласно Р. Ольденбургу, третье место обладает следующими характеристиками: оно расположено на нейтральной территории, доступно, удобно и при этом неприметно, в этом месте все равны, есть свои завсегдатаи, основной вид деятельности – беседа, и главное – это «дом вдали от дома» [Там же, с. 64, 66, 70, 78, 80, 83, 87].

Нейтральность третьего места обуславливается тем, что люди приходят туда добровольно, могут находиться там любое количество времени и уходить по своему желанию [Там же, с. 22]. Социальный или экономический статус каждого из посетителей не имеет большого значения, в третьем месте не установлены «критерии членства» и нет социально-демографических или любых других ограничений доступа [Там же, с. 67–68]. Основной целью посещения является удовлетворение потребности в неформальном общении [Там же, с. 27]. При этом третье место находится в шаговой доступности для посетителя. Он может прийти и в любое время встретить там знакомых, любой гость является желанным. Дома, на работе и в месте учебы человек проводит большую часть времени, поэтому третьи места должны быть доступны и в нерабочее время. У них есть свои постоянные клиенты – именно они создают особую атмосферу и «придают месту характер» [Там же, с. 80–81].

И главное – в третьем месте человек может почувствовать себя так же комфортно, как дома, это место дает ему близкое по духу окружение, приносит душевное спокойствие [Там же, с. 87, 89–90].

В дальнейшем социологи развивали эту концепцию, добавляя, что третье место должно быть бесплатным или не очень дорогим, там предпочтительно должны быть напитки и еда, а также возможность найти новых друзей или встретить старых [Bia, 2013]. Некоторые авторы называли третьими местами, например, рестораны, дома престарелых и торговые центры [Jeffres et al., 2009]. Кроме того, исследователи стали рассматривать как третье место виртуальное пространство [Williams, 2006; Soukup, 2006; Steinkuehler, Williams, 2006; Wimmer, 2013; Bia, 2013], а также библиотеки [Servet, 2010] и коворкинги [Scaillez, Tremblay, 2017], уделяя особое внимание критериям уравнивающего пространства и наличия завсегдатаев.

Разумеется, на первый взгляд «Том Сойер Фест» не полностью соответствует вышеупомянутым критериям. Так, возможность посещения ограничена часами работы площадки. Но разве не то же самое ограничение есть у библиотек, кафе и магазинов, которые Ольденбург однозначно причислял к таким местам?

Однако прежде чем перейти к анализу фестиваля как третьего места, хотелось бы отметить, что он сыграл важную роль в формировании городского сообщества активистов в Вологде. Он послужил катализатором объединения различных отдельно существующих активистских групп – это отмечают все наши информанты. До «Том Сойер Феста» в городе уже существовало несколько неформальных волонтерских организаций в сфере градозащиты. С появлением фестиваля вологодские волонтеры и активисты начали постоянно контактировать и взаимодействовать друг с другом, планировать совместные мероприятия, создали общий чат в одном из мессенджеров, стали проводить время вместе. Так, очередное наше интервью неожиданно проходило во время собрания волонтеров, которое они организовали для подготовки одного из таких мероприятий – игры с населением в слова о культурном наследии и реставрации, – хотя договаривались мы встретиться только с одним информантом.

Ремонтируемый дом – нейтральное и неприметное пространство

Дом, который ремонтируют участники «Том Сойер Феста», – нейтральная для них территория, где никто не является ни гостем, ни хозяином [Ольденбург, 2014, с. 22]. Хотя здесь следует сделать оговорку. Безусловно, у дома есть собственники, то есть хозяева, и некоторые из них принимали участие в фестивале или просто помогали его участникам в бытовых вопросах. Однако для большинства участников место проведения фестиваля все-таки нейтрально: они не являются хозяевами на этой территории, но и гостями их назвать также нельзя, так как они работают снаружи дома, а не внутри, не нарушая приватного пространства жильцов. Поэтому, не будучи обязанными принять на себя эти роли, они могут чувствовать себя более свободно.

Деревянные дома, ремонтом которых занимались вологодские активисты, уникальны по своему архитектурному типу и даже являются объектами культурного наследия. Но при этом каждый дом неприметен, поскольку не выглядит как «элитное», «модное» жилье, он «не впечатлит непосвященных» [Там же, с. 83].

Многие информанты отмечали, что работа на таком объекте не очень популярна в городе, горожане не понимают, для чего вообще заниматься такими деревянными строениями и уж тем более ремонтировать их бесплатно:

...плюс очень много времени уходило на то, чтобы объяснять, зачем это делаем, что нам не платят какие-то политические структуры, что мы не являемся партийной ячейкой, что тебе дома красивые действительно нужны. Но это мы для себя больше понимаем, а люди приходящие не понимают. Когда нам говорили, «что вы красите, 10 лет назад уже должны были это снести...» (Информант № 5).

В этом фрагменте интервью отражено отношение многих горожан и случайных прохожих к фестивалю. Многим непонятны ценность ремонтируемых домов и причины, по которым их нужно сохранять, а не сносить. Несомненно, эти дома являются историческим наследием в самом широком смысле этого слова, но очень немногие это осознают. Но когда такой дом даже просто покрасили, обновили – он изменил свой вид, стал опрятным, красивым, засиял

по-новому. Многие горожане впервые обратили на него внимание и увидели его красоту, которая была скрыта под слоями старой облезлой краски. И вот город уже воспринимается хотя бы немного, но по-другому, вызывает другие чувства и эмоции.

Таким образом, неприметен этот дом только поначалу. По мере работы «Том Сойер Феста» горожане проявляют к нему все больший интерес, фестиваль делает его «приметным», возвращает дому его красоту и роль в формировании облика города.

«Мобильный» характер третьего места

Площадка фестиваля легкодоступна и удобно размещена – оба ремонтируемых в ходе этого фестиваля строения расположены в центре города (одно чуть дальше, но все же в пешей доступности от исторического центра), поэтому всем участникам удобно до них добираться:

...на Благовещенской – улица проходная, находится в самом центре, там много людей, которые ходят каждый день и видят, что какие-то молодые девушки и парни, явно не рабочие, по вечерам что-то ремонтируют, и в какой-то момент они останавливаются и начинают спрашивать, что происходит (Информант № 2).

Благодаря расположению площадки фестиваля в самом центре города эта инициатива обращает на себя внимание горожан. Люди, которые проходят мимо и видят такое «странное» зрелище, – обычные горожане, такие же, как они сами, ремонтируют старый обветшалый деревянный дом, – начинают задумываться. И если не о том, как важно беречь и сохранять историческое наследие, то хотя бы о том, что такая проблема есть и волнует других и что, возможно, у таких домов все же есть шанс на будущее. Кроме того, расположение площадки позволяет привлекать все большее количество «посетителей», то есть участников фестиваля, которыми становятся совершенно разные люди.

Ремонтируемый дом – место, куда участники фестиваля (и, что важно, любой житель города или приезжий) могут прийти и откуда могут уйти совершенно свободно. Однако у критерия доступности есть свои ограничения. Во-первых, фестиваль проводится не круглогодично, а в теплое время года (примерно с начала

мая по конец сентября), во-вторых, у площадки был свой график работы. Работы на доме в первом и втором сезонах фестиваля велись несколько дней в неделю с 17:00 до 20:00 в будни и с 10:00 до 17:00 в выходные. Тем не менее участники отмечали, что были там с «8 утра до 8 вечера» (Информант № 10), «на Доме» всегда кто-то находился, а после работы постоянно оставались на посиделки, чаепития и многое другое:

Мне казалось, все приходили как хотели. То есть там такой свободный график: захотел – пришел, не захотел – не пришел. Ну не знаю, мне так всегда хотелось приходиться. Я приходил (Информант № 10).

Ключевое в графике работы – вновь удобство, площадка открыта по вечерам и в выходные, когда заканчиваются учебные и рабочие часы. В любое время на площадке был кто-то из организаторов или участников, там обязательно была небольшая компания людей, готовых и поработать, и пообщаться. Кроме того, участники во время интервью отмечали, что расположение площадки фестиваля также способствовало долгому пребыванию на ней – почти все могли задерживаться надолго после работы «на Доме» для «посиделок», потому что от центра удобно добираться к себе даже поздно ночью.

Подчеркнем, что, несмотря на то что «Том Соьер Фест» проводится каждый сезон (или через сезон) в новом доме, мы считаем возможным рассматривать его как третье место. Мы полагаем, что третье место – не обязательно здание, хотя дом как площадка присутствует, и не обязательно фиксировано в пространстве – оно может быть «мобильным». Более того, оно не обязательно фиксировано и во времени, как в случае с фестивалем, где работы имеют сезонный характер и отсутствует жесткий график. Таким образом, характерная черта «мобильного» третьего места – гибкость пространства и времени.

Пространство равенства

Дом-площадка «Том Соьер Феста» – место «уравнитель» [Там же, с. 66], оно «по своей природе объединяет людей» [Там же, с. 67]. Туда может попасть совершенно любой человек, все зависит лишь от желания. «Третьи места противостоят тенденции к выборочному общению, будучи открытыми для всех и позволяя проявиться достоинствам

людей независимо от статусных различий в данном обществе» [Там же, с. 67–68]. Люди приходят с абсолютно разными целями и интересами, с разным отношением к работе, но всех на площадке ждут.

То есть просто обычно все говорят такими официальными словами «вот, это наше культурное наследие, его надо спасать». Я не очень люблю таким апеллировать, потому что у каждого есть своя личная мотивация. Кому-то из ребят просто классно жить и быть в другой среде, кому-то было интересно что-то поделывать руками, и они вообще не хотели, чтобы их трогали. То есть у нас нет такого, что ты пришел и должен активно пить со всеми чай, потом все идут дружно шкурить, потом активность идет, еще что-то – каждому должно быть такое место, где человеку комфортно. Если он пришел помолчать, пошкурить – то это должно быть. День, когда я брала просто перчатку и шла работать, был один из самых счастливых, потому что ты стоишь просто и кайфуешь. То есть у всех совершенно разные мотивации (Информант № 5).

На площадке фестиваля присутствуют люди совершенно разного возраста, пола, социального статуса. На фестивале нет иерархии. Приходя «на Дом», все становятся равны – есть только координаторы, которые занимаются самыми важными организационными вопросами, но при этом они работают так же, как и простые участники – шкурят, красят:

Я, наверное, себя бы назвала координатором, хотя мы стараемся все-таки иногда меняться. <...> В общем, всегда очень хочется, чтобы команда четко понимала, что нет какого-то главного человека, не должно быть такого. Есть, может быть, человек, который общается с прессой, а есть человек, который ищет ресурсы, а есть которые занимаются ведением групп в социальных сетях (Информант № 5).

В третьих местах важны обаяние и личные качества, а не социальная роль, которую человек играет вне фестиваля. Более того, третье место способствует изменению этих утвердившихся ролей; переступая его порог, человек может раскрыться по-новому:

...мы видели, что приходит постоянно с детьми одна девушка, которая прямо

просила «дайте мне болгарку», то есть прям классно работает, все делает, ощущение, будто она всегда этим занималась, и все спрашивают: «Кто ты?». А оказалось, девушка сейчас декан юридического факультета <...>, и, оказывается, она преподавала у всех моих друзей (Информант № 5).

Фестиваль как катализатор формирования сообществ

Еще одной характеристикой третьего места, согласно Ольденбургу, являются «завсегдатаи», то есть те, кто регулярно и постоянно посещает такое место [Там же, с. 80]. «Именно завсегдатаи придают месту характер и гарантируют, что в любое посещение кто-то из их компании будет там находиться» [Там же, с. 80].

В случае с «Том Соьер Фестом» такими «завсегдатаями» стали организаторы фестиваля и наиболее активные его участники, сформировался определенный «костяк» (самоопределение организаторов фестиваля), то есть основное ядро участников. Кроме того, многие из тех, кто приходил поучаствовать в «Том Соьер Фесте», приводили своих друзей и знакомых, а те, кто приходил впервые, зачастую встречали их на площадке «Том Соьер Феста»:

Часть я знала, с частью знакомилась. Это полный экспромт, ты приходишь в дом, знаешь только организаторов, а потом уже знакомишься. И вот этого знаешь, вот этого знаешь, потом замечаешь и понимаешь, что вот... Вот когда первый раз пришла, Дима (один из участников фестиваля в Вологде, имя изменено. – Прим. авт.) наверху балясины чистил, говорит: «Это что тут делаешь?» – он меня по Семенково знает, и Аня (одна из организаторов фестиваля в Вологде, имя изменено. – Прим. авт.) на нас так смотрит: «Ребята, вы что, знакомы?» (Информант № 8).

То есть, приходя на фестиваль и будучи знакомым с кем-либо из организаторов или активных участников – «завсегдатаев», всегда можно встретить кого-то из них на площадке. Они же оказывают радушный прием впервые пришедшим на «Том Соьер Фест» и принимают их в свой круг, тем самым способствуя их интеграции в сообщество фестиваля.

Более того, именно наиболее активные участники фестиваля, сложившееся ядро,

продолжали приходить на работы несмотря на возникавшие трудности, например, плохую погоду, холодную и дождливую. Их не останавливал и больший объем работ, который, из-за меньшего количества желающих работать в такие дни, ложился на их плечи.

В это лето (2019 года. – Прим. авт.) было меньше (участников. – Прим. авт.), потому что была ужасная погода. Мы поэтому не успели доделать дом, потому что были постоянно дожди, и просто нереально было красить что-то, потому что это нарушение технологии производства работ. Приходилось ждать, пока высохнет, и все равно мы затаили, поэтому и людей было мало, и ходили в основном те, кто чувствовал свою какую-то ответственность за это дело. Новички тоже, кстати. Новички в этом году появились, несколько человек. Кто-то, кто в прошлом году часто ходил, они, наоборот, ушли, но в целом такой костяк, он сохраняется (Информант № 11).

Этот «костяк» участников «Том Соьер Феста» в Вологде первоначально был сформирован представителями градозащитных сообществ города. Представители этих сообществ были знакомы друг с другом и, объединившись, образовали команду организаторов фестиваля, что стало одной из особенностей и отличительных черт фестиваля в Вологде по сравнению с другими российскими городами, где проходит «Том Соьер Фест». Там координатор фестиваля сталкивается с необходимостью собрать команду. Тем не менее это были отдельные градозащитные сообщества, каждое из которых занималось своим направлением в рамках градозащитной деятельности – кто-то историческим и краеведческим аспектом, кто-то правовыми вопросами защиты деревянного зодчества, кто-то просветительской работой, популяризацией сохранения культурного наследия и бережного отношения к нему. Наши информанты особенно подчеркивали важность и необходимость информирующей и просветительской функций градозащитной деятельности:

Ну вообще наша деятельность – она направлена на популяризацию историко-культурного наследия. То есть мы такое связующее звено между историей города и горожанами. То есть мы открываем людям город (Информант № 11).

Городской активизм в Вологде был достаточно хорошо развит еще до фестиваля, в городе проводилось много мероприятий, направленных на защиту, сохранение и развитие городской среды. Вот лишь некоторые из них просветительского толка: лекции, экскурсии, квесты, субботники, игры с населением по темам историко-культурного наследия и реставрации.

В ходе совместной организации и подготовки фестиваля «Том Соьер Фест» существовавшие ранее сообщества стали ближе друг другу, сформировалось единое сообщество градозащитников.

И у нас в Вологде давно уже развито достаточно сильное градозащитное движение, было очень много проектов – дни архитектуры, дни реставрации, фестивали были всякие, урбанистические проекты. <...> И когда мы узнали про «Том Соьер Фест», на днях архитектуры как раз презентовал Андрей этот проект, мы долго думали – то есть, как видите, у нас получилось в городе, что все градозащитники собрались вместе – это историки, реставраторы, архитекторы, то есть разные люди из разных сообществ, и сделали фестиваль. В других городах появляется координатор в фестивале, и он вокруг себя набирает команду, а нам не надо было набирать команду, у нас все просто градозащитники объединились, и был такой мощный старт. С одной стороны, это было гораздо легче, мы были знакомы, были объединены общей целью, мы знали, что хотели делать, – и это большая разница, конечно, отличие от других городов (Информант № 2).

Что особенно примечательно, почти все наши информанты ощущают существование этого городского сообщества. Наиболее употребляемая ими во время интервью фраза – «в Вологде все знакомы через одно рукопожатие». Некоторые из них называли Вологду «большой деревней», где все друг друга знают и со всеми знакомы.

Формирование этого городского сообщества дало возможность активистам расширить свои социальные связи и, как следствие, увеличить социальный капитал¹, отчего они только выигрывают. Выгоды градозащитников от расширения их социального капитала включают возможность

1. Эта тема освещалась в работах французского социолога Пьера Бурдьё, в том числе в статье под названием «Формы капитала» [Бурдьё, 2002].

обратиться за помощью по профессиональным вопросам, связанным с защитой городской среды и сохранением исторического и архитектурного наследия, к другим членам этого сообщества, например к реставраторам, проконсультироваться с ними, получить от них советы или обменяться опытом. Это повышает уровень профессионализма и экспертности, а также экономит силы и время, которые в противном случае нужно было бы потратить на поиски необходимой информации.

Кроме того, благодаря расширению социального капитала участников фестиваля стали возможны и другие формы взаимопомощи:

То есть я поняла, что общение – это инструмент, чтобы узнавать что-то новое именно для себя в профессиональном плане, то есть контактов больше стало. Ну вот, например, мне на работу сейчас в Вологде устроиться – раз плюнуть, все тут знают, отбивайся от работы только. То есть мне это помогло в профессиональном плане завести какие-то контакты, то есть это консультации, поездки, экскурсии, не сидишь в своем панцире (Информант № 11).

В этом фрагменте интервью информантка говорит о тех выгодах, которые ей принесло расширение ее социальных связей. Это позволило ей углубить свои знания и повысить ценность своих профессиональных компетенций.

Формирование этого сообщества стимулирует участие активистов в новых городских проектах. Раньше, чтобы создать новый проект, требовалось найти тех, кто хотел бы в нем поучаствовать, тех, кто бы им заинтересовался, что иногда становилось непростой задачей. Теперь же сближение нескольких градозащитных сообществ, участники которых друг друга знают и постоянно остаются на связи, упростило создание и организацию новых городских мероприятий и проектов.

В общем, вот опять получается: формируется социальный капитал, но уже именно в реставрации и как бы более-менее постоянный-непостоянный круг людей, которые вовлекаются вот в эти активности, и происходит обмен опытом (Информант № 11).

...это то состояние, когда ты живешь в городе и общаешься с людьми, вот в этом социуме находишься, потом как-то воз-

никает этот проект, и ты уже в нем. То есть непонятно, как это произошло, просто вот я общаюсь с этими людьми и как-то влилась (Информант № 11).

Социальные контакты, знакомства, обретенные благодаря вовлечению в градозащитную деятельность и участию в «Том Соьер Фесте», могут перерасти в приятельские отношения, а иногда и в дружеские. Градозащитники, участники фестиваля, ставшие его основным ядром, собираются вместе не только для подготовки мероприятий, но и для совместного времяпрепровождения и общения.

Товарищи, вот, товарищи, мне вот это подходит. То есть это люди, с которыми у тебя общие идеи, общие взгляды, то есть ты понимаешь, что они думают так же, как ты. И можем мозговым штурмом придумать какое-то действие по улучшению ситуации.

...когда грядут какие-то мероприятия, мы собираемся часто. Но вообще, мы все время поддерживаем контакт, у нас есть группа, диалог. Мы, в принципе, ездим в лес куда-нибудь за грибами или куда-нибудь на карьер... В принципе, и так, вне мероприятий, встречаемся (Информант № 11).

Таким образом, установленные между участниками фестиваля социальные контакты могут быть разными: для одних – это скорее профессиональные контакты, для других – новые друзья, для третьих – люди, близкие по духу, единомышленники, как в случае одной из наших информанток в приведенной только что цитате.

Роль «тусовки» в сплочении и привлечении участников фестиваля

Ольденбург писал о том, что основной деятельностью в третьих местах является беседа, приятный разговор, неформальное общение, от которого посетители получают удовольствие [Ольденбург, 2014, с. 70–71]. Кроме того, среди описанных им функций третьих мест в данном контексте можно выделить функцию веселья или развлечения [Там же, с. 27], что, как отмечает американский социолог, является важнейшей мотивацией, «которая снова и снова тянет людей вернуться» [Там же, с. 27] в третье место.

Развлечение, конечно, не было основной целью «Том Соьер Феста», но оно яв-

лялось его значимой частью и играло большую роль как в привлечении новых участников фестиваля, так и в сплочении их сообщества. Каждый день после ремонтных работ на площадке фестиваля устраивались вечера, участники оставались на чаепития или посиделки (так их называли некоторые из наших информантов), во время которых происходило неформальное общение:

Ну не то чтобы часто, но вообще каждый вечер после того, как мы заканчивали работы, мы еще стоим там, чай... <...> Там чайничек, и разговариваем, и разговариваем. <...> Долго, да (Информант № 11).

Часть наших информантов подчеркивали тот факт, что такие посиделки происходили постоянно, каждый вечер, и что такие вечера продолжались долго, иногда до поздней ночи и даже до утра. Отвечая на вопрос о соотношении времени работ на площадке и времени вечерних посиделок, одна из информанток сказала, что эти периоды должны быть одинаковыми. Продолжая разговор, мы спросили, а как было на самом деле, и вот что нам сказали:

Ну так вот одинаково, наверно. Мы очень много разговариваем, особенно когда чувствуем где-то в начале, что вот еще лето все впереди, и начинаются разговоры обо всем (Информант № 11).

Необходимо подчеркнуть, что участники не только общались во время вечеров, но и разговаривали во время самих работ. Помимо этого, периодически, чтобы отдохнуть, устраивались перерывы, когда они могли выпить чаю, перекусить, а также пообщаться.

А я с ним (с одним из участников фестиваля. – Прим. авт.) познакомилась почему, потому что я на четвертом ярусе лесов работала, а желающих там всегда не очень много, потому что ну страшно. А он как-то вот туда перся, и поэтому че мы там вдвоем с ним. Иногда Костик (один из участников фестиваля в Вологде, имя изменено. – Прим. авт.) подлезет. Ну то есть с кем ты работаешь, с тем больше, получается, и общаешься. Вот (Информант № 7).

Однако времяпрепровождение участников фестиваля на вечерах, или на «тусовках»,

не ограничивалось только общением и разговорами, были и другие возможности для культурного развлечения. Во-первых, на площадке «Том Соьер Феста» проходили своего рода музыкальные фестивали с концертами, организованные самими участниками не только для себя, но и для всех жителей города. Они пели песни, играли на гитаре. Для этого на фестивале устраивалась сцена.

Во-вторых, одна из девушек, организовавших «Том Соьер Фест» в Вологде, устраивала показы старых фильмов для участников фестиваля. Так, один из информантов характеризует эти вечера как активный отдых:

Первый сезон у нас такой активный отдых был. В основном в доме, который мы красили. То есть мы вечерами там и иногда до утра и даже ночевали. Ну в гости ездили. Потом концерты у нас были. Один концерт. Просто на улице, кто-то из наших рядов, люди. <...> Для всего города. То есть у нас в группе объявили, что будет концерт, приходите. Люди приходили, смотрели. Кто-то увидел, пришел, остановился, послушал (Информант № 10).

Для участников «Том Соьер Феста» в Вологде фестиваль был связан не только с работами по ремонту старого исторического деревянного дома, но и с культурными развлечениями, возможностью найти новых друзей, пообщаться с людьми, близкими по духу, повеселиться. И даже приглашая своих друзей и знакомых поучаствовать в фестивале, некоторые информанты говорили больше о вечерах и «тусовке», чем о главной цели фестиваля, то есть ремонте дома:

Я, конечно, про тусовку больше рассказывал. Вон у нас там каждый день чаепитие, кино, еще что-то. <...> У нас не много было мероприятий, у нас очень много было чаепитий в самом доме. Мне как бы этого вполне хватало. Каждый день там с 10 до 12 (вечера. – Прим. авт.) как минимум. А в выходные до утра. Даже соседи не жаловались (Информант № 10).

На открытии фестиваля был организован большой праздник, чтобы привлечь больше волонтеров, и действительно, на этот праздник приходило много людей. Не многие из них впоследствии вернулись на сами работы, тем не менее культурные

мероприятия играют важную роль в привлечении новичков. Надо признать, что для некоторых горожан, особенно молодого возраста, возможность неформального общения и веселья была одним из ключевых факторов, повлиявших на их решение принять участие в фестивале, однако участники понимают, что «тусовка» – это все же лишь его часть.

...было несколько человек, на мой взгляд – ну это мое личное мнение, что люди приходили потусоваться. Они вот что-то делают, к концу придут... Но с другой стороны, и так хорошо. Ну вот приходят к концу и потом сидят, и по пятницам особенно, когда и гитара была – это как бы обратная сторона этого всего. Ну и вот, с одной стороны, получается, ты как бы мог бы помочь, историю узнать, с другой стороны, все-таки это тусовочка молодежная больше, а я сам уже не студент, хотя там были взрослые люди – за 30, даже за 50, вот. Так что не совсем это тусовочка, но, по-моему, так и должно быть, что это скорее в дополнение (Информант № 3).

Для многих участников фестиваля первичной мотивацией стало желание что-то сделать для своего города, сохранить деревянные строения, столь важные для их самоидентификации как жителей старинного города Вологды. Кроме того, у некоторых было желание изучить эти строения с архитектурно-реставрационной и исторической точек зрения. Но вечера, или «тусовки», общение, долгие разговоры и чаепития, благоприятствовавшие сплочению сообщества участников фестиваля и быстрой интеграции новых участников, кино и музыка – другими словами, культурные развлечения были фактором, способствовавшим участию волонтеров в фестивале. Это одна из причин популярности фестиваля, как и в случае любого другого третьего места. «В общем, жизнь была ключом...» (Информант № 5).

Фестивальный «Дом», позволяющий чувствовать себя как дома

Помимо уже названных критериев третьего места Ольденбург указывал, что в таких местах преобладает игривое настроение [Там же, с. 85], создающее особую обстановку. Кроме того, в «третьих местах» обычно царит домашняя уютная атмосфера [Там же, с. 87]. Рассматривая эти крите-

рии применительно к «Том Сойер Фесту», мы объединили их в один общий критерий – атмосфера. На наш взгляд, он включает в себя наиболее важные характеристики фестиваля в данном контексте.

Так, наши информанты, говоря об отношениях между участниками и описывая обстановку, сложившуюся на площадке фестиваля, особенно подчеркивали тот факт, что там царила дружелюбная атмосфера, «что было все очень мило и очень доброжелательно» (Информант № 9). Они говорили, что им хорошо и комфортно работало, что было весело. Для многих участников «Том Сойер Фест» стал особым местом:

Но это было совершенно какое-то безумие, полнейшее, потому что мне никогда в жизни не описать все, что с нами происходило, и я прячу все это под названием «Том Сойер Фест». Там все – любовь-морковь, всякие концерты, звездопады, балконы, вино, гитара... (Информант № 5).

...здесь приходишь – и там единомышленники, и каждый в своих мыслях, скребут, а потом чай, пиццы, и как-то это все легко, и общение, и так прямо погладили тебя по душе (Информант № 8).

На формирование атмосферы искренности, дружбы и взаимопонимания позитивно повлияло и то, что между участниками фестиваля сложились хорошие, теплые отношения. Один из информантов признался нам, что благодаря этому фестивалю смог найти много новых друзей. Также, по словам информантов, во взаимоотношениях между участниками «Том Сойер Феста» не было трудностей и напряженности, не возникало конфликтов или каких бы то ни было неудобств:

У нас нет, не было никаких конфликтов, никто ни на кого не орал, ничего. У нас все время такая атмосфера – дружеская очень. Наверное, может быть, ради компании какой-то собирались, ради людей, ради дома. Сначала вроде как ради дома, да, шли, а потом уже поняли, что люди, какая-то постоянная компания. Вообще даже те, которые новые приходят, это тоже свои люди, получается (Информант № 11).

Большинство наших информантов тепло отзывались друг о друге и о других участ-

никах фестиваля, называя их «интересными, хорошими людьми» и «единомышленниками». Многим удалось познакомиться с людьми, близкими по духу и со схожими интересами, и их общение не прекратилось после окончания фестиваля. Кроме того, харизма некоторых организаторов и их опыт проведения других фестивалей также сыграли большую роль в создании дружелюбной атмосферы на площадке фестиваля, где все чувствовали себя уютно и комфортно, как дома, что благоприятно повлияло на рост популярности этого третьего места.

Все, кто хотел, пришли. Может, потому что какая-то своя тусовка такая сложилась, не знаю... Потому что Аня (одна из организаторов фестиваля в Вологде, имя изменено. – Прим. авт.) для этого делала, конечно, много. Те же самые музыкальные фестивали. <...> И Аня своей силой, своей харизмой, своими возможностями создавала уют и душевность, куда люди потом хотели возвращаться, потому что Анютка для нас делала... <...> Аня приносила проектор, смотрели очень старое кино прямо на полу... (Информант № 8).

Описывая последний критерий, характеризующий третье место как «дом вдали от дома» [Ольденбург, 2014, с. 87], Ольденбург, ссылаясь на психолога Дэвида Симона², использует классификацию признаков дома, одним из которых является его понимание как места для отдыха и восстановления [Ольденбург, 2014, с. 87–89]. Этот критерий также применим к фестивалю «Том Сойер Фест», который стал для многих тем местом, где можно отдохнуть и восстановить свои силы, что каждый участник делает по-своему: кто-то – работая с домом, то есть занимаясь ручным трудом, поскольку устал от умственного или сидячей работы в офисе, кто-то – просто общаясь с другими участниками, кто-то – участвуя в культурных мероприятиях фестиваля.

Ну, во-первых, это возможность отдыха, обмена какими-то положительными эмоциями, нахождение в какой-то общей идее. Как бы у тебя работа ни складывалась, ты сюда приходишь и видишь результат своей работы, даже

2. Р. Ольденбург в библиографии к своей книге ссылается на одну из работ Симона: Seamon D. (1979) A Geography of the Lifeworld, NY: St. Martin's Press.

вот этот маленький кусочек, который очистил, – он доставляет тебе удовольствие. Тут можно с разных точек зрения смотреть, и физический труд – он заставляет подвигаться, вырабатывает... Ну и другой момент, чтобы просто ты пришел, забыл о своих проблемах, отключился. Даже если ты не общаешься, слова не скажешь – люди все равно хорошие (Информант № 8).

Вообще говорят везде по-разному. Где-то на «Том Соьер Фест» люди приходят потусить, потому что весело, я не знаю, как у нас. Мне кажется, у нас приходили люди, потому что пошкурить, просто сменить род деятельности. Там девушка, которая, например, сидит в банке, и ей просто хочется уже поделаться что-то руками и посидеть на свежем воздухе (Информант № 4).

Таким образом, у каждого была своя мотивация принять участие в фестивале и каждый находил в нем что-то свое.

Что интересно, даже говоря о площадке фестиваля, участники использовали слово «Дом» (при написании – с прописной буквы), которое было для них особым термином, служившим именно для обозначения дома, ремонтируемого в ходе «Том Соьер Феста».

...если, например, мы спрашивали: «Ты в Доме?» – все было понятно – где, в каком конкретно доме. Или писали с большой буквы, если писали смс в чате «Кто есть в Доме?» или «на Доме» – все пишут с большой буквы, всем понятно, о чем идет речь (Информант № 5).

Употребляя в своем сообществе отдельный термин для названия площадки фестиваля, его участники таким образом выделяли это место среди прочих и обозначали его как свое третье место. На наш взгляд, это то, что в своей работе Ольденбург охарактеризовал как его присвоение, то есть чувство, что то или иное третье место принадлежит человеку или группе [Ольденбург, 2014, с. 89].

Таким образом, фестиваль «Том Соьер Фест», где преобладала дружелюбная атмосфера, а отношения между участниками были теплыми и искренними, что заставляло многих чувствовать себя в этом третьем месте так же комфортно и уютно, как дома, был местом, где каждый мог расслабиться и набраться сил.

Заключение

Применив к фестивалю «Том Соьер Фест» критерии, предложенные Ольденбургом для характеристики третьих мест [Ольденбург, 2014], мы можем констатировать, что, во-первых, этот фестиваль является третьим местом, так как площадка его проведения – нейтральная для участников территория, она доступна в любое время в рамках часов и дней работы фестиваля и удобно расположена в центре города, а также проста и на первый взгляд незаметна. Кроме того, на фестивале отсутствует иерархия, все участники равны между собой и занимаются одной и той же работой – ремонтируют дом. При этом организаторы фестиваля и наиболее активные его участники стали «завсегдатаями» этого третьего места, а «Том Соьер Фест» помог многим из них расширить свой социальный капитал. Этому способствовало постоянное неформальное общение участников фестиваля в ходе самих работ и во время вечерних посиделок и чаепитий, которые были очень важной составляющей фестиваля. Обретенные социальные связи иногда превращались в более близкие дружеские отношения и продолжались за рамками фестиваля. Сложившаяся на площадке «Том Соьер Феста» в Вологде доброжелательная атмосфера позволила участникам ощущать себя там так же комфортно и уютно, как дома.

Во-вторых, фестиваль «Том Соьер Фест» – не просто третье место, его особенностью является «переносимость», «мобильность», поскольку он проводится каждый год на новой площадке, в новом доме, а следовательно, его физическое место не может быть зафиксировано раз и навсегда.

В-третьих, фестиваль, возникший как низовая инициатива, является успешным примером того, как простые горожане могут поучаствовать в преобразовании городской среды и помочь городу сохранить свое наследие и свою красоту. Использование его опыта может быть полезно и для других проектов развития городского пространства с привлечением горожан. Часто горожане пассивны, не хотят вовлекаться и участвовать в подобных проектах, возлагая все надежды на государство или на кого-то еще. Как их привлечь, как сделать их участие интересным для них, как сделать так, чтобы им захотелось поучаствовать? Для этого важно понять их опыт участия, посмотреть на фестиваль и другие такие проекты с позиции участников, то есть са-

мих привлекаемых, что мы и постарались сделать в нашем исследовании.

Участники «Том Соьер Феста» приходили на фестиваль с совершенно разными мотивациями: для кого-то мотивацией участия стала возможность внести вклад в сохранение деревянной архитектуры своего города, тем самым поддержав его уникальность и непохожесть на прочие города. Для кого-то – переключиться с умственного труда на физический и отдохнуть от работы в офисе. Для кого-то – получить удовольствие от общения с другими людьми, единомышленниками, расширив свои социальные контакты, и стать частью активного городского сообщества. Но при этом многие отмечают, что благодаря участию в «Том Соьер Фесте» они стали замечать красоту деревянной архитектуры, изменили свое отношение к городу и начали осознавать важность сохранения его культурного и исторического наследия.

Таким образом, фестиваль «Том Соьер Фест», задуманный изначально для восстановления и сохранения старых деревянных домов, образующих неповторимую городскую среду каждого города, – эту функцию он с успехом выполняет, – стал для участников третьим местом, в чем помимо прочего и кроется секрет его популярности.

Список информантов

1. Женщина, одна из организаторов фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 40 лет.
2. Женщина, участница фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 26 лет.
3. Мужчина, участник фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 40 лет.
4. Женщина, одна из организаторов фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 40 лет.
5. Женщина, одна из организаторов фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 27 лет.
6. Мужчина, участник фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 45 лет.
7. Женщина, участница фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 50 лет.
8. Женщина, участница фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 50 лет.
9. Женщина, участница фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 30 лет.
10. Мужчина, участник фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 20 лет.
11. Женщина, участница фестиваля «Том Соьер Фест», ок. 25 лет.

Источники

- Благовидова Н.Г., Юдина Н.В. (2019) Кластерный метод формирования устойчивых исторических поселений // *Architecture and Modern Information Technologies*. № 4 (49). С. 183–200.
- Бурдые П. (2002) Формы капитала // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Карасельникова И.В., Стадников В.Э. (2018) От объекта к среде: поиск новых подходов к устойчивому развитию исторических территорий // *Городские исследования и практики*. Т. 3. № 4. С. 108–132.
- Кочетков А. (ред.) (2017) «Том Соьер Фест»: как любить город не только на словах. Режим доступа: <http://tsfest.ru/obuch-books-001/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Кочетков А. (2019) Как люди берегут историю, а история – людей. Режим доступа: <http://rosrest.com/portfolio/kak-ljudi-bezegut-istoriju-a-istorija-ljudej-a-kochetkov/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Ольденбург Р. (2014) Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение.
- Репина Е.А., Захарченко М.А. (2018) Обзор современных партисипаторных российских практик // *Градостроительство и архитектура*. Т. 8. № 4. С. 86–92.
- Сайт фестиваля «Том Соьер Фест». Режим доступа: <http://tsfest.ru> (дата обращения: 29.07.2020).
- Стадников В.Э. (2019) Исторические территории. Нормативные и ненормативные подходы к обновлению (Hard & Soft) // *Архитектон: известия вузов*. № 2 (66). Режим доступа: http://arhivuz.ru/2019_2/13/ (дата обращения: 29.07.2020).
- «Том Соьер Фест»: итоги года. А заодно и первых пяти сезонов (2019) Сайт фестиваля «Том Соьер Фест». Режим доступа: <http://tsfest.ru/том-сойер-фест-итоги-года-а-заодно-и-пер/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Bia A. *Metaservices: Where DL and DH meet // International Conference on Digital Libraries (ICDL) 2013: Vision 2020: Looking Back 10 Years and Forging New Frontiers / S. Ganguly, P.K. Bhattacharya (eds.)*. TERI. P. 211–222.
- Jeffres L.W., Bracken C.C., Jian G., Casey M.F. (2009) The Impact of Third Places on Community Quality of Life // *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 4 (4). P. 333–345.
- Scaillerez A., Tremblay D.-G. (2017) Coworking, Fab Labs et Living Labs: État des Connaissances sur les Tiers Lieux // *Territoire en mouvement*. No. 34. P. 1–17.
- Servet M. (2010) Les Bibliothèques Troisième Lieu // *Bulletin des bibliothèques de France*. No. 4. P. 57–66.
- Soukup C. (2006) Computer-mediated Communication as a Virtual Third Place: Building Oldenburg's Great Good Places on

- the World Wide Web // *New Media & Society*. Vol. 8 (3). P. 421-440.
- Steinkuehler C., Williams D. (2006) Where Everybody Knows Your (Screen) Name: Online Games as «Third Places» // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 11 (4). P. 885-909.
- Williams D. (2006) Why Game Studies Now? Gamers Don't Bowl Alone // *Games and Culture*. Vol. 1. P. 13-16.
- Wimmer J. (2013) «There is No Place Like Home». The Potential of Commercial Online Gaming Platforms to Become Third Places // *Multiplayer: The Social Aspects of Digital Gaming* / T.Quandt, S.Kröger (eds.). London: Routledge. P. 11-123.

**TOM SAWYER FEST IN VOLOGDA:
The Experience of Public Participation in
Preserving the Historical Image of the City**

Maria A. Bakhareva, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; Sociology Graduate (French University College at Lomonosov Moscow State University); BA in Political Science, MGIMO University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: bakhareva.maria.a@gmail.com

Ekaterina S. Sadova, Master in History (Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University), Sociology Graduate (French University College at Lomonosov Moscow State University); 27 bldg. 4 Lomonosovsky Prospect, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: sadovacath@gmail.com

Abstract. Vologda is a Russian city where wooden architecture, forming a unique urban and historical environment, is still preserved. Over time, however, the wooden houses are being destroyed and the preservation of wooden architecture is becoming a serious issue. In such conditions a “city defenders” movement as a public initiative has appeared and continues to develop in the town. One of the projects of the urban activists is the Tom Sawyer Fest. Its participants, on a voluntary basis, restore old wooden houses of historical value. The project, originating in Samara, quickly spread to a large number of other Russian cities and has begun to attract an increasing number of participants. The Vologda case is unique in the list of the participants and in the choice of houses. The authors posed the following research questions: while the government usually deals with the issues of the urban environment in general and historical heritage preservation in particular, why is urban activism appearing and gaining popularity now? Why are people ready to spend their free time, energy and sometimes money to restore wooden houses, although it is believed that this should be done by the government? Why has this movement become so popular and important for the participants? What role does the festival play in the life of its participants? To answer these questions the authors conducted 11 interviews with the participants and organizers of the festival. The theoretical framework of the research is the concept of “the third place” of Oldenburg, an American sociologist. Tom Sawyer Fest, namely the festival site or the house being restored, is considered as a “portable third place”, where a special warm, friendly, and comfortable atmosphere contributing to the growth of social capital of the festival participants is created, leading to the formation of an urban community.

Keywords: urban sociology; urban anthropology; urban studies; third place; wooden architecture; preservation of cultural

heritage; urban activism; urban community

Citation: Bakhareva M., Sadova E. (2021) Tom Sawyer Fest in Vologda: The Experience of Public Participation in Preserving the Historical Image of the City. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 7-21. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>

References

Bia A. Metaservices: Where DL and DH meet. *International Conference on Digital Libraries (ICDL) 2013: Vision 2020: Looking Back 10 Years and Forging New Frontiers*. TERI, pp. 211-222.

Blagovidova N.G., Iudina N.V. (2019) Klasternyy metod formirovaniya ustoychivyykh istoricheskikh poseleniy [Method of Clusters in Stable Historical Settlements Formation]. *Architecture and Modern Information Technologies*, vol. 4 (49), pp. 183-200. (in Russian)

Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], vol. 3, no 5, pp. 60-74. (in Russian)

Jeffres L.W., Bracken C.C., Jian G., Casey M.F. (2009) The Impact of Third Places on Community Quality of Life. *Applied Research in Quality of Life*, vol. 4 (4), pp. 333-345.

Karaselnikova I.V., Stadnikov V.E. (2018) Towards the Sustainable Development of Historical Centers. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 4, pp. 108-132. (in Russian)

Kotchetkov A. (ed.) (2017) "Tom Sawyer Fest": kak lubit gorod ne tolko na slovah ["Tom Sawyer Fest": How to Love the City not Only In Words]. Available at: <http://tsfest.ru/obuch-books-001/> (accessed 29 July 2020). (in Russian)

Kotchetkov A. (2019) Kak ludi beregut istoriyu, a istoriya-ludey [How people save history and history saves people]. Available at: <http://rosrest.com/portfolio/kak-ljudi-beregut-istoriju-a-istorija-ljudej-a-kotchetkov/> (accessed 27 July 2020). (in Russian)

Oldenburg R. (2014) Tret'ye mesto: kafe, kofeyni, knizhnyye magaziny, bary, salony krasoty i drugiye mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva [The Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Hangout Places as the Foundation of the Community]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye [Moscow: New Literary Observer Publishing House]. (in Russian)

Repina E.A., Zakharchenko M.A. (2018) Obzor sovremennykh partisipatornykh rossiyskikh praktik [Review of Modern Russian Participatory Practices]. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban construction and architecture], vol. 8, no 4, pp. 86-92. (in Russian)

Sait festivalya "Tom Sawyer Fest" [The Website of the Festival Tom Sawyer Fest]. Available

at: <http://tsfest.ru> (accessed 29 July 2020). (in Russian)

Scaillerez A., Tremblay D.-G. (2017) Coworking, Fab Labs et Living Labs: État des Connaissances sur les Tiers Lieux. *Territoire en mouvement*, vol. 34, pp. 1-17.

Servet M. (2010) Les Bibliothèques Troisième Lieu. *Bulletin des bibliothèques de France*, no 4, pp. 57-66.

Soukup C. (2006) Computer-mediated Communication as a Virtual Third Place: Building Oldenburg's Great Good Places on the World Wide Web. *New Media & Society*, vol. 8 (3), pp. 421-440.

Stadnikov V.E. (2019) Istoricheskiye territorii. Normativnye i nenormativnye podkhody k obnovleniyu (Hard & Soft) [Historical Areas. Normative and Non-normative Approaches to Renovation]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], no 2 (66). Available at: http://archvuz.ru/2019_2/13/ (accessed 29 July 2020). (in Russian)

Steinkuehler C., Williams D. (2006) Where Everybody Knows Your (Screen) Name: Online Games as "Third Places". *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 11 (4), pp. 885-909.

"Tom Soier Fest": itogi goda. A zaodno i pervyykh pyati sezonov (2019) ["Tom Sawyer Fest": The Results of the Year. And together of the First Five Seasons]. *Sait festivalya Tom Sawyer Fest* [The website of the festival Tom Sawyer Fest]. Available at: <http://tsfest.ru/tom-soier-fest-itogi-goda-a-zaodno-i-ne/> (accessed 29 July 2020). (in Russian)

Williams D. (2006) Why Game Studies Now? Gamers don't Bowl alone. *Games and Culture*, vol. 1, pp. 13-16.

Wimmer J. (2013) "There is no Place like Home". The Potential of Commercial Online Gaming Platforms to Become Third Places. *Multiplayer: The Social Aspects of Digital Gaming*. London: Routledge, pp. 11-123.

Вовлечение детей и подростков в городские проекты

Опыт проекта «Другой Данилов»

Дмитрий Андреев

Введение

С самого начала своей работы в сфере социокультурного проектирования в 2012 году я обращал внимание на проблематику функционирования городских и сельских общественных пространств: музеев, библиотек, кафе, улиц и т. д. Меня интересовали пользователи, связи, структура, сценарии места. Этот пассивный интерес привел к желанию самому сконструировать общественное пространство, наблюдать за ним и управлять им.

В реалиях малого города общественное пространство – это необходимый его компонент, позволяющий жителям узнавать друг друга и гостей города, учиться преодолевать сложности быта, делать досуг более разнообразным. Качество города определяется в том числе качеством и разнообразием его общественных пространств. Так, по мнению С. А. Капкова, «общественные пространства – это одновременно узлы важных городских проблем и те точки, которые могут определить будущее городов, их привлекательность для жителей, безопасность и экономическую успешность» [Капков, 2016, с. 58].

Помимо таких часто значительных по площади общественных пространств, как парки, улицы и торговые центры, существуют и более локальные и разнообразные по своему содержанию общественные места: библиотеки, галереи, музеи, арт-площадки и др. Благодаря камерности им в большей мере присуща функция третьего места, то есть пространства между работой и домом, места, способствующего творческому взаимодействию горожан. Именно такие общественные пространства находятся в фокусе внимания настоящей работы.

Ключевой исследователь и теоретик общественных пространств Рэй Ольденбург выделял у них следующие функции:

Андреев Дмитрий Валериевич, проектировщик, куратор социокультурных проектов, урбанист, подростковый тьютор; Российская Федерация, 152070, Ярославская область, Данилов, ул. Урицкого, д. 21.
E-mail: sodart@mail.ru

Автор анализирует собственный опыт вовлечения детей и подростков малого российского города Данилова в социокультурные проекты по созданию или переосмыслению городских общественных пространств. Если в начале работы над проектом «Арх_и_тип» в мае 2017 года он видел в школьниках скорее пассивных исполнителей, то к 2019–2020 годам участники проектов все чаще становились авторами собственных творческих интервенций в городе. Длительная совместная работа на равных школьников и художников-кураторов над историческими граффити и арт-объектами, картой города и нескучным путеводителем по нему привела к тому, что из незнакомых до этого друг с другом школьников и взрослых сформировалось сообщество и одноименный зонтичный проект «Другой Данилов». Сообщество стало полноправным и активным участником городских культурных проектов: конкурсов по благоустройству, подготовке туристических маршрутов, приему гостей города. Поиск места для встреч привел к созданию собственного культурного центра, гражданского дома культуры в одном из расселенных городских особняков – «Ленина 21», выкупленного автором у администрации города и переданного в управление школьникам, подросткам за время существования проекта «Другой Данилов».

Автор раскрывает использованные приемы привлечения и мотивации школьников в ключевых самостоятельных проектах: «Арх_и_тип», «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями», «Открытый город. Художники – детям. Творческий практикум» и «Ленина 21». Он описывает удачи и неудачи реализованных им подходов в работе со школьниками, а также формулирует три группы рекомендаций для проектов, целевой аудиторией которых являются школьники: по взаимодействию с детьми и подростками, по выбору творческого наставника для подростков и по требованиям к пространству/площадке для встреч участников сообщества.

Ключевые слова: сообщество; подросток; дети; город; городская среда; школа; школьники; образование;

- 1) объединить жителей с разными интересами;
- 2) ассимилировать приезжих;
- 3) найти людей со схожими интересами и сформировать новые формы общения;
- 4) выявить публичных персонажей и будущих культуртрегеров;
- 5) наладить взаимодействие между поколениями;
- 6) помогать социализации детей и поддержанию социализации пенсионеров;
- 7) способствовать общению ради совместного вовлеченного веселья (стоит отличать его от развлечения);
- 8) способствовать развитию чувства принадлежности к данному месту и сообществу;
- 9) создать место встреч и переговоров [Ольденбург, 2014, с. 22].

Отсутствие в городах общественных пространств – одна из причин торможения их развития. Чтобы пространство считалось общественным, у него должны быть характеристики, сформулированные испанским архитектором Хосепом Асебильо [Acebillo, 2010]:

- используется разными способами, по своему характеру неоднородно и гибридно в функциональном плане;
- может использоваться интенсивно;
- доступно для представителей разных городских групп и способно провоцировать встречи разных социальных групп;
- обладает креативной составляющей.

Я ориентировался на эти функции и характеристики общественных пространств при их проектировании в городе Данилове. Наличие таких общих принципов построения общественных пространств позволяет предполагать, что проектный опыт в Данилове во многом реализуем и в других городах.

Городские культурные проекты, о которых здесь пойдет речь, это помимо прочего работа с пространством целого города и отдельными общественными пространствами в нем. Так, проекты «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями» и «Открытый город. Художники – детям. Творческий практикум» охватывали большую часть города, результаты работ подростков и художников (граффити, арт-объекты) можно было увидеть во многих его общественных пространствах. Каждый из проектов «Арх_и_тип» и «Ленина 21», напротив, был сосредоточен на конкретном месте: саде Даниловской художественной галереи (далее – сад галереи, сад) и старинном купеческом особняке соответственно. В этом случае я столкнулся с тем, что необходимо было проектировать само место и сценарии его работы. Разница масштабов выбранных общественных пространств определила и широту круга лиц, вовлекаемых в проектирование. Работа в городских общественных пространствах требовала множества согласований с администрацией и владельцами зданий, участия жителей, в то время как работать с пространством сада галереи и купеческого дома было проще – на стадии проектирования круг заинтересованных лиц был минимален.

Опыт проекта «Другой Данилов» показал, что работа горожан над созданием общественного пространства – эффективный механизм их консолидации в сообщество.

Эта статья будет строиться вокруг анализа ожиданий и результатов проектов, каждому из которых будет отведен отдельный раздел. Я опишу механику проектов и их ход, приведу некоторые наблюдения за изменением отношений внутри формируемого подросткового сообщества и его отношений с внешней средой, обсужу удачи и неудачи в конструировании общественных пространств и их функционировании. В заключение я обобщу результаты своего опыта и сформулирую

музей; партиципация; партиципаторное проектирование; арт-резиденция; дом культуры; культурный центр; стрит-арт; граффити

Цитирование: Андреев Д. В. (2021) Вовлечение детей и подростков в городские проекты. Опыт проекта «Другой Данилов» // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202122-38>

рекомендации по работе с подростками при социокультурном проектировании.

Данная статья может быть полезна сотрудникам учреждений культуры и сферы дополнительного образования, а также всем, кто стремится успешно реализовать социокультурный проект по преобразованию города с участием горожан и особенно школьников.

Далее слова «подростки», «школьники», «ребята», «участники», «ребенок», «дети», «молодежь» рассматриваются как синонимы и обозначают учащихся городских школ в возрасте от 12 до 18 лет, если не указана иная возраст.

Другой Данилов

«Другой Данилов», о котором пойдет речь в этой статье, – это социокультурный проект, движение по созданию в городе Данилове неформального креативного сообщества и креативной городской среды. Такие сообщество и среда возникли путем совместного участия школьников и творческих взрослых в реализации самостоятельных проектов по работе с городскими общественными пространствами: «Арх_и_тип» (создание силами горожан общественного сада на территории Даниловской художественной галереи), «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями» (разработка маршрута и издание путеводителя по городу школьниками под руководством кураторов, работа с проявлением городских историй в серии граффити), «Открытый город. Художники – детям. Творческий практикум» (создание подростками серии граффити и арт-объектов в пространстве города) и «Ленина 21» (реставрация купеческого особняка силами участников сообщества «Другой Данилов» под городскую арт-резиденцию). Проект начался в 2017 году и работает до сих пор.

В отличие от малых городов, у мегаполисов и областных центров есть значительное преимущество – доступ к существенным финансовым, административным, кадровым и прочим ресурсам для реализации любой проектной деятельности. В больших городах – как в России, так и за рубежом – всегда проще реализовывать самые передовые идеи в области архитектуры, благоустройства, социальной, культурной и досуговой сферах. При этом

базовые потребности жителей всех населенных пунктов практически идентичны. Поэтому удивительно, когда в провинции рождаются и успешно развиваются социокультурные проекты, являющиеся для других территорий наглядными примерами реализации современных подходов в развитии среды и креативной сферы, создании или активизации местного сообщества. Некоторые проекты пытаются обращаться к опыту «Другого Данилова», не всегда в полной мере применяя те принципы, которые лежат в основе работы с общественными пространствами и сообществом в Данилове. Так, в соседнем малом городе Ярославской области Любиме по аналогии с Даниловом в социальной сети «ВКонтакте» появилась группа «Другой Любим», делающая перепосты наших постов, заявляющая похожие на наши мероприятия. Однако скопировав форму проекта, соседи остаются лишь новостной площадкой без реальной деятельности и без своего места, а сообщество при ней фактически так и не было создано.

В 2017 году на русском языке была издана книга Нины Саймон «Партиципаторный музей» [Саймон, 2017], по сути обобщившая современные требования к работе учреждений культуры со своей аудиторией¹, а в 2019 году вышла в свет книга Александра Мурашева «Другая школа: откуда берутся нормальные люди», отразившая передовой опыт школьной педагогики. Проекты Данилова находятся на стыке музейной и образовательной деятельности, поэтому я буду часто отсылать к этим работам, конкретизируя их тезисы примерами из своего опыта. Но тогда в 2017 году, когда начинался проект «Другой Данилов», я действовал по наитию, не имея ни педагогического опыта, ни опыта организации околмузейных сообществ, а также никаких пособий по методологии и руководству. Отсутствие релевантного опыта привело к необходимости изучать практики похожих проектов, например «Веранды» в Черняховске и архитектурной мастерской «Кони на балконе», а также исследовать потребности и запросы местных жителей, о чем подробнее расскажу в разделе 2.

В любом партиципаторном проекте задействованы три группы акторов: учреждение, участники и зрители [Саймон, 2017, с. 30]. В случае «Другого Данилова» к по-

1. В своей работе «Партиципаторный музей» Нина Саймон указывала, что книга будет полезна не только работникам музейной сферы, но и – современных учреждений культуры в целом. Поэтому мы считаем возможным давать по тексту работы множественные ссылки на данную книгу.

следним можно отнести и родителей подростков. В феврале 2021 года, чтобы проанализировать отношение родителей к участию их детей в проектах «Другого Данилова», я провел анкетирование 10 родителей подростков, наиболее увлеченных проектами. У родителей спрашивалось, какие положительные и отрицательные качества развились в ребенке за время участия в проекте; знают ли они, чем занят их ребенок в Даниловской художественной галерее и в Культурном центре «Ленина 21»; видели ли они результаты проектной работы своего ребенка; хотят ли помогать ему в проектах. Все родители отмечали, что дети стали более самостоятельными, уверенными в себе, более открытыми, научились высказывать свое мнение, у них стало больше друзей. Среди развившихся отрицательных качеств назывались: «больше времени думает о “Ленина 21”», «спорит с учителями, но не уверена, что это связано с “Другим Даниловым”», «стал дерзить», «умничать стал», «не помогает дома». Все опрошенные родители знали, чем занимаются дети в художественной галерее и в центре на ул. Ленина 21, даже те, кто сам не был в этих общественных пространствах. Все видели проекты своего ребенка и знают о его творческом вкладе. Никто не считал, что проектная деятельность «Другого Данилова» конфликтует с учебой. В качестве пожеланий проекту высказывались: «больше рекламы», «работать дальше над идеями изменения города», «успехов», «развиваться». Важно отметить, что о проектом опыте своего ребенка положительно высказались даже те родители, с которыми в ходе проекта отношения складывались непродуктивно, — у кого-то возникла ревность к проекту, а двое из них даже называли «Другой Данилов» сектой.

Сами подростки отмечали, что после проекта им стало труднее ходить в школу. О похожей ситуации сообщали и организаторы детского лагеря «Кавардак»: «Все родители подтвердили: после лагеря дети уже не могут общаться в школе как раньше» [Мурашев, 2019, с. 135]. Они становятся свободными в своем выборе. В ходе своего участия в проекте «Другой Данилов» подростки все чаще говорили о том, что необходимо менять систему образования, создавать свою альтернативную школу или хотя бы лагерь.

Инициатором проекта «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями» и «Открытый город. Художники — детям.

Творческий практикум» выступала Даниловская художественная галерея (далее — галерея, художественная галерея), а инициатором «Арх_и_типа» и «Ленина 21» был я. Вместе с тем участвовали в этих проектах одни и те же ребята, правда с разной степенью вовлеченности. Такая коллаборация двух институций — государственной и частной — за счет объединения ресурсов была одной из причин успешности всего проекта «Другой Данилов». Например, мероприятия, которые сложно было провести на площадке муниципального учреждения — рок-концерты, антивыпускные, — легко могли быть проведены в частном доме по адресу Ленина, 21 (давшему название проекта). Воркшопы по фотографии проводились на условиях софинансирования, а один из участников проекта (выпускник школы) был трудоустроен и в художественной галерее, и в центре «Ленина 21». Все проекты, кроме «Ленина 21», финансировались за счет грантов государственных и частных культурных фондов, которые выигрывались благодаря партнерству разных институций в рамках проекта.

Даниловской художественной галерее, основному партнеру «Другого Данилова», в ходе описываемого проекта удалось привлечь в свои стены подростковую аудиторию. Не просто привести молодежь в свои стены, а сделать заинтересованными помощниками и соучастниками всех творческих проектов, и частью команды. Одна из участниц проекта после окончания школы пришла работать в галерею куратором, а еще двое выпускников школ, участвовавших в разработке туристических маршрутов и организовывавших экскурсии по городу, поступили учиться в университет и колледж по направлению «туризм». Все перечисленное свидетельствует об успехе творческого проекта в консервативной среде музейных и выставочных учреждений. Книга Нины Саймон «Партиципаторный музей» посвящена не только музеям, но и современным учреждениям культуры в целом. Поэтому сформулированные в ней принципы мы можем применять и к проектной деятельности в Данилове, в частности к проекту «Ленина 21». Саймон выделяет пять уровней взаимодействия учреждения культуры с посетителем [Саймон, 2017, с. 46]. Вкратце их можно обозначить так:

- 1) возможность доступа в учреждение культуры;
- 2) возможность задать вопрос сотруднику;

- 3) осознание учреждением культуры связи между собственными интересами и интересами посетителей;
- 4) возможность общения с единомышленниками;
- 5) восприятие учреждения культуры как места общения, получения новых знаний в отсутствии какого-либо модератора.

Большинство музеев и галерей работают лишь с первыми двумя уровнями, однако проекты в Данилове («Арх_и_тип», «Нескучный путеводитель», «Открытый город» и «Ленина 21») были успешны как раз потому, что задействовали сразу все пять уровней. В качестве примеров мест, где создаются поводы для работы на всех пяти уровнях, Саймон называет лагеря и ролевые игры [Саймон, 2017, с. 47]. Проекты Данилова можно отнести к этой же категории: молодежному лагерю с ролевыми играми в качестве основной деятельности.

Саймон обращает внимание на очень важный момент, являющийся маркером устойчивости, долгосрочности и конкурентоспособности учреждения культуры: успешность работы учреждения в отсутствие модератора взаимодействия между учреждением и посетителем [Саймон, 2017, с. 47]. Это высший, пятый, уровень взаимодействия по Саймон. Даниловской художественной галерее за четыре года удалось превратить посетителей в самоорганизующуюся инициативную группу, то есть достичь пятого уровня.

Если на старте проекта «Другой Данилов» в 2017 году я негласно намеревался превратить учреждение культуры (Даниловскую художественную галерею) в центр межпоколенческой коммуникации, то уже в 2019 году передо мной стояла новая задача – превратить в такой центр частный дом на Ленина, 21, отвоевав ему в городе позицию альтернативного учреждения культуры. Можно сказать, что за два года это удалось сделать. Остается удерживать позиции и развиваться дальше – как Даниловской художественной галерее, так и культурному центру «Ленина 21».

В дальнейшем изложении своего опыта привлечения детей и подростков в городские проекты я буду придерживаться хронологии реализации отдельных проектов. Так, таймлайн проекта «Другой Данилов» – это три временных отрезка, каждый из ко-

торых соответствует тому или иному подпроекту:

- 1) май – июнь 2017 года: архитектурно-краеведческий проект «Арх_и_тип»;
- 2) июнь 2017 года – август 2018 года: проект «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями»;
- 3) сентябрь 2019 года – настоящее время: проект «Открытый город. Художники – детям. Творческий практикум» и проект «Ленина 21».

Арх_и_тип

В декабре 2016 года, имея опыт успешной реализации социокультурных проектов в Ярославской области², я получил грант Фонда поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива» на реализацию архитектурно-краеведческого проекта «Арх_и_тип». Его основным партнером стала Даниловская художественная галерея, которая была заинтересована в развитии художественного творчества и владела необходимым проекту ресурсом – территорией сада при своем здании (сад площадью около 100 кв. метров находится во дворе Даниловской художественной галереи, с трех сторон ограничен изгородью, с четвертой – зданием галереи). Целью являлось вовлечение подростков – школьников 12–17 лет – в исследование архитектурных артефактов города и в творческую работу по созданию нового общественного пространства в саду галереи. Срок реализации проекта – май – июнь 2017 года. По его плану в мае 2017 года предполагалось провести тематические воркшопы (архитектурный, фотографический, художественный и маршрутный) при участии школьников города и приглашенных куратора – архитектора и художника Михаила Приемышева (г. Вологда) – и трех экспертов – фотографа Антона Акимова (г. Санкт-Петербург), гида Екатерины Хоботовой и художника Анастасии Паничкиной (г. Вологда). По итогам воркшопов на территории сада художественной галереи был построен арт-объект «Рампа-бункер», сооружена площадка сцены, а также создана альтернативная подростковая карта города.

2. С 2012 года я руководил процессом реставрации зданий храма и церковноприходской школы в селе Торопово, в 2013–2014 годах был организатором серии художественных пленэров и выставок в Ярославской области, а в 2015 году выступил организатором воркшопа «Антропология места».

По словам куратора всего проекта, а по совместительству руководителя архитектурной мастерской Михаила Приемышева, цель воркшопа не сводилась к преобразованию территории двора картинной галереи: «Вместе с организаторами мы поставили цель изменить восприятие города, его традиционных мест, образов, подходов к творчеству. Задача же состояла в том, чтобы научить участников исследовательским методам, рассказать о возможных способах работы с исследуемым материалом, обнаружить уникальность места, показать возможности оформления своего исследования в проект, статью, журнал, книгу, выставку, веб-ресурс» [Приемышев, 2017, с. 2, 6]. Фактически воркшопы «Арх_и_типа» можно считать началом интервенции партиципаторных практик в Данилово.

По условиям гранта фонд оплачивал работу приглашенных экспертов и материалы для создания элементов дизайна общественного пространства, но не проведение каких-либо предшествующих проекту исследований. Тем не менее в апреле 2017 года я провел исследование отношения горожан к художественной галерее и территории ее сада как к потенциальному месту для создания общественного пространства. Было составлено семь ментальных карт, а в качестве информантов были привлечены посетители галереи и горожане, которые ее не посещали, а также сотрудники галереи. Ни на одной из карт – в том числе у сотрудников галереи – сад не был выделен как самостоятельный объект. Он был представлен как общественное пространство. Думаю, это могло объясняться:

- ограничением общего доступа к саду галереи;
- отсутствием систематических событий на его территории (на территории сада произрастают низкие деревья и кустарники и располагаются две скульптуры местного художника);
- тем, что сад не работал автономно от самой галереи.

Кроме того, 10 и 11 мая 2017 года у городского детского центра и даниловского рынка при помощи волонтеров Молодежного центра «Бригантина» было проведено анкетирование, в котором приняли участие 79 горожан; 32 из них были подростками в возрасте 12–17 лет. В анкетах было два блока вопросов: о галерее и о контексте, то есть о городе. В целом подростки оказались более склонны видеть позитивное

в состоянии города. Например, отвечая на вопрос об эпитетах, описывающих личные впечатления о городе, взрослые чаще всего приводили такие эпитеты, как «неустроенный», «серый», «разруха», «бесперспективный», «плохие дороги», а подавляющее большинство подростков называли город «красивым», «тихим», «развивающимся», «чистым», «уютным», «лучшим», «любимым», «родным». Почти все подростки описали свое материальное положение как «благополучное», «хорошее», «нормальное», «достаточное». Более взрослые респонденты давали совсем противоположную оценку: «низкое», «ниже среднего», «удовлетворительное». Конечно, в подростковых анкетах в основном наблюдается беззаботность, обусловленная отсутствием необходимости самостоятельно зарабатывать, но свойственные этому возрасту положительный эмоциональный фон и активность, по нашему предположению, являются значительной созидательной и творческой силой, так необходимой для преобразования любого города. Проведенное анкетирование продемонстрировало, что у подростков есть самостоятельный взгляд на городские проблемы. Следовательно, надо создавать условия для того, чтобы и эта категория горожан участвовала в управлении развитием города.

В Данилово городская территория и ее объекты исторически делились функционально, прежде всего исходя из административно-управленческих причин. Парк «Детский» и сад «Летний» (для взрослых с танцплощадкой), объект культуры и объект для занятий спортом, объект религиозного назначения и объект гражданского назначения, Дом ветеранов и Дом детства и т.д. Хотелось преодолеть такое разделение горожан, создать общественное пространство, объединяющее людей старшего возраста и молодежь, культуру и спорт в одном месте. Сад галереи идеально подходил для этого: через забор – Дом ветеранов, а рядом – парковка, потенциальное место для устройства скейт-парка. На момент старта проекта пространство сада галереи было изолировано от общегородского пространства забором и живой изгородью, сама же Даниловская художественная галерея использовала сад не чаще, чем 2–3 раза в год.

13 мая 2017 года в центре галерейного сада организаторы воркшопа поставили флипчарт и собравшимся (пожелавшим участвовать взрослым и нескольким десяткам школьников 14–16 лет) было предложено придумать идеи – от самых безумных

до вполне реалистичных – того, что они хотели бы здесь видеть. Предложения ребят оказались смелыми и интересными:

- кино под открытым небом;
- скейт-парк;
- Wi-Fi зона;
- бункер;
- корабль на дереве;
- баскетбольное кольцо;
- прыжки с вышки»;
- альпинистская стена;
- домик для муравьев;
- съедобная статуя Ильича;
- дворец под землей;
- яма для медитации;
- гигантский пельмень;
- банк для сдачи волос;
- побритая елка.

Затем участникам предложили проголосовать за приглянувшиеся идеи из списка. Фаворитами оказались скейт-парк и бункер, после чего организаторы воркшопа вместе с ребятами незамедлительно начали проектировать и строить объект, объединяющий в себе рампу для катания на скейтборде и убежище-бункер. По предположению Приемышева, «метафора бункера не случайно родилась у школьников, участников воркшопа. Желание найти свое место в городе, изолироваться на время от привычек взрослого поколения, попробовать свои силы в творчестве, понять, что проекты можно не только придумывать, но и реализовывать всего за несколько дней» [Приемышев, 2017, с. 16]. Директор галереи Людмила Головкина на правах со-организатора высказалась за устройство в саду сцены, которая также была построена при участии ребят.

Параллельно строительству бункера-рампы и сцены эксперты проекта вместе со школьниками создавали альтернативную городскую карту, на которой почти не было известных памятников архитектуры, но были интересные подросткам объекты: покрасочные цеха, «кубик-рубик», католический гараж, скейт-улица, Бесноватый Еж, Пробковый Кот, уличные библиотеки и др.

К сожалению, запланированная городская дискуссия об общественном пространстве в саду галереи была начата не до запуска проекта, а уже в ходе его реализации. Это обсуждение спровоцировала конфликтная ситуация, возникшая вокруг создаваемых объектов. По мнению некоторых представителей городской интеллигенции и части сотрудников Даниловской художественной галереи, внешний

вид и функционал созданных арт-объектов шел вразрез с назначением и эстетикой сада, а к формированию облика города следовало допускать лишь профессиональных художников и архитекторов. Думаю, необходима была еще одна обязательная промежуточная стадия между формированием списка пожеланий рядовых горожан, участников воркшопа, и возведением сооружений в саду галереи – совместное обсуждение идей и предложений с сотрудниками галереи, а также совместное проектирование. Это мероприятие позволило бы учесть мнение разных категорий потенциальных пользователей территории до начала активных строительных работ, сформировать проектную и рабочую группы, еще сильнее сплотив участников, а в результате – избежать конфликта и получить синергетический эффект от последующего взаимодействия. Итогом стал бы компромисс – соглашение о временном нахождении сооружения на территории галереи и отнесении его к арт-объектам, а не к спортивным сооружениям. Главной цели, указанной в заявке на грант, проект не достиг – общественное пространство из сада галереи создать не получилось. Однако проект инициировал общественное обсуждение, что в результате оказалось важнее, чем локальное преобразование территории у галереи. О положительной роли провокации в зарождении дискуссии пишет и Саймон [Саймон, 2017, с. 196].

Проект в Данилово вскрыл ряд городских проблем:

- 1) Муниципальное учреждение культуры (Даниловская художественная галерея) не готово к трансформации своего сада из элитарного в эгалитарный, из «частного» в общественный. Отчасти это можно объяснить отсутствием у администрации галереи опыта по управлению развитием вновь создаваемого общественного пространства, отсутствием долгосрочной стратегии развития галереи, а также нежеланием директора усиливать конфликт между сотрудниками. Кроме того, в ходе проекта выяснилось, что некоторые горожане из творческой среды рассматривают сад как свой собственный, не желая его превращения в общественный. Я уверен, что сад галереи не может стать общественным пространством без принятия условий общественного использования сада горожанами и сотрудниками галереи.

- 2) Жители города разного возраста и разного социального положения испытывают мало доверия друг к другу. Как ни странно, именно работа над общественным пространством продемонстрировала острую необходимость создания в городе независимых общественных пространств, где могли бы сосуществовать люди разных возрастов и разного уровня культуры. Отсутствие таких мест ведет к снижению уровня социализации одних и изоляции других, что хорошо продемонстрировали проект и конфликтная ситуация вокруг него.
- 3) В городе нет таких форм коммуникации, в которых могло бы быть услышано мнение подростка о развитии города. При этом подростки и дети имеют право на свой город.
- 4) В городе нет современных форм досуга для подростков, но есть запрос от них на такие формы. В частности, в анкетах, опросе в соцсетях и при очном обсуждении ребята высказывались за место, где под открытым небом можно посмотреть фильмы. Также в фаворитах был скейт-парк. В последнее время город стал уделять внимание детским площадкам, но в основном это детские городки и песочницы, а не специализированные площадки вроде баскетбольных или скейт-площадок. Сформулированный подростками запрос должен порождать самостоятельные городские инициативы по их проектированию с привлечением ребят как на стадии выбора места для таких площадок и оборудования для них, так и на стадии монтажа.

Проект «Арх_и_тип» также продемонстрировал, что когда подростки и взрослые слышат мнение друг друга и уважительно относятся к нему, то при взаимодействии на равных их совместная деятельность приводит к положительному результату, вдохновляющему на дальнейшее сотрудничество. Доверие, которое с обеих сторон было выказано ситуативно, трансформируется в паритетность, а в дальнейшем – в партнерство. Оказалось, что не только подросткам нужны взрослые, но и взрослым – подростки. Подростки быстры, умны, гибки, современны, могут многому научить и являются благодарной аудиторией, для которой хочется развивать город.

На первом этапе подростки привлекались к участию в «Арх_и_типе» обычными для прогосударственных молодежных объ-

единений административными методами: 10-й и 8-е классы школы № 12 учителя сняли с уроков и привели на площадку. На помощь был приглашен актив муниципального молодежного центра «Бригантина». Но так как проект должен был длиться 10 дней и предполагал работу ребят в выходные, исключительно императивными методами он не мог быть реализован. Экспертам оставалось лишь попробовать найти индивидуальный подход к каждому участнику. Так, например, среди учащихся выделялись лидеры, им уделялось особое внимание, за ними шел класс. Поскольку в проекте участвовало три эксперта, куратор и руководитель проекта, вскоре они смогли поговорить с каждым школьником, и те из них, кто получил от кураторов и экспертов больше внимания и с кем поводов для коммуникаций было больше, пришли на площадку в неучебный день и стали костяком творческой команды. Дать подростку плед или накормить вкусным обедом стало правилом команды проекта. На строительную площадку обратили внимание те, кто изначально не рассматривался в качестве аудитории проекта, – учащиеся местного политехнического колледжа. Они стали активно помогать, просто увидев строящуюся рампу. Один из ребят, обучающийся на специалиста-электрика, сделал свой первый учебный проект – освещение скейт-рампы. А вскоре к проекту присоединилась и местная школа искусств – ее учащиеся и педагог раскрасили рампу. На площадке не было разделения ни по возрастному признаку, ни по половому – девочки также могли распиливать брус циркулярной пилой. Партиципаторная техника особое внимание уделяет творчеству и мнению неспециалистов, то есть «культуре конвергенции»; она строится на доверии к способностям посетителей, неочевидности итогового результата, диалоге публики и содержания, не имеет жесткой темы и целевой аудитории [Саймон, 2017, с. 13, 18, 19] – все это случайным образом получилось соединить в Данилове в мае 2017 года.

Результат проекта как следствие вовлечения показался мне неожиданным и ошеломляющим своей глубиной, но тогда казалось, что это вовлечение не системно, ситуативно, и, возможно, нам просто повезло с подростками (рис. 1). Однако эксперименты по работе с подростковой аудиторией захотелось продолжить и мне, и директору Даниловской художественной галереи Людмиле Головкиной. В итоге в этом же 2017 году был инициирован сле-

Рис. 1. Работа над проектом «Арх_и_тип» и результаты проекта

Источник: изображение из архива автора.

дующий проект – «Наглядное пособие для нескучных прогулок по Данилову, составленное его юными жителями» (далее – «Нескучный путеводитель», путеводитель).

Нескучный путеводитель

Идея выпустить путеводитель по городу принадлежала Людмиле Головкиной. Автором проекта стала искусствовед и куратор Екатерина Змеева, которая благодаря своей работе знала интересных художников, а имея опыт кураторства выставок, могла помочь с созданием выставочной экспозиции, предваряющей издание путеводителя. Я, в свою очередь, стал куратором подросткового сообщества, формируемого вокруг проекта, отвечал за коммуникации между кураторами мастерских и подростками, выполняя роль подросткового тьютора. В этом проекте реализовывался и мой личный интерес – вернуться в свой родной город, из которого я уехал в 16 лет, заново «прожить» подростковый возраст с его беззаботностью и свободой, соединив это с полезной для города деятельностью. Было интересно помочь, прежде всего, ребятам, которым будто бы не было места в городе, которые не входили ни в одно городское сообщество.

В июле 2017 года на реализацию идеи мы получили грант Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Целью проекта было вовлечение школьников 8–10-х классов школ Данилова в изменение культурного ландшафта города, создание комфортной творческой среды, способствующей изменению позиции подростков с пассивной на активную. Осенью 2017 года мы агитировали школьников по-

участвовать в проекте, а в ноябре, январе и марте совместно с приглашенными кураторами (дизайнером, художником, писателем и фотографом) провели творческие мастерские. В апреле 2018 года в Даниловской художественной галерее была открыта выставка, на которой состоялось публичное обсуждение результатов исследований города, проведенных подростками, а уже в августе в формате небольшой книги был издан «Нескучный путеводитель» по Данилову (рис. 2). Также при участии ребят были созданы иллюстрации к словарию даниловского диалекта для известного историко-литературного журнала «Угличе поле», сделано несколько граффити на исторические темы, придумана художественная интерпретация герба города и выпущен соответствующий мерч. Фасад художественной галереи на несколько дней был украшен инсталляцией в виде муз граффити, скульптуры и коллажа, организован поход в заброшенную сельскую усадьбу, проведены литературные чтения и интервью с интересными подростками горожанами, снят социальный ролик.

На старте авторы проекта столкнулись с большим скепсисом со стороны взрослых горожан – мол, ничего не удастся сделать, подросткам это неинтересно, а участие в проекте сложно встроить в учебный график детей и в итоге «молодежь не загноишь ни на одно мероприятие»³. Нам снова был предложен административный ресурс: ребята из Молодежного центра «Бригантина» могли сделать все и за всех.

3. Комментарии к посту в группе «Другой Данилов» в социальной сети «ВКонтакте» от 04.11.2017: https://vk.com/wall-155661261_27.

Но они и так многое делали в городе, причем в большей мере по разнарядке взрослых: дежурили у Вечного огня, проводили патриотические фестивали, предвыборную агитацию, субботник и т. д. В проект хотелось вовлечь школьников, еще не нашедших себе занятия и места в городе, творчески свободных, не ждущих указаний сверху, имевших свободное время и интерес для работы в проектах «Другого Данилова».

Большое внимание в проекте «Нескучный путеводитель» было уделено подготовке, чтобы привлечь как можно больше подростков к участию в проекте. В этом очень помогла методика создания путеводителя по городу Черняховску, описанная в 2014 году [Ничего не происходит в городе Ч, 2014]. В ней даже был приведен перечень книг художественной литературы, важных для разговора с подростком на одном языке, например «Вино из одуванчиков», «Над пропастью во ржи», – в своей работе мы учли это.

Кроме того, мы решили использовать целый комплекс инструментов, чтобы заинтересовать ребят. Для этого:

- максимально расширили аудиторию проекта и в качестве целевой аудитории рассматривали 400 школьников 12–17 лет из всех 8–10-х классов трех городских школ;
- отказались от общих агитаций в актовом зале в школах в пользу коротких пятнадцатиминутных презентаций в каждом из классов;
- включили в группу агитации кураторов и школьников, участвовавших в предыдущем проекте, «Арх_и_типе»;
- создали группу «Другой Данилов» в социальной сети «ВКонтакте» для удобства подростков: регистрация в ней означала предварительное согласие на участие в проекте, проявление интереса к проекту (название группы было взято из названия альтернативной карты города прошлого проекта);
- во время презентаций кураторы фотографировали классы, эти фотоматериалы в дальнейшем использовались для обсуждения потенциала школьника для участия в проекте с завучами школ и школьным психологом;
- школы предоставили списки учеников – с ними было проще ориентироваться по составу классов;
- в агитацию был включен элемент игры. Кураторы показывали ребятам фотографии штукатурки из даниловского фо-

топроекта Наташи Ульяновой «Дали» (2015). Школьники видели в ней что угодно, но только не штукатурку. Это наглядно демонстрировало, что у большинства подростков есть творческое видение, а именно оно как раз ценно и нужно в проекте;

- для каждого ученика был подготовлен персональный раздаточный материал: распечатанная альтернативная карта подростковых мест, визитки на крафтовой бумаге с названием группы в социальной сети «ВКонтакте», зарисовки, на которых изображена городская жизнь, – все это ребята могли взять с собой. Также кураторы показывали в классах книгу фотографа и одного из кураторов-наставников проекта Антона Акимова, чтобы ребята понимали, кто с ними будет работать; показывали и путеводитель по городу Черняховску [Ничего не происходит в Черняховске, 2014], который тоже был создан с участием подростков;
- не агитировали в 11-х классах из-за их загруженности ЕГЭ, но некоторые ребята, участвовавшие в «Арх_и_типе» и теперь учившиеся в 11-м классе, пришли и в новый проект;
- инициировали конкуренцию между ребятами за право стать участниками проекта, предложив им подготовить эссе на провокационную тему: «Мой план по захвату города». Было получено и опубликовано лишь шесть работ, одну из которых вполне можно было считать политической программой «Что было бы, если я была творческим мэром». Но с эссе просчитались дважды. Многие заинтересованные школьники решили, что эссе – обязательное условие участия, поэтому, не подготовив его, решили не принимать участие в проекте. Это выяснилось в ходе личной коммуникации с теми, кто зарегистрировался в группе проекта. Школьникам, подготовившим эссе, дали возможность набрать себе команду, но и тут просчитались: не предусмотрели иного поощрения, так как не каждый автор эссе был готов стать лидером;
- при подготовке к первой встрече и началу работы анализировались личные страницы и подписки в соцсетях тех школьников, которые уже заявили для участия или были потенциально интересны для проекта. Это позволило больше узнать об интересах ребят, их окружении, найти подход к ним через их друзей, уже знавших о проекте;

- принципиально отказались от включения в команду популярных школьников, городских блогеров, имевших на тот момент не один десяток тысяч подписчиков. Во-первых, потому что они уже нашли себя и проект им ничем помочь не мог, а во-вторых, чтобы они не перетягивали на себя внимание наставников, не становились «исключительными», не вызывали зависти;
- на помощь подросткам были приглашены креативные горожане (журналисты, фотографы, художники, педагоги), с которыми сложилось сотрудничество на «Арх_и_типе» и в ком еще жил «внутренний ребенок»;
- накануне встречи приглашительные напоминания о ней были отправлены каждому подростку в зависимости от того, каким образом организаторы взаимодействовали с ним или с ней в ходе агитации, его/ее психологических особенностей и активности. Это оказалось очень важным шагом, поскольку ответы проясняли актуальную мотивацию школьника, семейные обстоятельства, препятствующие приходу, и т. д. При помощи оперативной обратной связи нам удавалось устранять многие трудности, мешавшие школьникам участвовать в проекте. Например, одному из подростков, живущему в деревне, для участия в проекте предстояло каждый день преодолевать путь от дома до Данилова и обратно 46 километров, и нам приходилось принимать активное участие в его транспортировке, держать постоянную связь с родителями.

Первая же групповая встреча – знакомство участников с кураторами – в ноябре 2017 года доказала, что комплексный подход сработал – пришли 30 из 400 подростков (позднее в ходе проекта присоединились еще 20 человек). На первой встрече с психологом из команды проекта были организованы игры, помогающие школьникам познакомиться друг с другом и с кураторами, для этого ребят поделили на четыре команды. Команды школьников придумывали традиционные и необычные объекты для туристического путеводителя (среди них – кладбище, дом с башней, вокзал, козье болото и т. д.), которые исследовались ими на последующих двух встречах-сессиях в январе и марте 2018 года. За это время ребятам удалось поработать в мастерской каждого из кураторов – фотографа Антона Акимова (г. Санкт-Петербург),

Рис. 2. Нескучный путеводитель
 Источник: изображение из архива автора.

литератора, свободного художника Игоря Сорокина (г. Саратов), художника, фотографа Веры Лапонкиной (г. Москва), художника, дизайнера Николая Кошкина (г. Ярославль) – и подготовить для путеводителя собственные тексты, скетчи и фотографии о выбранных объектах. Исследования включали в себя в том числе осмотры подвалов, чердаков, сбор артефактов для предстоящей выставки, интервью с горожанами. Прообраз путеводителя появился на выставке в апреле 2018 года в Даниловской художественной галерее – тогда будущее издание «собрали» впервые, а в августе – издан бумажный путеводитель⁴.

В промежутках между сессиями проводились почти еженедельные встречи с подростками в мини-группах, посвященные работе над проектом путеводителя и над самостоятельными краткосрочными проектами ребят. Это позволяло держать команды в тонусе и к следующей общей встрече с кураторами подходить без потерь из-за утраченной мотивации.

Большая частота встреч, ориентация на общий творческий результат, реализация краткосрочных проектов и личных инициатив ребят параллельно основному проекту привели к тому, что подростки разного возраста и из разных школ стали общаться и в итоге образовали сообщество, которое неформально получило название по имени группы в социальной сети «ВКонтакте» – «Другой Данилов». Принадлежать к новому сообществу стало

4. Нескучный путеводитель «Другой Данилов»: http://danilov-krai.wedge.ru/files/item_278-danilovguide.pdf [Электронное издание].

Рис. 3. Участники проекта «Открытый город»
 Источник: изображение из архива автора.

модно, и не включенные в проект городские подростки-блогеры сами начали проявлять интерес к нему. «Другой Данилов» стал полноправным активным участником культурных проектов в городе – конкурсов по благоустройству, подготовки туристических маршрутов, приема гостей города – и за его пределами: ребята были организаторами проектов «Арт-экспедиции в Курбе» (2019) и «Том Соьер Феста» в Ярославле (2019–2020). Представители сообщества становились экспертами и участниками таких площадок, как Всероссийский градозащитный съезд в Самаре (2018), форум «Достояние России. Искусство и культура – детям» (2019), Молодежная школа общественного действия «Актуальное наследие» (2019), деловой клуб «Наследие и экономика» (2019), молодежный кэмп «Ночи над Волгой» (2020), молодежный культурный слет «Обрати внимание» (2020), исследовательская поездка «Ночи над Волгой» (2021), фестиваль «Том Соьер Фест» (2021).

Подростки группы «Другой Данилов» отличаются активностью, независимостью, свободолобием, определенной оппозиционностью по отношению к таким учреждениям, как Дом культуры, Российский союз молодежи, Молодежный центр «Бригантина». Большой резонанс и широкую огласку в сентябре 2019 года получил отказ участников группы задавать на встрече с губернатором заготовленные администрацией вопросы.

«Ленина 21» и «Открытый город»

В 2019 году после выпуска «Нескучного путеводителя» и формирования активного подросткового сообщества Даниловская художественная галерея инициировала проект «Открытый город. Художники – детям. Творческий практикум». Проект тоже стал победителем конкурса грантов Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Его целью стало вовлечение молодежи в изменение культурной среды Данилова путем знакомства с традиционной и современной художественной культурой, а также закрепление этих знаний на практике через создание в среде города объектов и росписей, спроектированных самими школьниками.

Осенью 2019-го – летом 2020 года подростки Данилова вместе с приглашенными кураторами – двумя художниками (Татьяна и Вера Лапонкины) и скульптором (Ольга Хан) – создали серию исторических граффити и арт-объектов на территории города.

В отличие от «Нескучного путеводителя», набор в проект «Открытый город» велся через агитацию в актовом зале школы, а не в классах (рис. 3). В итоге в проект пришло лишь около 10 новых участников. В основном же к нему присоединились те, кто уже участвовал в активностях галереи и составлял костяк сообщества «Другой Данилов». Тем не менее новым участникам удалось организовать в младшую возрастную группу «Другого Данилова», в которой нашлись даже свои лидеры. Возраст участников составлял 12–15 лет.

Также к осени 2018 года вокруг галереи сформировалась группа подростков и выпускников школ, которые уже имели большой проектный и организаторский опыт (например, в проектах «Арх_и_Тип» и «Нескучный путеводитель») и насмотренность. Им не было интересно участие в творческих проектах в качестве простых исполнителей. Ребятам хотелось организовывать собственные мероприятия, иметь место, режим работы которого определялся бы ими самими, а не графиком работы муниципального учреждения культуры. У них были идеи открыть ресторан, книжный магазин и свое арт-пространство.

В то же время я думал о том, чтобы организовать в городе площадку, на которой можно было бы разместить собранную коллекцию городских артефактов и принимать в гости туристические группы. Вместе мы обратили внимание на дом № 21 на улице Ленина, признанный аварийным

Рис. 4. Одно из мероприятий на Ленина, 21
 Источник: изображение из архива автора.

и расселенный в 2016 году. В декабре 2019 года я приобрел его у мэрии. К освобождению дома от мусора были привлечены самые стрессоустойчивые подростки, а на уборку ушло почти шесть месяцев. Впоследствии в его ремонте участвовали многие школьники Данилова.

Первым мероприятием на «Ленина 21» стал Антивыпускной, проведенный подростками в июне 2019 года вместо официального школьного выпускного: без алкоголя, с приглашенными друзьями, педагогами, гирляндами из «решебников» ЕГЭ и тетрадок. В период 2019–2020 годов при участии ребят был проведен музыкальный концерт подростковой группы, барахолка, иммерсивные спектакли для туристов, большое количество экскурсий для горожан и гостей города (рис. 4). Через два года после своего открытия дом был нанесен на карты городской администрации как один из городских объектов культуры наряду с Домом культуры, музеем и художественной галереей. В партнерстве с администрацией города планируется устройство скейт-парка – как продолжение идей проекта «Арх_и_тип» и его скейт-рампы.

Сегодня дом работает по принципу резидентства: доступом в него располагают лишь горожане, имеющие отношение к обществу «Другой Данилов». Разделение по возрасту чувствуется: старшие участники проектной деятельности и те, кто пришел в проект в 2019–2020 годах, составляют две самостоятельные группы с разным интересом к дому. Первые рассматривают его как хозяева, вторые – как гости, что

влияет на уровень ответственности, не-гласно закрепленной за каждой из групп.

В будущем развитие проекта и сообщества планируется формализовать, сделав максимально понятным для новых участников механизм входа в него. Дом на Ленина останется площадкой для реализации творческих идей горожан и гостей города, третьим местом и общественным пространством. В нем уже запланированы общественная гостиная, библиотека и галерея наивного искусства, а в июне 2021 года был открыт хостел.

Заключение

Даниловский эксперимент по проектной работе с подростками вызвал большой общественный резонанс в самом городе и за его пределами, интерес музейных экспертов и экспертов в сфере современного образования и градозащитников.

Градозащитникам понравился пример редко практикуемого в России способа защиты старинных домов, а именно практика, подразумевающая, что группа горожан занимает бесхозное здание в общественных целях (сквотирование) с последующим его выкупом у города или оформлением в бессрочное пользование.

Эксперты из сферы образования обратили внимание на успешную внешкольную программу социализации и профориентации подростков. Фактически она реализуется уже четыре года с начала проекта благодаря встречам с людьми уникальных современных профессий и возможности попробовать себя в них. Это был предусмотренный задачами проектов эффект, который, впрочем, оказался самым впечатляющим и важным для юных горожан. Отсутствие бюрократических ограничений и псевдопатриотических идей, возможность оставаться независимым в высказываниях и доверие между участниками привели к появлению альтернативной «школы», в которой подростки приобретали необходимые современному человеку навыки коммуникации и эмпатии [Мурашев, 2019, с. 195], понимание важности проектной и командной работы, отсутствие страха ошибки [Там же, с. 339].

Опыт проектов «Другого Данилова» позволил мне сформулировать ряд составляющих успешного творческого проекта с подростками, которые можно классифицировать по следующим трем уровням:

- 1) Уровень взаимодействия с подростками:

- Неперсонализированные призывы к участию в проекте работают плохо. Необходимо составить максимально подробное представление не только об аудитории проекта в целом, но и о личности, потребностях, состоянии каждого потенциального участника.
  - Приглашать к участию в проекте лучше с «запасом»: у подростков есть дела вне проекта, и из подтвердивших свое участие ребят участвовать смогут не все. Практика показала, что даже при полномасштабной агитации с применением комплекса инструментов вовлечения лишь 25% от аудитории агитации стали участниками проекта. Думаю, в мегаполисах и областных центрах, где вариантов досуга у подростков больше, этот показатель может быть еще меньше.
  - Оставлять право выбора за подростками: ходить или не ходить, когда ходить, с кем и чем заниматься. Многие взрослые норовят навязать им свои идеи или подменить их идеи своими, отказываются от принципа «Предлагаешь – делай», рассматривают их как исполнителей.
  - Необходимо быть готовыми к тому, что подростки смогут принять участие лишь в каком-то этапе мероприятия, а часть заданий и обещаний останутся невыполненными.
  - Берете в проект подростков – берите в партнеры и их родителей. Залогом успеха проекта является налаженная взаимосвязь не только между ребенком и кураторами проекта, но и между кураторами и родителями подростков. Родители должны знать, чем заняты их дети, какой индивидуальный вклад они вносят в общее дело. Не стоит скупиться на похвалу детей перед родителями.
  - Уровень коммуникативных способностей у подростков разный. Поэтому кураторам проекта необходимо собирать подростков в группы, ориентируясь на их совместимость друг с другом и общие интересы. Нина Саймон называет это методом «от я к мы» [Саймон, 2017, с. 44–45], в ходе применения которого надо уделять внимание каждому и искать, кто кому мог бы составить компанию, объединить подходящих друг другу ребят. Когда работа над проектом станет их общим интересом, необходимость искусственно спланировать ребят исчезнет сама.
  - В проекте необходимо соблюдать баланс между делом и тусовкой. Большинство школьников приходят на проект, чтобы найти друзей, стать частью сообщества сверстников. Лишь реализовав эту потребность, они могут продуктивно работать над проектом. За удовлетворением личных ожиданий подростка следует продуктивная проектная работа: «Сначала школьник становится уверенней в себе, вслед за этим естественным образом приходят знания» [Мурашев, 2019, с. 203] или «Сперва любить – потом учить» [Благово, 2020, с. 68].
  - Не стоит бояться столкновений с бытовыми, семейными проблемами подростка. Не всегда наставник может помочь подростку, но важно поделиться своим опытом в аналогичной ситуации.
- 2) Уровень выбора творческого наставника для подростков:
- У проектов с подростками высокая энергоемкость. Большинство учреждений культуры не любят эту аудиторию, предпочитая ей покорных и исполнительных учеников младших классов. Но именно для учеников средней и старшей школы творческие проекты более важны и необходимы, являясь по сути терапией и помощью в сложном переходном возрасте.
  - Наставник должен обладать харизмой, уметь увлекать подростка, быть интересным ему, уметь внимательно слушать, слышать и находить слова поддержки. Проблема многих семей в том, что взрослые родители не говорят с детьми, и проект может скорректировать недостаток общения подростка со взрослым. Эту особенность современной коммуникации детей и взрослых отмечали и наставники в лагере «Камчатка»: «С детьми почти никто никогда не разговаривает. Чем больше вы с ними будете говорить – тем лучше будет ваш лагерь» [Мурашев, 2019, с. 141].
  - Наставник должен постоянно задаваться вопросами: «О чем этот конкретный подросток?» (т. е. – что его волнует, что ему важно, интересно), «Чем я ему могу помочь?». Это развивает чуткость и эмпатию по отношению к подростку. Просто важно держать эти вопросы в голове.
  - Стоит исключить предвзятое отношение к подросткам, их знанию, опыту, личным качествам. Надо помнить, что на первоначальном этапе взаимоотношений недоверие, скорее всего, взаимно, а во многих областях подростки разбираются лучше вас. Поэтому необходимы отношения на равных, горизонталь. Схожий принцип был одним

- из правил прогрессивной петербургской школы К. Мая на рубеже XIX–XX веков: «От юного существа можно добиться всего посредством высказывания к нему доверия» [Благово, 2020, с. 68]. Еще более интенсивно и широко этот принцип воплощается в наше время в современных финских школах, где «учителя и ученики общаются на равных: дети могут называть взрослых по имени, свободно с ними советоваться и перешучиваться» [Мурашев, 2019, с. 21]. Александр Мурашев как бы резюмирует этот опыт в совете педагогу школы будущего: «Удивительные вещи случаются в тот момент, когда ты даешь ему (ребенку) почувствовать себя значимым и перестаешь относиться к нему с высоты своего колоссального жизненного опыта» [Мурашев, 2019, с. 52].
- В ходе коммуникаций в проекте стоит отказаться от использования слов «дети» и «взрослые». Эйджизм даже на понятийном уровне приводит не к сближению разных поколений, а к их противопоставлению и разделению. Исключение таких терминов из коммуникации уже само по себе настраивает на желание доверять друг другу. Лучше об этом договориться перед началом проекта.
  - Подростки идут за профессионалами. Привлекайте к участию в проекте в качестве наставников лишь тех, кто любит свое дело. Эффект усилится, если профессионал не только фанат своего дела, но и человек, желающий увлечь этой любовью к делу других. Это правило согласуется не только с заповедью директора упомянутой выше петербургской школы К. Мая XIX века – «Пример преподавателя – самое действенное средство воспитания» [Благово, 2020, с. 68], – но и с принципом директора школы «Апельсин» уже XXI века – «Ничего не зажигает лучше, чем пример страстной жизни» [Мурашев, 2019, с. 53].
  - Наставник должен стать участником всех подростковых игр. Через игру во многом происходит обучение подростка, а ваш проект может получить неожиданные побочные синергетические эффекты. Более того, желательно, чтобы наставник сам вовлекал подростков в игры и конкурсы, стимулируя их интерес к работе над проектом, чередуя серьезные и несерьезные формы созидания.
  - Стоит быть готовыми к тому, что вы научитесь от подростков большему, чем они от вас. Подростки действительно многому учат взрослых: эмпатии, открытости, широте взглядов, толерантности. Но, что самое важное, они помогут найти связь с внутренним ребенком, обрести его в себе.
  - Постоянная связь между наставниками и подростками (частота встреч, участие наставника в чатах и группах проекта) позволяет установить дружеские контакты и внести в общение некоторую неформальность. В краткосрочных творческих проектах такие дружеские отношения и личные контакты необходимы и в значительной степени являются залогом успеха. Аналогичный принцип допускается и при школьном обучении: «Для будущего обучения личная встреча с человеком важна как никогда [Мурашев, 2019, с. 195].
  - Работа в проекте должна быть в зоне ближайшего развития подростка, а ответственность должна делегироваться ему понемногу.
  - Наставник должен понимать, что повод и содержание встреч могут быть любыми, но итоговая цель должна быть конкретна и в перспективе осязаема. Его задача – дать свободу любым творческим проявлениям подростка, не забывая о конечной цели проекта. Необходимо постоянно балансировать между интересами школьника и проекта. При этом подростку важно видеть результат своего труда и еще важнее – что этот результат признан другими. Это также один из принципов партиципаторного музейного проектирования: «Проекты, предполагающие соучастие, должны обладать отчетливой ценностью как для самого учреждения культуры, так и для их участников и сторонних потребителей» [Саймон, 2017, с. 22].
  - Существенное снижение темпа проектной работы ведет к снижению внимания подростка к проекту, его перезапуск равносителен старту. Подростки непостоянны и мобильны, любой длящийся проект должен быть поделен на этапы, каждый со своим промежуточным результатом. Длительное отсутствие личных встреч и общения по проекту приводит к нарушению ранее установленных взаимосвязей между участниками. Чтобы не допустить разобщения складывающегося сообщества во время проекта, можно организовать короткие и самостоятельные творческие проекты, они помогут удержать команду в тонусе.
- 3) Требования к пространству/площадке:

- Успешный творческий проект дает подросткам доступ к разнообразным видам деятельности (от ничегонеделания и общения – до совместной творческой и организаторской работы). У каждого подростка свой запрос, поэтому чем более широкая палитра активностей будет предложена ему на площадке, тем больше участников найдут себе место в проекте. Наличие у самих детей разного опыта позволяет им учиться, в том числе друг у друга: «Нам все еще нужно собирать детей вместе, потому что они должны учиться друг у друга. Это правило коммуникации – ты не можешь научиться чему-то только при общении с людьми старше тебя на тридцать лет» [Мурашев, 2019, с. 33].
- Еда – социальный клей. Совместный прием пищи – это отличный повод для неформального общения между всеми участниками проекта. Необходимо избегать деления участников по уровню профессионализма и опыта, ставящего их в неравные условия и нарушающего партнерскую горизонталь.
- Важно, чтобы появившаяся точка притяжения была открыта с утра до позднего вечера. Подросток должен знать, что есть место, где его всегда ждут, куда он может прийти, когда ему нужно побыть в одиночестве или, наоборот, найти тут компанию. Это практически невыполнимое условие для российской действительности, однако задача нашего следующего проекта «Ленина 21» в том и состояла, чтобы преодолеть это обстоятельство и стать настоящим третьим местом для горожан.
- Нужно быть готовыми что-то предложить после окончания совместного проекта. «Мы в ответе за тех, кого приручили» – цитата из знаковой книги Сент-Экзюпери хорошо характеризует и проектную деятельность с подростками. Это вовсе не значит, что вы навсегда становитесь наставником для подростков, речь лишь о том, чтобы научить их самих быть генераторами и исполнителями собственных идей, дать механизм воплощения этих идей в жизнь.

Источники

- Благово Н. В. (2020) Сперва любить – потом учить. Музей истории школы К. Мая. 1995–2020. СПб.: Серебряный век.
- Капков С. А. (2016) Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 58–63.
- Мурашев А. (2019) Другая школа: откуда берутся нормальные люди. М.: Эксмо.
- Ничего не происходит в Черняховске (2014) Путеводитель по местам городской жизни городской молодежи. Москва.
- Ничего не происходит в городе Ч (2014) Методика создания путеводителя для развития города. Москва.
- Ольденбург Р. (2018) Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение.
- Приемышев М. (2017) Сводный отчет «Воркшоп Арх_и_тип». [Электронное издание]
- Саймон Н. (2017) Партиципаторный музей. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Acebillo J., Le J., Schmid C. (2012) Globalization of urbanity. Actar Publishers.
- Project for Public Spaces, Metropolitan Planning Council (2008) A Guide to Neighborhood Placemaking in Chicago. PPS Publisher.

THE ENGAGEMENT OF CHILDREN AND TEENS IN URBAN PROJECT. The Case of "Drugoy Danilov" Project

Dmitry V. Andreev, City Planner, Sociocultural Projects Manager, Urban Specialist, Teens Tutor; 21 Uritskogo str., Danilov, 152070, Russian Federation.
E-mail: sodart@mail.ru

Abstract. This article analyzes the involvement of children and teens living in small towns in sociocultural projects to make and rethink urban public spaces. Working on project "Arch_i_tip" [Archetype] with children and teens in May 2017, the author saw the schoolchildren merely following instructions. However, in 2019–2020, as projects further unfolded, participants started initiating their own creative urban interventions more often.

The long-term cooperation of students and tutor-artists on historical graffiti and art objects, a city map, and a funny city guide brought into being "Drugoy Danilov", a community of people who had never met each other before and an umbrella project. This community became an active and legitimate participant in local urban cultural projects (contests of town beautification projects, developing tourist routes and entertainment). Seeking a place for the community to meet led to the opening of their own cultural center "Lenina 21" which had been a dispossessed villa. Now students have grown and can operate "Lenina 21" on a par with adults.

The article reveals the secrets of teen involvement and retention in the key projects "Arch_i_tip", "Demonstration aid for funny walks through Danilov composed by its young citizens", "Open city. Artists for children. Creative practicum" and "Lenina 21". It describes the achievements and struggles faced while testing different approaches for working with schoolchildren. The author suggests three types of recommendations for project leaders working with schoolchildren: 1) how to deal with children and teens; 2) how to choose an art mentor for this audience; 3) spatial requirements for meetings of young people.

Keywords: community; teen; children; urban environment; school; schoolchildren; education; museum; participation; participatory planning;

art residency; cultural center; street art; graffiti

Citation: Andreev D. (2021) The Engagement of Children and Teens in Urban Projects. The Case of "Drugoy Danilov" Project. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 22–38. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202122-38>

References

- Acebillo J., Le J., Schmid C. (2012) Globalization of urbanity. Actar Publishers.
- Blagovo N.V. (2020) Sperva lju-bit-potom učit. Musey istorii shkoly K.Maya. 1995–2020 [Primarily to Love Then to Teach. History Museum of the School After K. May 1995–2020]. SPb: Serebryany vek [Saint Petersburg: Silver Age]. (in Russian)
- Murashov A. (2019) Drugaya shkola: otкуда be-rutsya normalnye lyudi [The Other School: Where Sane People Come From]. Moscow: Eksmo. (in Russian)
- Nichego ne proishodit v Chernyahovske. Putevoditel po mestam gorodskoy zhizni gorodskoy molodezhi (2014) [Nothing Happens in Chernyakhovsk. The City Guide of Young People Urban Life] Moscow. (in Russian)
- Nichego ne proishodit v gokode Ch.Metodika sozdaniya putevoditelya dlya razvitiya goroda (2014) [Nothing Happens in the City of Ch.Methodology for Creating a Guidebook for the Development of the City] Moscow. (in Russian)
- Oldenburg R. (2018) Tret'e mesto: Kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Moscow: New Literary Observer]. (in Russian)
- Priemyshev M. (2017) Svodny otchet "Workshop Arch_i_tip" [Report "Workshop Arch_i_type"]. (in Russian)
- Project for Public Spaces, Metropolitan Planning Council (2008) A Guide to Neighborhood Placemaking in Chicago. PPS Publisher.
- Simon N. (2017) Partitsipatornyi muzei [The Participatory Museum]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)

Соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего: как вовлечь молодых взрослых?

Ирина Виноградова
Елена Иванова
Екатерина Барсукова

Введение

Теме устойчивого развития городов сегодня в России уделяется значительное внимание. Показательны в этом плане Указ Президента по разработке Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы¹, национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, осуществляемый Аналитическим центром при Правительстве РФ², и темы подаваемых президентских грантов, связанные с вовлечением детей и молодежи в повестку устойчивого развития и климатических изменений. Успех в достижении таких целей, как искоренение нищеты, снижение уровня неравенства, уменьшение последствий изменения климата и обеспечение здорового образа жизни, будет зависеть от того, как подойдут к их выполнению в городах и насколько молодое население городов будет вовлечено в проектирование городского будущего.

1. Указ Президента по разработке Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400193112/> (дата обращения: 13.11.2021).

2. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/projects/project/dobrovolnyj-nacionalnyj-obzor-dostizhenia-cejlej-ustojcivogo-razvitia-10> (дата обращения: 13.11.2021).

Виноградова Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета; Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, тел.: +7499 181 24 62

E-mail: vinogradovaia@mgpu.ru

Иванова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая лабораторией образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета; Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, тел.: +7499 181 24 62

E-mail: IvanovaEV@mgpu.ru

Барсукова Екатерина Михайловна, научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета; Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, тел.: +7499 181 24 62

E-mail: barsukovaem@mgpu.ru

Городская среда становится мощным мотиватором территориальной мобильности горожан, в первую очередь молодых взрослых. Совместное проектирование становится одним из условий развития города и саморазвития горожан, которое выражается в возможности молодых взрослых самостоятельно реализовывать свои замыслы и проживать в комфортном городском пространстве. Это приводит к необходимости поиска эффективных способов вовлечения этой возрастной категории горожан в решение вопросов развития городской среды и устойчивого городского будущего. В статье предпринята попытка выявления и обоснования эффективных механизмов, форм и способов соучаствующего проектирования молодыми взрослыми городского будущего. Эти компоненты описаны на материале собственной практики соучаствующего проектирования, в том числе участия в проекте City Transformers, опыта работы с молодыми взрослыми Москвы и Красноярска. В качестве основных механизмов такого проектирования молодыми взрослыми устойчивого городского будущего следует рассматривать: построение коммуникативной среды, сетевое взаимодействие и стратегическое планирование.

Популярные урбанистические исследования Генри Саноффа [Санофф, 2015], Яна Гейла [Гейл, 2012] доказывают, что городские изменения эффективны при условии активной включенности горожан в эту повестку. При этом значительная часть городских жителей – дети, чей голос не всегда может быть услышан и учтен. Мировая практика урбанистических кейсов уже доказала важность соучастия детей и молодых взрослых (от 14 лет до 21 года) в повестке городских проектов – проектировании дворовых и городских площадок, парков, поликлиник и больниц, школьных территорий. Проекты соучастия помогают детям и молодым взрослым принять субъектную позицию, включаться в городской контекст изменений, брать на себя ответственность за свои решения и в конечном итоге вовлекают их в активное социальное проектирование городского будущего.

В связи с этим основной исследовательский вопрос данной статьи может быть сформулирован следующим образом: как можно вовлечь молодых взрослых в соучаствующее проектирование городского будущего? Какие форматы и механизмы соучаствующего проектирования будут эффективны в работе с указанной возрастной категорией? Ответить на эти вопросы мы попробуем путем описания собственной практики вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего.

Рассмотрение вопроса совместного проектирования обращает нас к идеям архитектурного детерминизма (согласно которому поведение людей обусловлено спецификой и содержанием окружающей среды), пессибилизма (теории ограничивающего влияния окружающей среды на деятельность людей) и пробабилизма (позиция вероятного влияния окружающей среды). Эти концепции отличаются степенью предполагаемой обусловленности поведения человека влияниями окружающей среды. При этом современные экспериментальные исследования доказывают, что окружающая среда в одних случаях создает возможности, а в других – ограничения для определенного поведения, но не определяет его [Габидулина, 2012; Рыбчинский, 2015; Эллард, 2016; Горожанин, 2017; Беркинг, Лев, 2017].

Идеи соучаствующего проектирования ярко реализованы в концепции социального дизайна, где основной акцент делается на изучении потребностей человека в контексте возможностей окружающей среды. Социальный дизайн стал способом, при помощи которого общественность получила возможность участвовать в движении по защите прав человека [Смолова, 2010].

С одной стороны, концепция социального дизайна развивалась под влиянием теории нагрузки окружающей среды [Mehrabian, Russell, 1974], концепций жизни в городе [Bell, Green, Fisher, Baum, 2001; Jacobs, 1993; Lynch, 1960; Wohlwill, 1976] и исследований пространственного поведения [Gifford, 2002; Sommer, 1983; Carson, 2002; Cassidy, 1997]. Поэтому методы, используемые в этих концепциях и исследованиях (систематическое наблюдение, интервьюирование, опросы, анализ статистических данных и т. д.), стали использоваться и в социальном дизайне.

С другой стороны, возникновение и развитие социального дизайна методологически основывалось на философии социально-экологического подхода в дизайне и архитектуре, где человек является целью и критерием успешности проектирования [Папанек, 2018; Райт, 2018; Dreyfuss, 2003; Feller, 1968]. Основная идея социального дизайна – решать проблемы людей и способствовать их социальному благополучию [Margolin, 2002].

Согласно Роберту Зоммеру, социальному дизайну присущи ориентированность на работу с людьми, их вовлечение в планирование и управление окружающим пространством, формирование ответственности за окружающую среду и доступность информации о влиянии среды на человека [Sommer, 1983].

Эффективными способами погружения молодых взрослых в вопросы устойчивого городского будущего могут стать: решение кейсов, фокус-групповое интервью, проектные семинары, мастерские, коммуникационные игры и проведение исследований. Представленный в работе материал может стать основой для разработки концепции осознанного участия молодых взрослых в проектировании и развитии города, а также технологии соучаствующего проектирования в контексте устойчивого городского будущего с участием молодых горожан.

Ключевые слова: городское будущее; молодые взрослые; практики соучаствующего проектирования; проектирование; сетевое взаимодействие; соучаствующее проектирование

Цитирование: Виноградова И. А., Иванова Е. В., Барсукова Е. М. (2021) Соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего: как вовлечь молодых взрослых? // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202139-51>

Идеи соучаствующего проектирования мы находим в концепции органической архитектуры Франка Ллойда Райта, где отмечается, что при проектировании и строительстве жилого пространства большое значение придается личному общению с заказчиком и созданию для него такого места, которое бы удовлетворяло все его потребности и обеспечивало необходимую безопасность [Райт, 2018].

Важная линия развития проблематики соучаствующего проектирования связана с концепцией культуры соучастия, представленной в работе Генри Дженкинса [Дженкинс, 2019]. Автор выделяет важные элементы культуры соучастия, которые необходимо учитывать в соучаствующем проектировании, в том числе при вовлечении молодых взрослых в решение вопросов городского развития: бескорыстный характер участия, эмоциональная вовлеченность, высокая ценность практики для участников, отсутствие иерархии при взаимодействии.

Исходя из анализа указанных выше работ, под соучаствующим проектированием мы понимаем активную совместную деятельность заинтересованных людей, для которой характерны вовлеченность в процесс, желание услышать друг друга, эмоциональное соприсутствие и в результате которой создается некий продукт.

Основная *проблема* развития соучаствующего проектирования состоит в трудности соединения разных знаний и представлений его участников в целостную и практически организованную систему.

Акцентирование вопросов соучастия в контексте проектирования городов позволяет нам рассматривать этот процесс с позиции создания или обновления городских пространств различного масштаба с участием администрации, нынешних и будущих жителей и других сторон, заинтересованных в функционале и состоянии проектируемых территорий. Такими сторонами могут быть команды из самых разных людей: представители местного и потенциально заинтересованного бизнеса, экоактивисты, профессиональные сообщества (архитектурные, исторические и т.п.), группы людей, объединенные общими интересами (владельцы собак, любители велосипедных прогулок, автомобилисты, активные родители и т.п.). *Целью* соучастия становится формирование пула проблем и задач, которые проект должен решить, и веера подходящих решений, а также создание лояльного к проекту местного сообщества, что в дальнейшем снижает ван-

дализм и проявление агрессии в пространстве.

Каким же образом в этот процесс могут быть вовлечены молодые взрослые?

Далее мы опишем практики вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего в следующей последовательности:

- стадии вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего;
- ролевые позиции молодых взрослых в соучаствующем проектировании устойчивого городского будущего;
- механизмы вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего;
- формы организации и методы соучаствующего проектирования для обеспечения осознанного и квалифицированного участия молодых взрослых.

Такой формат изложения поможет рассмотреть данный процесс в контексте технологии и возможностей распространения опыта.

Стадии вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего

Детское и подростковое сообщества вносят свой вклад в понимание городских пространств. Дети и молодые взрослые обеспечивают продуктивное ведение проектов к структурным изменениям на всех этапах – от видения до стратегии и реализации. Совместное проектирование дает молодым взрослым возможность почувствовать свою причастность к проектированию и опыту своего города. Участие молодых взрослых в городском планировании с самого начала проекта является лучшим вложением в краткосрочные результаты и долгосрочную перспективу [UNICEF, 2018].

Участие молодых взрослых в вопросах городского изменения позволяет специалистам по городскому планированию понять уникальное видение детей в отношении их застроенной среды и средств к существованию, выделить их приоритеты и рассмотреть предлагаемые ими решения, создавать коалиции между местными органами и детьми, имеющими общие интересы.

Вовлечение молодых взрослых в решение вопросов устойчивого городского будущего включает несколько фаз: от неведения и невовлеченности в процесс через наблю-

дение и вступление в контакт, когда участники проявляют первоначальную заинтересованность во взаимодействии с сообществом, к содействию и сотрудничеству, когда появляется чувство сопричастности, личная заинтересованность в проекте и его реализации. На завершающей стадии молодые взрослые могут становиться инициаторами новых проектов и вовлекать других участников [Калашникова, 2017]. Весь процесс можно представить в виде схемы: «неведение – наблюдение – вступление в контакт – содействие – сотрудничество – ведущая роль».

При таком алгоритме молодые взрослые становятся не объектами воздействий инициатора проекта устойчивого развития городов, а активными субъектами, вовлеченными в проект. Вовлечение в соучаствующее проектирование помогает молодым взрослым самоидентифицироваться. Сначала это эмоциональное отождествление (ощущение тесной связи с городом), затем формирование ориентаций (желание быть причастным к жизни города) и включение в реальную деятельность (практическая включенность в городскую общность) [Рагинская, 2015].

Выстраивая стратегию вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего, нужно осознавать необходимость обеспечения разной степени включенности в этот процесс и создавать для этого условия, ориентируясь на желания и возможности участников. При этом следует отметить, что совместные действия нескольких участников, как правило, превосходят результаты деятельности каждого по отдельности, что находит отражение в эффективности проектирования [Doise, 1987].

Рольевые позиции молодых взрослых в соучаствующем проектировании устойчивого городского будущего

Особенностями командной работы подростков и молодых взрослых являются отсутствие или недостаточность опыта в распределении ролей, слабое понимание собственных личностных сильных и слабых сторон и желание соответствовать собственному внутреннему представлению об идеальном «я». Поэтому во время организации групповых сессий рекомендована помощь опытного взрослого модератора, который сможет перенастроить социальные связи между участниками и поможет каждому из них найти свое место в команде. В работе модератора важно избегать

силовых методов распределения ролей, поскольку даже при конструктивном развитии общей ситуации в ответ на принуждение молодые люди могут переходить в оборонительную или даже деструктивную позицию. В зависимости от текущей ситуации, желания и собственных возможностей участники могут менять роли или занимать сразу несколько позиций в работе команды. В качестве варианта распределения ролей в группе молодых взрослых можно, например, использовать модель Р. М. Белбина: генератор идей, исследователь ресурсов, координатор, мотиватор, аналитик, вдохновитель, реализатор, контролер, специалист [Белбин, 2003].

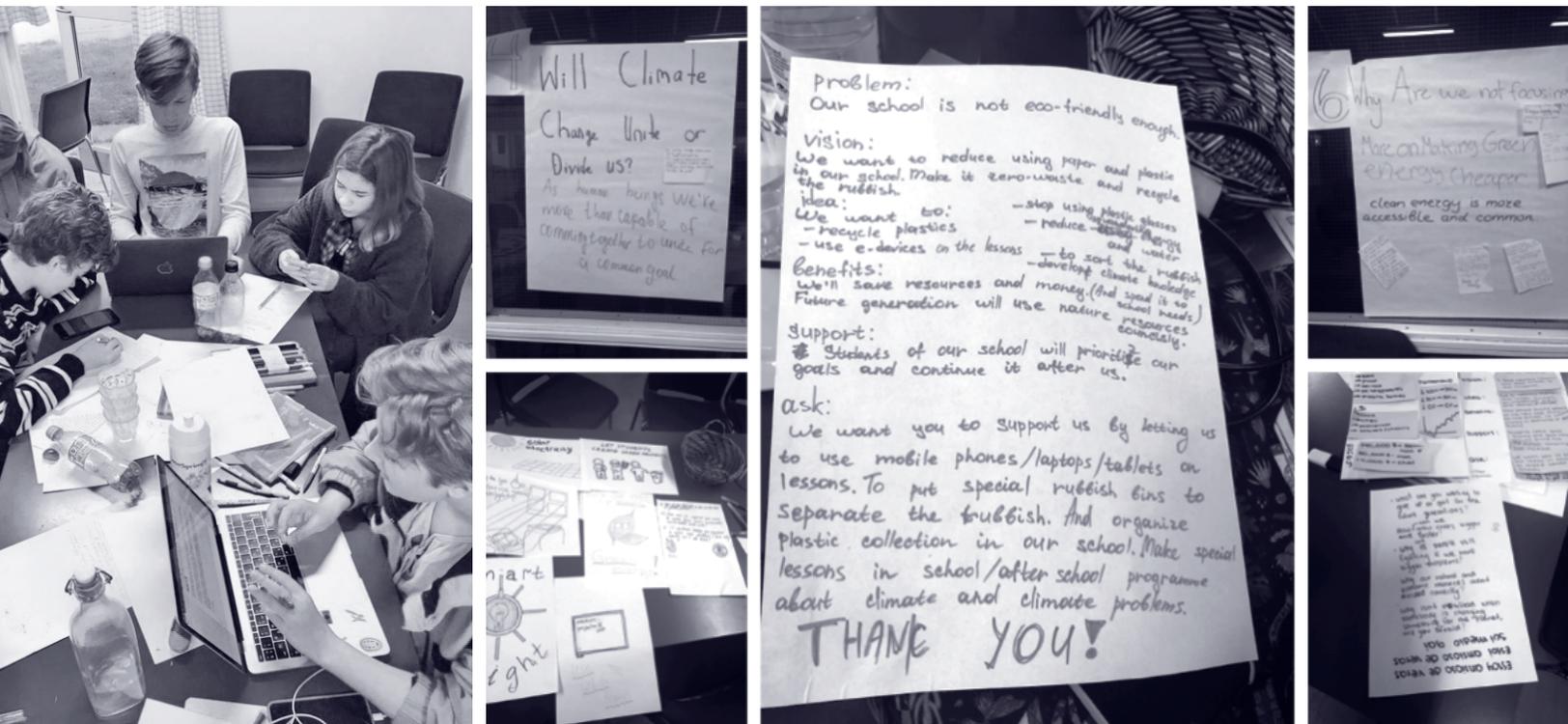
С ролевой организацией сообщества молодых взрослых в соучаствующем проектировании связана практика гибкой разработки [Ушаков, 2011]. Суть такой формы организации деятельности состоит в том, что участники организуются в группы по 5–7 человек с дополняющими друг друга навыками – разработчики, аналитики и т. д. Работа ведется этапами. Каждые 1–4 недели команда сосредотачивает свои усилия на разработке отдельного этапа проекта. После завершения работы над этапом команда проводит совещания, анализируя сделанную работу, а также планирует следующий этап. На совещаниях учащиеся пытаются ответить на три главных вопроса: что сделано? Что планируется сделать? С какими проблемами столкнулись? [Нестик, Журавлев, 2011].

Механизмы вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего

Механизмы построения коммуникативной среды

Успешность соучаствующего проектирования во многом обусловлена стратегиями внешних коммуникаций, что предполагает аккумуляцию разных видов ресурсов внешней среды и их преобразование в элементы соучастия при помощи коммуникационных технологий. Вот основные аспекты соучаствующего проектирования, которые направлены на продвижение идей устойчивого городского будущего:

- поддержание взаимопонимания и доброжелательных отношений в процессе соучаствующего проектирования;
- информирование участников и местных жителей о деятельности сообществ устойчи-

Рис. 1. «Горячие вопросы» от молодых людей из разных групп.
Фото Е. В. Ивановой

тивного развития городов (социальные сети, информация на официальных сайтах, печатные и онлайн-издания);

- привлечение внимания основных благополучателей к вопросам развития города (семинары, лекции, мастер-классы для широкой публики).

план действий (как она/он/сообщество будет действовать?), действия (что необходимо будет предпринимать для реализации цели?) и алгоритм действий (ключевые этапы, которые будут использоваться для определения прогресса реализации действий).

Чтобы создать эффективную коммуникационную стратегию, необходимо исследовать, как целевая аудитория любит общаться и о чем она хочет услышать. Необходимо передавать ясные и простые сообщения, чтобы донести ключевую информацию до всего сообщества. Внешнее общение охватывает местное сообщество, государственные органы, общественные организации и предполагает построение системы взаимодействия с представителями местного самоуправления и городских управ, девелоперами [Снигирева, 2016]. Коммуникация молодых взрослых по вопросам устойчивого развития городов возможна в форматах комьюнити-центров, городских мастерских и т. д.

Механизмы сетевого взаимодействия

Сетевое взаимодействие предполагает интеграцию усилий различных организаций и их представителей через проведение выставок, фестивалей, встреч, летних сессий и университетов, стажировок в России и за рубежом. Тем самым оно привлекает молодых взрослых из разных уголков мира к решению вопросов устойчивого городского развития.

Механизмы стратегического планирования

Молодые взрослые, вовлекаемые в соучаствующее проектирование, должны четко понимать стратегию своего участия в проекте устойчивого развития городского будущего, а именно: цели (чем они будут заниматься в течение определенного времени и что должно стать итогом их деятельности?),

Такое взаимодействие возможно в рамках проектов и инициатив Министерства экономического развития Российской Федерации, Агентства стратегических инициатив, Национальной ассоциации концессионеров и долгосрочных инвесторов (НАКДИ), Всемирного фонда дикой природы (WWF), проекта Минстроя России «Умный город», Государственной программы «Комфортная городская среда», проекта Global Rivers Environmental Education Network (GREEN), проекта Building Research Establishment (BRE) и др.

Наш опыт сетевого взаимодействия связан с участием в международном проекте City Transformers, созданном для отработки новых способов вовлечения молодых взрослых со всего мира в решение

проблем устойчивого развития городов. Проектная сессия международной команды этого проекта прошла в Копенгагене 8–12 октября 2019 года и была приурочена к ежегодному саммиту мэров 100 крупнейших городов мира, подтвердивших намерение бороться с глобальным климатическим кризисом. Сессия стала площадкой совместных обсуждений, диалога молодых взрослых из Москвы, Лондона, Мехико, Копенгагена и архитекторов, инженеров и представителей городского правительства. Российскую сторону представляли учащиеся московских школ и сотрудники Института системных проектов ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». Команды участников из разных стран работали над проектами, в которых они рассматривали возможности участия детей в вопросах проектирования городов с учетом целей устойчивого развития (открытости, безопасности, жизнестойкости и т. п.) (рис. 1).

Формы организации и методы соучаствующего проектирования для обеспечения осознанного и квалифицированного участия молодых взрослых

Какие формы вовлечения и организации соучаствующего проектирования могут быть эффективны?

На наш взгляд, взаимодействие между участниками соучаствующего проектирования можно стимулировать при помощи техники Харрисона Оуэна «Открытое пространство» [Оуэн, 2008]. Эта технология представляет собой способ организации встреч, которые сфокусированы на конкретных целях, но начинаются без специального планирования. Для обсуждения участникам предлагаются (или они сами выдвигают) общие направления исследований/проблем городского развития. Результат применения этой техники – генерирование большого количества идей разнообразных направлений, тематик и содержания. Каждый участник вовлекается в процесс, взаимодействие налаживается и происходит обмен идеями и знаниями. Эта технология отличается от мозгового штурма тем, что участники сами выбирают, в обсуждении какой из заявленных проблем будут участвовать, они могут свободно перемещаться от одного обсуждения к другому. Здесь значима не столько роль модератора процесса, сколько умения самоорганизации и самостоятельной деятельности участников, что вполне доступно

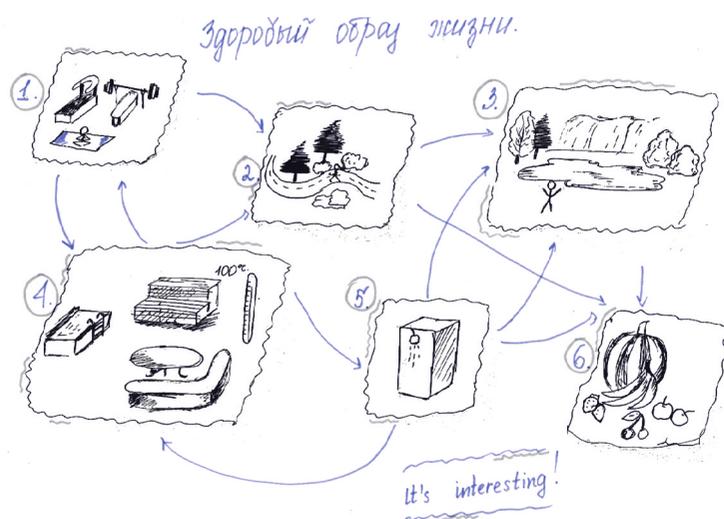
молодым взрослым. При этом важен переход от генерации идей к анализу возможностей их реализации на практике.

Исследование как способ вовлечения молодых взрослых в соучаствующее проектирование городского будущего

В качестве одной из форм вовлечения молодых взрослых в проблематику города можно рассматривать привлечение к исследованиям городской тематики. Исследования города в практике соучаствующего проектирования могут вестись в следующих направлениях:

- доступность (пешеходная и транспортная доступность, независимая мобильность, материальная и временная доступность, навигация, информационная доступность, открытость информации (форумы, реклама и т. п.), вариативность);
- безопасность и возможность защиты (безопасные маршруты города, наличие средств обеспечения активной безопасности, безопасный контент, возможность попросить помощь);
- социальная интеграция (учет гендерных, возрастных, этнокультурных и иных различий, возможность активного участия в жизни района и совершения социально значимых действий);
- окружающая среда и жизнеспособность (удовлетворение витальных потребностей, пропаганда ЗОЖ и экологических ценностей, наличие зеленых зон и активностей в них, поддержка и стимулирование физической активности горожан) [Иванова, Нестерова, Виноградова, Маякова, 2019].

Инструментом исследования города может быть построение когнитивных/ментальных карт города с учетом множества факторов: безопасности, транспортной, пешеходной, информационной и материальной доступности, потребностей разных возрастных групп, возможности активного участия в жизни района (политических, патриотических, спортивно-оздоровительных мероприятий и т. п.) и совершения социально значимых действий [Jacobson, 2006; Веселкова, 2010; Глазков, 2015; Митин, 2017]. Анализ таких карт позволяет выявить причины и факторы возникновения тех или иных представлений, их распространенность, а также свойства самой городской среды, обусловившие те или иные особенности восприятия ее элементов [Митин, 2017].

Рис. 2. Пример составления когнитивных карт города молодыми взрослыми

Для исследования социокультурного пространства города в локусе школы, то есть в районе расположения школы, где учится ребенок, в радиусе 15 минут пешком от нее, мы использовали когнитивные карты «Мой образовательный маршрут» (рис. 2) [Иванова, Виноградова, 2020].

Основой для картирования могут стать наблюдения, интервью с основными пользователями территорий города, представителями экспертных и городских сообществ, онлайн- и офлайн-анкетирование.

В качестве метода исследования дружелюбности и безопасности городских маршрутов мы используем эмоциональную оценку пространства подростками. Участникам исследования предлагается изготовить двустороннюю рамку из бумаги или картона, с одной стороны выкрашенную в красный, с другой – в зеленый цвет (рис. 3). Красная сторона обозначает гнев и опасность; зеленая – одобрение. При помощи камеры телефона или фотоаппарата и мобильного приложения с картами для обозначения точного расположения объекта участники маркируют красной рамкой все места или предметы, вызывающие гнев или кажущиеся опасными, зеленой – все, что нравится и вызывает положительные эмоции. На основе эмоциональной оценки составляется карта проблем и конфликтов территории.

Интересной методикой исследования повседневных городских маршрутов является углубленное интервью в формате экскурсии. Один или несколько постоянных пользователей городской локации организуют экскурсию для других членов проектной команды, рассказывая им о своих привычных маршрутах, любимых местах и негативном опыте, полученном на выбранной территории. Остальные молодые взрослые стараются занять позицию сторонних наблюдателей, глядя на пространство глаза-

ми постороннего, выделяя важную информацию и соотнося ее с собственными наблюдениями. Для создания дополнительной структуры и упрощения дальнейшего анализа в процессе наблюдения можно использовать чек-лист, разделенный на две части: о чем говорит ведущий и что видит исследователь. Полученные данные сверяются внутри группы, в результате команда получает срез мнений по проблемам, позитивным и болевым точкам городского маршрута.

Результаты подобных исследований могут быть представлены на конкурсах и фестивалях исследовательских и проектных работ. Одним из таких конкурсов является Московский городской конкурс исследовательских и проектных работ обучающихся (МГК), где молодые взрослые представляют результаты исследований и проектов в секции «Умный город»³. Участие молодых взрослых в подобных конкурсах формирует интерес к проблематике устойчивого развития городской среды и может стать начальным этапом вовлечения в соучаствующее проектирование.

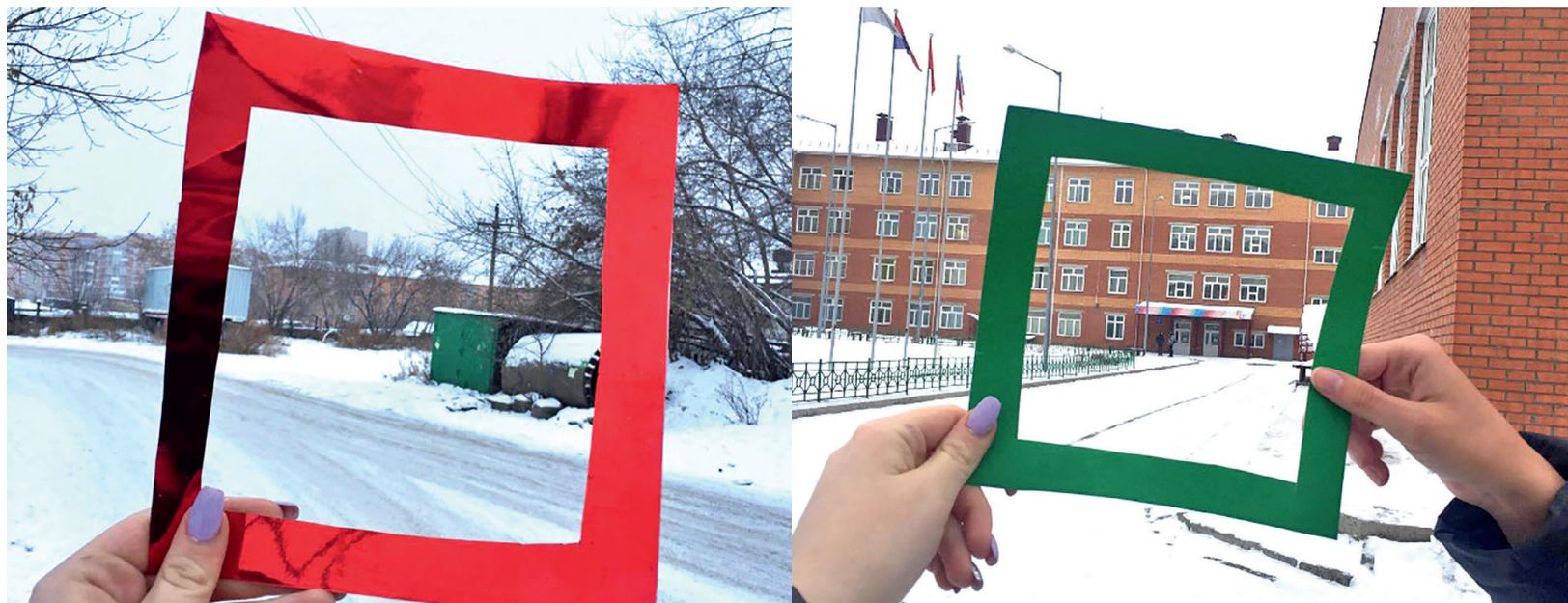
Игровые формы вовлечения молодых взрослых в проектирование городской среды

Для оптимизации процесса вовлечения молодых взрослых в городское проектирование целесообразно использовать игровые форматы.

В качестве варианта такого вовлечения можно рассматривать программу Block by Block⁴. Она является результатом партнерства компании Mojang, создавшей «Майнкрафт», ООН-Хабитат и представителей программы ООН по устойчивому развитию городов. Опыт использования этой программы показывает возможности виртуальных платформ для вовлечения и объединения молодежи, проживающей в разных странах по всему миру, в вопросы городского планирования. Дети из разных уголков планеты получают возможность обмениваться идеями и создавать совместные проекты, которые затем представляются городским властям и используются как часть реальных проектов городского пространства. Внедрение альтернативных игровых программ такого плана меняет практику обычного городского дизайна

3. Московский городской конкурс проектов. Режим доступа: <http://mgk.olimpiada.ru> (дата обращения: 13.11.2021).

4. Программа Block by Block. Режим доступа: <https://www.blockbyblock.org/> (дата обращения: 13.11.2021).

Рис. 3. Использование цветных рамок в исследовании городской среды города Красноярск

Фото: О. К. Покровского

и планирования, инициирует взаимодействие, облегчает понимание пространственных параметров, сценариев решений и последствий.

Коммуникационные игры в соучастующем проектировании используются на этапе знакомства группы с целью формирования команды единомышленников. Приведем в качестве примеров две игры.

Игра «Послание». Идея – подготовить совместное послание для жителей города будущего. Перед игрой участникам сообщается следующая информация: «В 1967 году жителями города N была заложена капсула с посланием к тем, кто встретит 100-летие революции в 2017 году. После вскрытия капсулы была заложена новая для горожан 2050 года. Попробуем примерить на себя аналогичную роль и подготовим послание для жителей города будущего». Далее проводится основное обсуждение содержания послания, где каждый имеет возможность высказаться. Затем получившееся послание обсуждается. В послании важно отразить перспективы городского планирования, образ города будущего.

Игра «Образ города». Идея – создать образ города будущего путем проецирования на образ человека. Каждой команде дается лист ватмана. На ватмане рисуется контур человека с прорисованной головой (глаза, уши, рот), отдельными органами (сердце, желудок и т. д.), руками и ногами. За каждым элементом закрепляется определенная смысловая нагрузка: голова – о чем город думает; глаза – как/что он видит; уши – как/что слышит; рот – как/что он говорит; горло – «что стоит комом», то есть что не нравится городу (жителям); сердце – как/что чувствует город; желудок – что хо-

чет; руки – что делает; ноги – куда движется; пятки – на что должно хватать смелости [Мартынова, 2015]. Команда делится на группы. Каждая группа составляет свой образ, а затем представляет его. Это упражнение можно включать в работу над проектом «Город будущего». В дальнейшем можно сопоставлять образы, которые получились в начале работы над проектом и в конце (рис. 4).

Кейсы как эффективная форма погружения молодых взрослых в вопросы устойчивого городского будущего

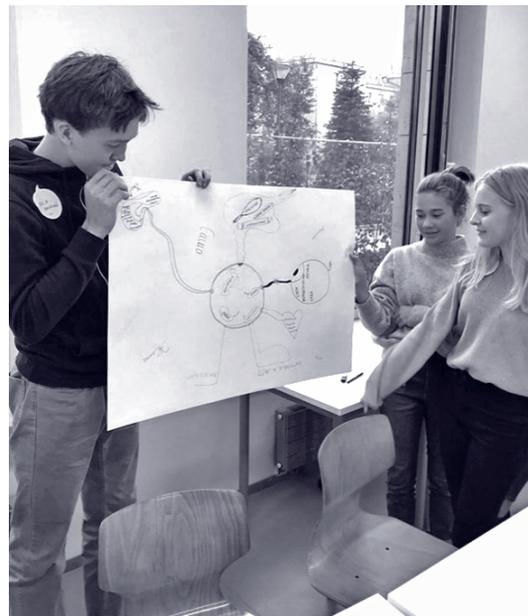
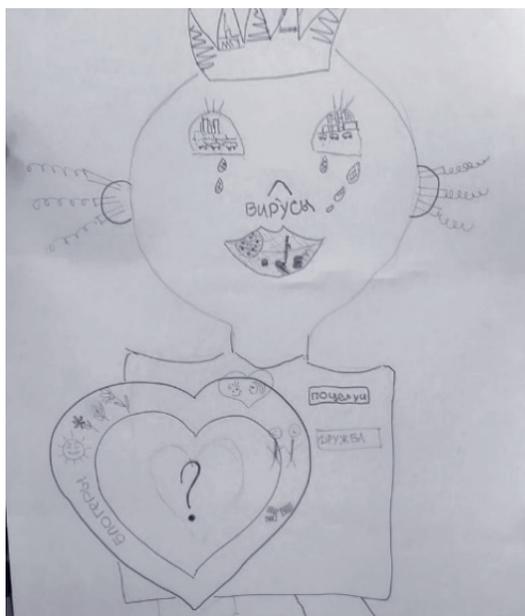
Эффективной формой погружения в вопросы устойчивого городского будущего, используемой нами в работе с молодыми взрослыми, является анализ кейсов [Азбель, Илюшин, 2014]. Кейс, как правило, содержит описание конкретной реальной ситуации, характеризующей ту или иную сторону социальной жизни. Он дает возможность приблизиться к практике, встать на позицию человека, который в реальности принимает решения. Предлагаемые кейсы по городской тематике предполагают несколько вариантов решения, не исключается возможность нахождения нестандартного решения.

Пример кейса: «По данным Европейской комиссии, средний европеец проводит в зданиях и закрытых помещениях около 90% всего своего активного времени в жизни. В больших городах среди горожан увеличивается количество заболеваний неинфекционного характера (заболевания сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, дыхательной и пищеварительной систем и т. д.), связанных

Рис. 4. Работы детей «Образ города Москвы» (проект City Transformers)

Фото:

Е. В. Ивановой

с недостатком двигательной активности (данные исследования URBAN HEALTH, 2020) [Ганжинова, Красноперова, Мальцев, Рачев, Румянцев, 2020].

После описания кейса следует основной вопрос, ответ на который нужно найти. Например: «Каким вы видите решение проблемы?»

При выполнении задания основное внимание следует обратить на выделение социальной проблемы, содержащейся в кейсе. Важно определить причину возникновения того или иного социального явления, а не только его следствия или внешнее проявление. Так, недостаточная двигательная активность горожан зачастую является следствием несформированной потребности в движении, непонимания значимости здорового образа жизни, особенностей проектирования городской среды и рабочего пространства. Понимание этих причин поможет участнику, решающему кейс, найти и проанализировать эффективные способы решения ситуации, сделать обоснованные выводы.

В качестве формы работы с молодыми взрослыми хорошо зарекомендовал себя метод фокус-группового интервью. Это интервью позволяет собрать качественные данные в ходе групповой дискуссии и выдвинуть идеи развития городской среды. Эффективность этого метода объясняется тем, что ситуация интервью максимально приближена к условиям повседневного общения; высказывания участников группового обсуждения становятся случайными стимулами для возникновения новых оригинальных идей; модератор фокус-группы не прибегает к оценочным суждениям и невербальным реакциям, используя тех-

нику отложенного суждения, что, в свою очередь, создает неформальную атмосферу общения и позволяет раскрыться участникам фокус-группы. Для проведения фокус-группового исследования разрабатывается гайд-сценарий, обсуждение может проходить в форме творческой сессии (рис. 5) [Виноградова, 2019].

В ходе фокус-группы мы рекомендуем использовать техники развития креативного мышления Эдварда де Боно: выработка альтернатив, предположение, отложенное суждение, метод переворота, случайная стимуляция и т. д. (рис. 6) [Боно, 2012].

Заключение

Во-первых, соучаствующее проектирование позволяет молодым взрослым включаться в решение реальных вопросов городского развития, занимать субъектную позицию и быть инициаторами изменений, коммуницировать с заинтересованными в данной проблематике сверстниками и взрослыми, изменять отношение к преобразованиям и решать социальные задачи, связанные с вопросами устойчивого городского будущего.

Во-вторых, вовлечение в соучаствующее проектирование предполагает постепенное формирование позиции в отношении проблем устойчивого городского развития от пассивного участия (наблюдения) до активной субъектной позиции.

В-третьих, основными механизмами сопричастного проектирования молодыми взрослыми устойчивого городского будущего могут быть:

Рис. 5. Проектирование городской среды в процессе фокус-группового исследования

Фото: И. А. Виноградовой

- построение коммуникативной среды через выстраивание внешних коммуникаций, что предполагает аккумуляцию различных ресурсов внешней среды и их преобразование в элементы соучастия путем использования коммуникационных технологий;
- организация сетевого взаимодействия;
- механизмы стратегического планирования.

В-четвертых, практика показывает, что эффективными способами погружения молодых взрослых в проблематику могут стать решение кейсов, фокус-групповое интервью, проектные семинары, мастерские, коммуникационные игры и проведение исследований.

Представленный в работе материал может стать основой для разработки концепции осознанного участия молодых взрослых в проектировании и развитии города, а также технологии соучаствующего проектирования в контексте устойчивого городского будущего с участием молодых горожан.

Источники

- Азбель А. А., Илюшин Л. С. (2014) Тетрадь кейсовых практик: опыт самостоятельных исследований в 8–9 классе. Ч. 2. СПб.: Школьная лига.
- Белбин Р. М. (2003) Типы ролей в команде менеджеров. М.: НИРРО.
- Беркинг Х., Лев М. (ред.) (2017) Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение.
- Боно Э. (2012) Латеральное мышление. Минск: Попурри.
- Веселкова Н. В. (2010) Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использова-

ния // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 31. С. 5–29.

Виноградова И. А. (2019) Тренинг креативного мышления: учебно-методическое пособие. М.: МГПУ.

Габидулина С. Э. (2012) Психология городской среды. М.: Смысл.

Ганжинова С., Красноперова И., Мальцев Г., Рачев П., Румянцев Н. (2020) URBAN HEALTH. М.: Автономная некоммерческая организация «Московский урбанистический форум».

Гейл Я. (2012) Города для людей. М.: Концерн «Крост».

Глазков К. (2015) Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium*. Т. 7. № 3. С. 106–117.

Горожанин (2017) Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press.

Дженкинс Г. (2019) Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М: Рипол-Классик.

Иванова Е. В., Виноградова И. А. (2020) Социокультурное пространство города вокруг образовательной организации: зачем и как исследовать? // *Образование и Город: практики соучаствующего проектирования*. Сборник статей по итогам Второго ежегодного международного симпозиума / под ред. С. Н. Вачковой. Москва. С. 34–41.

Иванова Е. В., Нестерова О. В., Виноградова И. А., Маякова Е. В. (2019) Дружественная городская среда: 5 шагов навстречу детям // *UniverCity: Города и Университеты*. М: ЭконИнформ. С. 89–104.

Калашникова А. В. (сост.) (2017) Культурный проект: от замысла к реализации. Материалы по проектной деятельности в сфере культуры. Опыт практической реализации проектов. Белгород: БГЦНТ.

КБ Стрелка (2015) Социокультурные проекты как двигатель развития малых городов и сел. Режим доступа: http://cultmosaic.ru/content-load-/Issledovanie_socioculturnye_proekty_dvigatel_razvitiia.pdf (дата обращения: 4.09.2020).

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПЯТИ ЧУВСТВ

01 ЗРЕНИЕ

при достаточной популярности проекта граффити будут меняться каждые несколько недель

03 ОБОНЯНИЕ

озеленение территории и поддержка экологических проектов

05 ОСЯЗАНИЕ

приятное пространство для досуга, встреч с друзьями, обучения и работы, выдача красок участникам за общественную работу

02 СЛУХ

пространство также может служить площадкой для концертов и съемок, коворкинг

04 ВКУС

кафе и антикафе на территории = дополнительный источник доходов

Рис. 6. Фрагмент презентации «Креативное изменение города» по курсу «Soft skills: креативность, коммуникативность, сотрудничество», автор: К. Федотова, студентка 2 курса ГАОУ ВО МГПУ
Фото: И. А. Виноградовой

- Мартынова А. Д. (2015) Актуализационный тренинг «Школьный психолог»: на грани между реальным и идеальным // Молодежная психологическая школа: сборник научно-методических материалов / под ред. О. И. Ключко. СПб: Издательство «НИЦ АРТ».
- Митин И. И. (2017) Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. Т. 2. № 3 (8). С. 64–79.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. (2011) Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 190–196.
- Оуэн Х. (2008) Технология «Открытое пространство»: Руководство для пользователя. Новосибирск.
- Папанек В. (2018) Дизайн для реального мира. М.: Изд. Д. Аронов.
- Разинская В. Д. (2015) Потенциальная территориальная мобильность молодежи Перми // Власть. № 7. С. 111–115.
- Райт Ф. (2018) Исчезающий город. М.: Strelka Press.
- Рыбчинский В. (2015) Городской конструктор: Идеи и города. М.: Strelka Press.
- Санофф Г. (2015) Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда: Проектная группа 8.
- Смолова Л. В. (2010) Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). СПб.: СПбГИПСР.
- Снигирева Н. (2016) Как вовлечь жителей в проектирование общественных пространств. Методические рекомендации. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1PZdNXСуyХeEaDAbdYTvBwinncdaXSZQ/view> (дата обращения: 4.09.2020).
- Ушаков Д. В. (ред.) (2011) Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Ин-т психологии РАН.
- Эллард К. (2016) Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер.

- Bell P. A., Green T., Fisher J. D., Baum A. (2001) Environmental Psychology. New York: Harcourt College Publishers.
- Carson R. (2002) Silent Spring: 40th Anniversary Edition. Boston; New York.
- Cassidy T. (1997) Environmental Psychology: Behavior and Experience in Context. Cornwall.
- Doise W. (1987) Idee Nouvelles et Notions Anciennes // Perspectives Cognitives et Conduits Sociales / J.-L. Beauvois, R.-V. Joule, J.-M. Monteil (eds.). Cusset: DelVal. P. 229–243.
- Dreyfuss H. (2003) Designing for People. Allworth; Simon and Schuster.
- Feller R. (1968) Effect of Varying Corridor Illumination of Noise Level in a Residential Hall // Journal of College Student Personnel. No. 9. P. 229–241.
- Gifford R. (2002) Environmental Psychology. Principles and Practice. Canada: Optimal books.
- Jacobs J. (1993) The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House.
- Jacobson D. (2006) Mental Maps // Encyclopedia of Human Geography / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA. London–New Delhi: SAGE Publications. P. 299–301.
- Lynch K. (1960) The Image of the City. Cambridge: MIT Press.
- Margolin V. (2002) The Politics of the Artificial. Essays on Design and Design Studies. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Sommer R. (1983) Social Design: Creating Buildings with People in Mind. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- UNICEF (2018) Shaping Urbanization for Children United Nations Children's Fund.
- Wohlwill J. F. (1976) Environmental Esthetics: The Environment as a Source of Affect // Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research. Vol. 1. New York: Plenum Press. P. 37–86.

METHODS OF CO-DESIGNING A SUSTAINABLE URBAN FUTURE BY YOUNG ADULTS

Irina A. Vinogradova, PhD in Psychology; Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Educational Infrastructures, Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University; 4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation, tel: +7499 181 24 62 E-mail: vinogradovaia@mgpu.ru

Elena V. Ivanova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Laboratory of Educational Infrastructures, Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University; 4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation, tel: +7499 181 24 62 E-mail: ivanovaev@mgpu.ru

Ekaterina M. Barsukova, Researcher at the Laboratory of Educational Infrastructures, Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University; 4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation, tel: +7499 181 24 62 E-mail: barsukovaem@mgpu.ru

Abstract. The urban environment is a powerful motivator for territorial mobility and the involvement of citizens, especially young adults. Participative design is necessary for the development of cities and the self-development of their inhabitants, expressed in the ability of young adults to independently implement their ideas and live in a comfortable urban space. This requires finding effective ways to involve this category of citizens in resolving issues of the development of the urban environment and the creation of a sustainable urban future. The article identifies and justifies effective processes, and the forms and methods of the participatory design of the urban future by young adults. These components are described using the example of researcher co-design, including participation in the City Transformers project, and experience working with young adults in Moscow and Krasnoyarsk. The main mechanisms for co-designing a sustainable urban future by young adults are considered—building a communication environment, network interaction and strategic planning. Effective ways to immerse young adults in the issues of a sustainable urban future are solving cases, conducting research, focus group interviews, and organizing projects, seminars, workshops and communication games. This article can serve as the basis for the development of the conscious participation of young adults in the design and development of the city, and in participatory design for a sustainable urban future..

Keywords: urban future; young adults; participative design practices; design; network interaction; co-design

Citation: Vinogradova I., Ivanova E., Barsukova E. (2021) Methods of Co-Designing

a Sustainable Urban Future by Young Adults. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 39–51. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202139-51>

References

- Azbel A.A., Ilyushin L.S. (2014) Tetrad' kejsovyh praktik: opyt samostoyatel'nyh issledovaniy v 8–9 klasse. Chast 2 [Notebook of Case Practices: the Experience of Independent Research in the 8–9 Class. Part 2]. St.Petersburg: School League. (in Russian)
- Belbin R.M. (2003) Tipy' rolej v komande menedzherov [Types of Roles in the Management Team]. Moscow. (in Russian)
- Bell P.A., Green T., Fisher J.D., Baum A. (2001) Environmental Psychology. New York: Harcourt College Publishers.
- Berking H., Lev M. (eds.) (2017) Sobstvennaya logika gorodov: Novy'e podxody v urbanistike [Own Logic of Cities: New Approaches in Urban Studies]. Moscow: New Literary Review. (in Russian)
- Bono E. (2012) Lateral'noe my'shlenie [Lateral Thinking]. Minsk: Popourri. (in Russian)
- Carson R. (2002) Silent Spring: 40th Anniversary Edition. Boston; New York.
- Cassidy T. (1997) Environmental Psychology: Behavior and Experience in Context. Cornwall.
- Doise W. (1987) Idee Nouvelles et Notions Anciennes. *Perspectives Cognitives et Conduites Sociales*. Cousset: DelVal, pp. 229–243.
- Dreyfuss H. (2003) Designing for People. Allworth; Simon and Schuster.
- Ellard K. (2016) Sreda obitaniya: Kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie [Habitat: How Architecture Affects Our Behavior and Well-Being]. Moscow: Alpina Publisher. (in Russian)
- Feller R. (1968) Effect of Varying Corridor Illumination of Noise Level in a Residential Hall. *Journal of College Student Personnel*, no 9, pp. 229–241.
- Gabidulina S.E. (2012) Psixologiya gorodskoj sredy [Psychology of the Urban Environment]. Moscow: Smysl. (in Russian)
- Ganzhinova S., Krasnoperova I., Maltsev G., Rachev P., Rumyantsev N. (2020) Urban Health. Moscow: Autonomous non-profit organization "Moscow Urban Forum". (in Russian)
- Gejl Y. (2012) Goroda dlya lyudej [Cities for People]. M.: Konzern "Krost". (in Russian)
- Gifford R. (2002) Environmental Psychology. Principles and Practice. Canada: Optimal Books.
- Glazkov K. (2015) Mental'ny'e karty': ogranicheniya metoda i obraz "chuzhogo" v malom gorode [Mental maps: Limitations of the Method and the Image of the "Alien" in Small Town]. *Laboratorium* [Laboratorium], vol. 7, no 3, pp. 106–117. (in Russian)
- Gorozhanin (2017) Gorozhanin: chto my' znaem o zhitele bol'shogo goroda? [Citizen: What Do We Know about a Resident of a Big City?]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Ivanova E.V., Nesterova O.V., Vinogradova I.A., Mayakova E.V. (2019)

- Druzhestvennaya gorodskaya sreda: 5 shagov navstrechu detyam [Friendly Urban Environment: 5 Steps towards Children]. *UniverCity: Goroda i Universitety* [UniverCity: Cities and Universities]. Moscow, pp. 89–104. (in Russian)
- Ivanova E.V., Vinogradova I.A. (2020) Sociokul'turnoe prostranstvo goroda vokrug obrazovatel'noj organizacii: zachem i kak issledovat'? [Socio-cultural Space of the City around the Educational Organization: Why and How to Research?]. *Sbornik statej po itogam Vtorogo ezhegodnogo mezhdunarodnogo simpoziuma* [Education and the City: Practices of Participatory Design. Collection of Articles on the Results of the Second Annual International Symposium]. Moscow, pp. 34–41. (in Russian)
- Jacobs J. (1993) The death and life of Great American Cities. New York: Random House.
- Jacobson D. (2006) Mental Maps. *Encyclopedia of Human Geography*. London, New Delhi: SAGE Publications, pp. 299–301.
- Jenkins G. (2019) Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie staryh i novyh media. [Convergent Culture. The Clash of Old and New Media]. Moscow: Ripoll-Classic. (in Russian)
- Kalashnikova A.V. (ed.) (2017) Kul'turny'j proekt: ot zamy'sla k realizacii. Materialy' po proektnoj deyatel'nosti v sfere kul'tury. Opy't prakticheskoj realizacii proektov [Cultural Project: From Concept to Implementation. Materials on Project Activities in the Field of Culture. Experience in the Practical Implementation of Projects]. Belgorod: BGTsNT. (in Russian)
- Lynch K. (1960) The Image of the City. Cambridge: MIT Press.
- Margolin V. (2002) The Politics of the Artificial. Essays on Design and Design Studies. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Martynova A.D. (2015) Aktualizatsionnyj treni'ng "Shkol'nyy psikholog": na grani mezhdu real'ny'm i ideal'ny'm [Actualization Training "School Psychologist": On the Verge Between the Real and the Ideal]. *Molodezhnaya psikhologicheskaya shkola: sbornik naucho-metodicheskikh materialov*, pod red. O.I.Klyuchko [Youth psychological school: collection of scientific and methodological materials. O.I.Klyuchko (ed.)]. St. Petersburg, pp. 47–49. (in Russian)
- Mitin I.I. (2017) Urban Mental Maps: History of the Term and the Diversity of Approaches. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no 3 (8), pp. 64–79. (in Russian)
- Nestik T.A., Zhuravlev A.L. (2011) Formy' organizacii i stimulirovaniya sovmestnogo tvorchestva v sovremenny'x kompaniyax [Forms of Organizing and Stimulating Joint Creativity in Modern Companies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill], no 1, pp. 190–196. (in Russian)
- Owen H. (2008) Tekhnologiya "Otkry'toe prostranstvo": Rukovodstvo dlya pol'zovatelya [Open Space Technology: A User's Guide]. Novosibirsk. 222 p. (in Russian)
- Papanek V. (2018) Dizajn dlya real'nogo mira [Design for the Real World]. Moscow: Aronov Publishing House. (in Russian)
- Razinskaya V.D. (2015) Potencial'naya territorial'naya mobil'nost' molodezhi Permi [Potential Territorial Mobility of Youth in Perm]. *Vlast'* [Power], no 7, pp. 111–115. (in Russian)
- Rybcinsky V. (2015) Gorodskoj konstruktor: Idei i goroda [Urban Constructor: Ideas and Cities]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Sanoff G. (2015) Souchastvuyushchee proektirovanie. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shix i malyh gorodov [Collaborative Design. Practices of Public Participation in the Formation of the Environment of Large and Small Cities]. Vologda: Proektnaya gruppa 8. (in Russian)
- Smolova L.V. (2010) Psihologiya vzaimodejstviya s okruzhayushhej sredoj (ekologicheskaya psikhologiya) [Psychology of Interaction with the Environment (Ecological Psychology)]. SPb: SPbGIPSR. (in Russian)
- Snigireva N. (2016) Kak вовлечь zhitel'ev v proektirovanie obshchestvenny'h prostranstv. Metodicheskie rekomendacii [How to Involve Residents in the Design of Public Spaces. Guidelines]. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1PZdNXCyhXeEaDAbdYTVBwinncaXSZQ/view> (accessed 4 November 2020). (in Russian)
- Sociokul'turny'e proekty' kak dvigatel' razvitiya malyh gorodov i sel [Sociocultural Projects as an Engine for the Development of Small Towns and Villages] // KB Strelka. Available at: http://cultmosaic.ru/content-load/Issledovanie_sociokulturnye_proekty_dvigatel_razvitiya.pdf (accessed 4 November 2020). (in Russian)
- Sommer R. (1983) Social Design: Creating Buildings with People in Mind. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanij k social'ny'm i kul'turny'm fenomenam (2011) [Creativity: from Biological Foundations to Social and Cultural Phenomena]. Moscow: Institute of Psychology RAN. 736 p.
- UNICEF (2018) Shaping Urbanization for Children United Nations Children's Fund.
- Veselkova N.V. (2010) Mental'ny'e karty' goroda: voprosy' metodologii i praktika ispol'zovaniya [Mental Maps of the City: Questions of Methodology and Practice of Use]. *Sociologiya: metodologiya, metody', matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], no 31, pp. 5–29. (in Russian)
- Vinogradova I.A. (2019) Treni'ng kreativnogo my'shleniya: uchebno-metodicheskoe posobie [Training of Creative Thinking]. Moscow: MGPU. (in Russian)
- Wohlwill J.F. (1976) Environmental Esthetics: The Environment as a Source of Affect. *Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research*. Vol. 1. New York: Plenum Press, pp. 37–86.
- Wright F. (2018) Ischezayushchij gorod [Vanishing City]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)

Не только общественные пространства

Если в российском градостроительном контексте сегодня с практикой применения инструментов вовлечения горожан в принятие решений относительно будущего той или иной территории чаще всего можно столкнуться в случае благоустройства общественных пространств, то зарубежный опыт свидетельствует о том, что инструмент уместен и в иных сферах управления городским развитием. Описание и анализ канадского опыта мастер-планирования и французского кейса о партиципаторном бюджетировании поможет расширить представления о соучастии в урбанистике.

Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер- плана Ванкувера

Анастасия Шохина

Введение

Одним из наиболее используемых способов разрешения конфликтов в развитых странах является коллаборация. Эта парадигма городского планирования объединяет ряд теоретических подходов, в том числе коммуникативный [Healey, 1997], делиберативный [Forester, 1999], аргументативный [Dryzek, 1994] и другие. Все они базируются на концепции рефлексивного диалога, посредством которого можно достичь консенсуса и соблюдения баланса интересов при городском планировании [Gualini, 2015].

Коллаборация в городском планировании обычно используется для решения городских проблем или для обсуждения конкретных проектов, которые должны быть реализованы. В основном она нацелена на достижение консенсуса внутри широкого круга разных городских стейкхолдеров, что в перспективе может быть в определенной степени превентивной мерой в городских конфликтах. Это обусловлено тем, что обсуждение (в различных его формах) конкретных стратегий развития территории стейкхолдерами, интересы которых различны, ведет к попытке реализации сбалансированного планировочного решения.

Шохина Анастасия Андреевна, аспирантка, факультет политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д.6/1, А.
E-mail: ashokhina@eu.spb.ru

Канада является одной из стран, где механизмы широкого вовлечения стейкхолдеров применяются на всех уровнях планирования и проектирования: от локальных проектов благоустройства до проектов стратегий агломерационного масштаба. Анализ успешных кейсов канадской практики коллаборативного планирования позволит выявить институциональные условия и характерные черты механизмов вовлечения, что поможет внедрению этих механизмов в практику в тех государствах, где подобные подходы не являются преобладающими. Одним из самых репрезентативных кейсов последних лет является разработка нового мастер-плана Ванкувера, начало имплементации которого запланировано на 2022 год.

В разработке нового мастер-плана городской совет видел возможность вовлечь резидентов города, сообществ, некоммерческих организаций и жителей Ванкувера в содержательную дискуссию о том, каким видит свое будущее город. Поэтому была утверждена многоэтапная программа мероприятий по вовлечению широкого круга стейкхолдеров, рассчитанная на четыре года. При реализации этой программы организаторы намеревались исправить ошибки прошлых кампаний по планированию и проектированию, разработав специальные механизмы для вовлечения лиц, обычно слабо представленных в подобных процессах: люди с низким уровнем доходов, студенты других городов, молодежь коренных народов Канады, бездомные, жители, состоящие на учете социальных служб и правоохранительных органов. Кроме того, новым самостоятельным направлением стало вовлечение детей и подростков. В представленном исследовании проанализированы институциональная организация и этапы вовлечения широкого круга стейкхолдеров при подготовке мастер-плана Ванкувера в рамках теории коллаборативного планирования. Также проведен анализ правового регулирования этих механизмов в законодательстве провинции Британская Колумбия. Сделаны выводы об эффективности закрепления механизмов вовлечения широкого круга стейкхолдеров, а также предложены варианты внедрения подобного регулирования в другие правовые системы.

Однако методы коллаборации работают и в том случае, если конфликт все же возникнет в будущем на этапе реализации принятого документа планирования.

Важно отметить, что коллаборативные практики помимо прочего предполагают участие граждан в городском планировании и в целом в общественно-политической жизни, — для этого они должны быть интегрированы в процессы принятия решений, связанных с градостроительной деятельностью, в том числе через механизмы реализации их прав на осуществление местного самоуправления. Однако для этого необходима определенная арена и легально оформленные методы такого участия. В этом аспекте Канада, в частности провинция Британская Колумбия и ее столица Ванкувер, является репрезентативным примером для исследования практик вовлечения, так как процессы коллаборативного городского планирования там налажены и работают уже десятилетия. Более того, в практике уже сформировалось понятие «ванкуверизм», которое в том числе подразумевает коллаборативное планирование и проектирование как отличительную черту подхода к пространственному развитию города. Здесь есть разнообразные формы коллаборации: обсуждения, семинары, форумы, дебаты, гражданское жюри, совместные сессии. Кроме того, часть методологии разрешения городских конфликтов закреплена в работающей легальной рамке, которая и находится в фокусе данной статьи. Проанализировав организацию массового участия всех заинтересованных стейкхолдеров в стратегическом планировании города, мы считаем, что опыт Канады может быть интересен в перспективе мягкой имплементации некоторых механизмов с учетом правовых особенностей систем государства, где подобные механизмы могут быть внедрены.

В данной работе был использован метод исследования случаев, с помощью которого большинство исследователей в коллаборативной парадигме планирования изучают процессы формирования и трансформации партисипаторных городских политик [Healey, 1999; Innes, Booher, 2003]. С помощью этого метода здесь исследовались практики вовлечения при разработке мастер-плана Ванкувера, которая ведется с конца 2018 года. Также в работе использовался анализ документов и правовых актов, составляющих легальную рамку этих проектов и обеспечивающих работу механизмов вовлечения при подготовке нового мастер-плана Ванкувера.

Для анализа формальных механизмов участия и практической реализации этих механизмов использовались нормативные правовые акты провинции Британская Колумбия и города Ванкувера, а также материалы проектов пространственного развития территорий, осуществленных и планируемых при помощи методов коллаборативного планирования.

В данной работе мы изучим институциональную организацию массового вовлечения широкого круга стейкхолдеров в кейсе разработки мастер-плана Ванкувера, для чего проанализируем легальную рамку процессов вовлечения в провинции Британская Колумбия, и, наконец, на основе анализа кейса выработаем предложения по внедрению некоторых механизмов закрепления институтов коллаборации канадской системы в системы других стран, где подобные практики либо еще слабо развиты, либо развиваются, но не имеют правовых гарантий исполнения.

Одна из ключевых целей коллаборативного городского планирования состоит в том, что оно должно предопределять переход к инициативному городскому планированию, направленному на создание стратегических документов устойчивого развития. Это должно быть достигнуто с помощью процессов планирования и разработки политики с участием всех заинтересованных сторон [Albrechts, 2004]. Кроме того, практики коллаборативного планирования могут способствовать уменьшению дефицита демократии за счет сокращения разрыва между

Ключевые слова: коллаборативное планирование; вовлечение; городские конфликты; мастер-план; Канада

Цитирование: Шохина А. А. (2021) Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>

властными институтами и гражданским обществом, тем самым повышая легитимность процессов городского планирования. Арены для обсуждений вопросов планирования, круглые столы, публичные консультации и аналогичные практики позволяют гражданам участвовать в процессах определения направлений пространственного развития города и принятия решений. Это увеличивает их политическое влияние в управлении существующими социально-пространственными отношениями [Healey, 2008]. Именно функционирующие арены для обсуждения способствуют развитию делиберализации процессов городского планирования, которая подразумевает, что городское планирование становится не просто открытым для участия всех заинтересованных лиц, а полностью выстраивается на основе общественного консенсуса и предшествующего ему открытого диалога.

Однако сторонники критической парадигмы планирования подвергают сомнению эффективность коллаборации как способа решения городских конфликтов. В частности, они задаются вопросами: возможно ли преодоление неравенства возможностей через диалог [Yiftachel, Huxley, 2000], в какой степени коммуникативные практики усиливают демократическую легитимность и возможно ли «коллаборативное планирование в неколлаборативном мире» [Brand, Gaffikin, 2007]? Причем о потенциально слабых сторонах коллаборации говорят как сами теоретики демократического коллаборативного подхода, так и представители более радикального анти-неолиберального подхода [Gualini, 2015]. Однако, учитывая рост популярности и применения практик коллаборативного планирования, сторонники и критики единодушны в своем призыве к дополнительным исследованиям, целью которых являются оценка сильных и слабых сторон коллаборативного планирования и определение руководящих принципов наилучшей практики для эффективной работы механизмов коллаборативного городского планирования.

В качестве опоры при анализе механизмов коллаборации мы используем концепцию DIAD, сформулированную городскими исследователями Джудит Иннес и Дэвидом Бухером. Она основана на теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Согласно этой концепции, оптимальный результат стратегий разрешения конфликтов должен достигаться за счет ориентированных на консенсус совеща-

тельных процессов [Innes, 2004]. В аббревиатуре DIAD исследователи отразили три необходимых условия для работы механизмов коллаборативного планирования на практике:

Разнообразие интересов (**Diversity of Interests**): полное вовлечение стейкхолдеров, которые считают себя заинтересованными лицами в городском планировании.

Взаимозависимость интересов (**Interdependence of Interests**): признание стейкхолдерами того, что они должны зависеть друг от друга для удовлетворения интересов друг друга, то есть, чтобы прийти к компромиссному решению, стороны должны совместно пытаться сбалансировать свои интересы для их удовлетворения.

Ведение диалога (**Authentic Dialogue**): участие всех стейкхолдеров в личной коммуникации.

Развивая в этой концепции теорию коммуникативного действия Хабермаса, Бухер и Иннес говорят тем не менее, что полностью выполнить условия DIAD невозможно. Однако концепция стала своеобразным эталоном, набором критериев, с помощью которых можно понять, насколько процесс планирования является коллаборативным [Innes, Booher, 2010].

Правовые формы участия жителей в городском планировании в Британской Колумбии

В Британской Колумбии вопрос участия граждан в городском планировании регулируется на нескольких уровнях. Во-первых, на региональном уровне есть два акта, довольно лаконично регламентирующие обязательность проведения публичных слушаний и консультаций с жителями: Закон о местном самоуправлении (**Local Government Act**)¹ и Ванкуверская хартия (**Vancouver Charter**)².

Статья 566 Ванкуверской хартии регламентирует обязательное проведение публичных слушаний по вопросам, касающимся градостроительного зонирования. Статья 562 Ванкуверской хартии уполномочивает городской совет заниматься организацией публичных слушаний и консультаций по вопросам принятия официально-

1. Local Government Act [RSBC2015]: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/r15001_00.

2. Vancouver Charter [SBC1953]: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/vanch_28#division_d1e47666/.

го плана развития (Official Development Plan). Все последующие механизмы коллаборации утверждаются непосредственно городским советом при разработке документа территориального планирования.

Раздел 3 части 14 Закона о местном самоуправлении (далее – Закон) посвящен публичным слушаниям при принятии подзаконных нормативных актов (bylaws), касающихся городского планирования и землепользования. Так, в статьях 465–470 Закона изложены требования к публичным слушаниям. Примечательно, что, если местная администрация организует публичные слушания по таким вопросам, как разрешения на застройку или разрешения на отклонения в застройке, которые по вышеуказанному Закону не подлежат обязательному вынесению на публичные слушания, необходимо следовать именно той процедуре, которая описана в Законе.

В соответствии со статьей 465 Закона, публичные слушания должны проводиться между первым и третьим чтениями принимаемого акта. Публичные слушания также требуются, если местное правительство желает изменить подзаконный акт, чтобы изменить вид разрешенного использования, увеличить разрешенную плотность использования или без согласия владельца уменьшить разрешенную плотность использования.

Хотя Закон не требует проведения публичных слушаний для актов зонирования, которые согласуются с Официальным планом сообщества, некоторые муниципалитеты по своей инициативе проводят слушания по всем актам о зонировании, чтобы избежать любых потенциальных конфликтов и ситуаций, когда мнение заинтересованных лиц не было услышано. Кроме того, такие муниципалитеты приводят в качестве аргумента то, что нынешние жители района (в отношении которого принимается акт), возможно, не жили там, когда был принят Официальный план сообщества, и, следовательно, могли не знать его положений или не иметь возможности внести свой вклад в этот план.

В статье 466 Закона изложены два типа требований к уведомлению о публичных слушаниях. Во-первых, информация о них должна публиковаться в местной газете. Кроме того, письменное уведомление должно быть отправлено всем владельцам и арендаторам собственности, подпадающим под действие принимаемого акта. Требование письменного уведомления не применяется, если постановление касается более чем 10 земельных участков,

принадлежащих 10 или более лицам. Местные органы власти могут вводить свои собственные требования для уведомлений о публичных слушаниях, дополняя положения регионального акта.

Публичные слушания предоставляют общественности – в том числе лицам, которые полагают, что их интерес может быть затронут предлагаемым подзаконным актом, – возможность высказаться или представить письменные комментарии к проекту нормативного акта, в соответствии со статьей 465.

Закон о местном самоуправлении требует, чтобы всем лицам, которые считают, что их интерес затрагивается принимаемым нормативным актом, была предоставлена возможность быть услышанными. Нормы естественного права как бы расширяют действие закона. Заинтересованным сторонам должна быть предоставлена возможность быть выслушанными и изложить свои аргументы при соблюдении процессуальных правил. Они также должны иметь возможность комментировать все материалы, рассматриваемые выборными должностными лицами. Это означает, что члены городского совета не должны в частном порядке общаться с какой-либо стороной слушания или рассматривать материалы, недоступные инициатору или заинтересованной стороне.

На слушании основная обязанность выборного должностного лица – выслушать то, что все заинтересованные лица говорят о принимаемом акте (согласно Закону, «все лица, которые считают, что их интерес затронут»). Слушания – это не форум, на котором выборные должностные лица должны дискутировать между собой или со сторонниками либо противниками: они должны выслушивать и (если необходимо для разъяснения позиции выступающего) задавать вопросы. Обсуждение в городском совете проводится после закрытия слушания.

Официальный план развития – это документ, в котором закреплены цели и направления политики городского развития, которые, в свою очередь, определяют решения по планированию и управлению землепользованием в пределах территории, охватываемой планом. При его принятии Законом о местном самоуправлении предусмотрено, что помимо публичных слушаний должны быть проведены консультации с различными стейкхолдерами. Частота консультаций предусматривается в каждом отдельном случае локальными нормативными актами.

Это особенность канадского городского коллаборативного планирования: Законом регулируется лишь общая форма коллаборации в виде публичных слушаний и консультаций, но сам спектр механизмов и арен, где непосредственно методами коллаборации стейкхолдеры приходят к консенсусу, предусматривается на уровне локальных актов, то есть дорожных карт, методических планов по вовлечению и прочих документов, формы которых Законом не определяются. Отдельными актами городского совета Ванкувера закрепляется обязательность исполнения планов по вовлечению, в результате возникает правовая гарантия, что документ городского планирования не будет принят, пока не пройдут все раунды коллаборации, предусмотренные локальным актом.

Новый мастер-план Ванкувера в системе документов территориального планирования

В настоящее время в Ванкувере нет всеобъемлющего плана именно городского, а не агломерационного уровня, который бы устанавливал широкое видение будущего и определял концепцию решений ключевых проблем целостно и стратегически. Единственный общегородской план развития Ванкувера был создан почти столет назад, в 1920-х годах, под руководством Комиссии по планированию Ванкувера. В 1995 году городской совет принял городские директивы о планировании, в которых были изложены направления и стратегии управления для центрального и других районов Ванкувера (neighborhoods), коммунальных служб, экономики и окружающей среды. Отметим, однако, что директивы не являлись общегородской стратегией развития, так как лишь по отдельным отраслям определяли векторы городского развития. Эти директивы были приняты после трехлетнего процесса вовлечения общественности в разработку документа и стали основой для серии общегородских отраслевых планов, включая Транспортный план 1997 года и Стратегию финансового роста 2004 года. Городские директивы о планировании 1995 года также запустили процесс создания планов развития районов. В настоящее время развитие территорий и города (но лишь в отдельных отраслях) определяют районные планы, разработанные за последние десять лет, и общегородские отраслевые стратегии. Однако, по мнению городского совета, они не передают общегородское видение бу-

Рис. 1. Иерархия правовых актов территориального планирования Ванкувера

Источник: составлено автором.

дущего Ванкувера с четким пониманием приоритетов, особенно в свете современных вызовов. Разработка общегородского плана, которая началась в конце 2018 года и завершится к лету 2022 года, даст городу возможность привлечь широкий круг резидентов города, бизнес-сообщества, жителей Ванкувера и в целом всех заинтересованных лиц в содержательную дискуссию о том, какого будущего Ванкувер хочет для себя, а также какие стратегии развития использовать, учитывая необходимые компромиссы. Результатом подобного коллаборативного планирования должна стать концепция развития, которая позволит определить основные направления стратегического развития и понять, как распределять бюджетные потоки на достижение общегородских целей.

Но прежде всего нужно понять, какой статус будет у документа, подразумевающего такое широкое внедрение механизмов коллаборации, и как он встроится в иерархию уже существующих документов территориального планирования Ванкувера (рис. 1).

На верхнем уровне этой иерархии правовых актов находится Ванкуверская хартия. Нормы хартии регулируют, как работает город, какие подзаконные акты может издавать городской совет и как устанавливаются бюджеты. В соответствии с хартией городской совет имеет полномочия принимать подзаконные акты, регулирующие в том числе такие сферы, как планирование, градостроительное зонирование и землепользование.

Глава 27 хартии посвящена городскому планированию и зонированию. В соответствии со статьей 561 городской совет может инициировать принятие официальных планов развития территории (Official development plans, далее ODP). Пункт (а) ч. 2 этой же статьи уточняет, что план раз-

вития может быть как общегородским, так и для отдельной территории города или даже отдельного городского проекта. Ванкувер – город распланированных районов, где уже принято 11 планов развития таких территорий, однако в 2018 году городской совет принял решение воспользоваться нормой хартии, которая позволяет подготавливать общегородские планы развития, или мастер-планы, и на ее основе запустил процесс разработки нового городского плана Ванкувера.³

Следующей по юридической силе в иерархии правовых актов является региональная, или даже скорее агломерационная, Стратегия «Метро Ванкувер 2040», или «Большой Ванкувер 2040» (далее – Стратегия). Ванкувер является одним из 21 муниципалитета, входящих в Метро Ванкувер – агломерацию Ванкувера. Стратегия была принята в 1996 году и масштабно обновлена в 2013-м. В ходе ее обновления провели ряд мероприятий по вовлечению как жителей 21 муниципалитета, так и представителей администраций этих населенных пунктов. Первоначально команда по подготовке документа ездила по муниципалитетам и проводила там мероприятия, направленные на сбор идей: опросы, фокус-группы, совместные встречи жителей и экспертов. Вторым этапом стала подготовка первого документа-концепции и ее обсуждение представителями муниципалитетов, входящих в Большой Ванкувер, государственными организациями, негосударственными организациями и представителями местных сообществ. Затем по той же логике были подготовлены и обсуждены еще две версии стратегического документа регионального значения, в общей сложности процесс подготовки поправок к документу и получения обратной связи занял более трех лет. В ближайшие годы Метро (орган управления агломерационного развития) намерен обновить Стратегию регионального роста с горизонтом до 2050 года, и в рамках подготовки мероприятий по очередному обновлению Стратегии уже был принят План по вовлечению сообществ. Предполагается, что поправки определяют направления деятельности муниципалитетов по смягчению последствий изменения климата и адаптации к новым экологическим условиям.

Следующий, третий уровень актов – общегородские стратегии (City-wide Strategies), например Стратегия «Самый зеленый город» (Greenest City Action Plan), и планы территорий (Area Plans), которые подразделяются на планы районов (Neighborhood Plans), Программные заявления (Policy Statements) и Официальные планы развития (Official Development Plans). При этом только последние принимаются в форме подзаконного акта (by-laws), и мастер-план Ванкувера разрабатывается именно в этой форме. Разберем каждый из этих актов подробнее, но перед этим обратимся еще к одному нормативному акту Ванкувера, а именно к Акту о зонировании и развитии 1997 года (Zoning and Development By-law)⁴. Этим актом устанавливается градостроительное зонирование, по которому Ванкувер делится на зоны (zoning districts), для каждой из которых устанавливаются свои параметры и ограничения застройки.

Официальные планы развития – это планы будущего физического развития города или определенной части города, которые городской совет принимает в форме подзаконных актов. После принятия официального плана развития городской совет больше не может принимать какие-либо акты нижестоящего уровня, противоречащие этому официальному плану развития в отношении конкретной территории, если только это не общегородской акт.

Планы районов представляют собой всеобъемлющие комплексные программные документы, которые относятся к определенной административной единице города – району (neighborhood). Они содержат ряд целей и направлений, которые определяют более крупномасштабные решения по планированию и землепользованию.

Программные заявления описывают общие принципы планирования, которые будут определять будущее развитие определенной территории (как внутри районов, так и нескольких районов сразу). Как правило, они предшествуют изменениям зонирования большого участка в районе комплексного развития для конкретного района или квартала.

Подразумевается, что новый мастер-план Ванкувера, разрабатываемый общегородской стратегией в форме официаль-

3. Report to Council Standing Committee of Council on Policy and Strategic Priorities November 14, 2018: https://council.vancouver.ca/20181114/documents/pspc20181114min.pdf?_ga=2.265957903.1693803794.1600541324-984381329.1580218018.

4. Zoning and Development By-law 3575: <https://bylaws.vancouver.ca/zoning/>.

ного плана развития, будет объединяющим документом для общегородских стратегий и планов территории, своеобразной надстройкой над этими актами, а юридическая сила подзаконного акта будет обеспечивать его исполнение и простимулирует изменения в подчиняющиеся акты, если они не будут соответствовать общегородскому видению развития территории Ванкувера.

Что касается коллаборации при разработке мастер-плана столицы Британской Колумбии, городской совет подготовил принципы вовлечения, которым обязана следовать команда по подготовке мастер-плана. Среди этих принципов: вовлечение людей всех возрастов, представителей всех сообществ и всех секторов экономики города; обеспечение равенства в процессе, чтобы гарантировать, что мнения традиционно недостаточно представленных субъектов будут услышаны; обеспечение экспертизы и контроля местными сообществами; обеспечение вовлечения детей, подростков и молодежи; вариативность механизмов и способов участия.

Городской совет определил основные группы субъектов, которые важны для наиболее полного и активного вовлечения в разработку мастер-плана Ванкувера:

- *Коренные народы Канады, проживающие на территории Ванкувера: маск-вим, сквамиш и цлейл-ваутут.*
Мэр Ванкувера инициировал предварительные консультации с должностными лицами коренного населения, чтобы обсудить наиболее эффективный формат взаимодействия при создании нового мастер-плана. Власти Ванкувера считают вовлечение коренных народов особенно важным при городском планировании, поэтому было принято решение о том, что команда по организации разработки мастер-плана инициирует, а городской бюджет субсидирует создание специальной штатной должности планировщика-медиатора (который обязательно должен быть представителем коренных народов) между коренными народами и основной командой планировщиков. Кроме того, ради обеспечения коллаборации при мастер-планировании предусмотрено выделение бюджетных средств для Исполнительного совета коренных народов (MVAEC).
- *Некоммерческие общественные организации.*
Городской совет принял решение предоставить финансовые субсидии круп-

нейшим общественным организациям для поддержки их деятельности по вовлечению как людей, которые обращаются в эти общественные организации, так и самих работников этих объединений.

- *Межправительственные организации и партнеры по реализации.*
Ряд правительственных организаций и государственных поставщиков услуг сотрудничают с городом, чтобы предоставить необходимую инфраструктуру, которая не может быть обеспечена только на городском уровне (например, высшие государственные органы, органы здравоохранения, школьные советы и т.д.).
- *Гражданские организации и другие группы стейкхолдеров.*
Разнообразные заинтересованные организации и ассоциации представляют различные интересы на всей территории Ванкувера. В этих организациях часто представлены субъекты, которые имеют активную позицию по поводу городских проблем: бизнес-сообщества, организации отдельных экономических секторов, академические учреждения и другие организации, представляющие интересы самых разных городских стейкхолдеров.

Несмотря на формальное выделение групп стейкхолдеров, участие которых имеет особую важность, по мнению городского совета, фактический круг участников коллаборативного планирования в данном кейсе шире. Ими являются:

- сообщества, не объединенные в некоммерческие организации (жители, арендаторы, владельцы недвижимости, владельцы бизнеса и сотрудники местных предприятий);
- сообщества, объединенные в некоммерческие организации (общественные организации, ассоциации по развитию бизнеса, жилые дома, религиозные организации, некоммерческие поставщики услуг, кооперативы и другие ассоциации);
- органы региональной и местной власти, а также представители бюджетного сектора (местные органы власти коренных народов Канады, другие высшие правительственные и региональные органы, деловые и другие заинтересованные организации, университеты, академические сообщества и школьные

советы, портовые и транзитные органы, органы здравоохранения и другие);

- городская команда по подготовке мастер-плана; она координирует процессы вовлечения, организует весь спектр мероприятий, где стейкхолдеры обсуждают будущий проект мастер-плана. На основе всех собранных мнений и данных команда будет готовить промежуточные проекты мастер-плана, а также финальный вариант и передаст его на утверждение городского совета;
- консультативные комитеты городского совета, состоящие из представителей городских департаментов и учреждений, а также из представителей экспертного сообщества по отраслевым вопросам. Они задействованы на протяжении всего процесса, чтобы высказываться по вопросам, имеющим непосредственное отношение к их полномочиям;
- городские агентства – комиссары Совета парка, члены Библиотечного совета и члены Совета полиции, приглашенные в качестве активных наблюдателей в процессах планирования, Агентство по экономической политике;
- городской совет, который обеспечивает общий надзор за процессом планирования, распределяет ресурсы и играет ключевую роль в принятии решений при утверждении результатов плана на ключевых этапах процесса и при окончательном утверждении плана, а также является активным наблюдателем в процессах планирования. Совет также играет роль в координировании коллаборации с коренными народами, а также с представителями других правительств и учреждений.

Роли каждого из субъектов коллаборативного планирования представлены на схеме ниже (рис. 2):

Таким образом, на схеме мы видим три глобальных этапа обсуждений, в которые вовлекаются все заинтересованные стороны:

- *первый раунд* вовлечения, подразумевающий широкий сбор мнений, проведение социологических исследований, общение и разъяснение роли в подготовке мастер-плана;
- *второй раунд* для определения ключевых проблем и направлений их решения, а также формулирование принципов, в соответствии с которыми будет выстраиваться стратегия пространственного развития;

Рис. 2. Роли субъектов коллаборативного проектирования
Источник: составлено автором на основе материалов городского совета Ванкувера.

* Указывает на принятие городским советом промежуточных и финальных актов-решений по рассмотрению и утверждению результатов мастер-плана.

- *третий этап*, в который включены все, это итоговый раунд обсуждений уже готового варианта документа для внесения в него финальных поправок, после чего документ будет принят в форме подзаконного акта городским советом.

В целом логика подготовки стратегического документа повторяет логику подготовки поправок к Стратегии «Метро Ванкувер 2040», но характер отношений и формальная иерархия акторов не аналогичны; впрочем, главное, что соблюден принцип равенства голосов всех заинтересованных стейкхолдеров при подготовке документа территориального планирования.

Команда по подготовке мастер-плана участвует на всех этапах разработки документа, кроме оценки стратегических направлений мастер-плана, так как это прерогатива профильных агентств администрации Ванкувера, в частности Агентства по экономической политике, задача которого – оценить прежде всего экономическую составляющую стратегических направлений.

К августу 2020 года был завершен первый раунд коллаборации с многочисленными стейкхолдерами. В общей сложности в обсуждение нового мастер-плана уже было вовлечено около 60000 чел. (приблизительно каждый десятый житель города). В ходе первого этапа было проведено более 10000 экспресс-интервью, принято более 48000 уникальных предложений, за-

мечаний и комментариев, было проведено более 90 воркшопов, где участвовало около 2000 жителей Ванкувера.

Важно отметить, что на этапе вовлечения команда по подготовке этого мастер-плана решила отдельно заняться привлечением групп людей, которые подвергаются маргинализации и в связи с этим имеют определенные барьеры. Эти группы в основном состоят из людей с низким уровнем доверия к администрации, среди которых были обозначены студенты, молодежь коренных народов, бездомные, люди с низким достатком или состоящие на учете социальных служб.

По итогам первого раунда был определен круг самых острых вопросов, беспокоящих людей: доступность жилья, бездомные, изменение климата, транспорт. Большинство респондентов объединяют три основных опасения по поводу будущей жизни в городе: изменение климата, доступность жилья, расходы на проживание в Ванкувере.

На май 2020 года был назначен большой саммит сообществ, который должен был включать в себя презентации, воркшопы по планированию, цикл дискуссий для обмена идеями между представителями разных сообществ. Но в связи с эпидемиологической ситуацией саммит отменили, а вся очная кампания была приостановлена на два месяца ввиду введенных карантинных мер.

Спустя два месяца было принято решение немного трансформировать дальнейшую программу по вовлечению городских стейкхолдеров, адаптировав ее под новый контекст городского развития во время эпидемии. Во-первых, было решено скорректировать сроки разработки мастер-плана, методы и средства вовлечения и бюджет на кампанию по разработке мастер-плана. Во-вторых, провести дополнительные социологические исследования, связанные с изменениями в жизни горожан из-за эпидемиологической ситуации. Организационная группа по разработке мастер-плана обозначила появление нового условия городского планирования в виде ограничений пользования городским пространством в условиях эпидемии, а также подчеркнула некую темпоральную неопределенность в отношении сохранения и возвращения карантинных мер.

Кроме того, одним из последних новшеств кампании по разработке мастер-плана Ванкувера стало вовлечение детей и подростков. Этот механизм коллаборации выполняет сразу две цели. Во-первых,

просветительно-образовательную, когда в доступном для детей формате объясняется, что такое городское планирование и почему важно быть среди тех, кто влияет на развитие города и определяет дальнейшие векторы его развития. Во-вторых, коллаборативную – мнение несовершеннолетних тоже важно при разработке мастер-плана Ванкувера, так как они являются активными пользователями городского пространства и многих объектов городской инфраструктуры. Так, к концу первого этапа вовлечения было проведено несколько воркшопов для детей и подростков, в которых было 200 участников; кроме того, было проведено 65 экспресс-интервью с детьми.

Следующий этап начался уже в октябре 2020 года и продолжался до мая 2021 года. На этом этапе обсуждались различные концептуальные модели развития Ванкувера, и снова было вовлечено большое число стейкхолдеров, которые выразили свое мнение по поводу путей развития города. На моделях развития, которые найдут отклик у большинства стейкхолдеров, разработчики мастер-плана сосредоточатся на следующих этапах при подготовке более детального документа.

Таким образом, на основе анализа текущего процесса коллаборативного городского планирования в Ванкувере можно выделить его ключевые черты.

Во-первых, *высокий уровень инклюзивности* – как социальной, так и физической. Такой уровень инклюзивности обусловлен многолетней работой механизмов гражданского общества, а также существованием демократической системы, подразумевающей развитый рынок частной собственности и сопутствующий ей набор правомочий. Однако эта же система обуславливает и вовлечение тех субъектов, которые юридически не имеют прав на объекты недвижимости, находящиеся на территории, но так или иначе влияют на пространство и являются его пользователями. Этого в ванкуверской системе уже достаточно для того, чтобы такие субъекты были вовлечены в процесс городского планирования и наравне с собственниками недвижимости определяли будущее развитие территории.

Во-вторых, *многоэтапность*. В разработке городского плана Ванкувера есть три больших этапа: изучение существующего положения вещей и широкий сбор мнений посредством механизмов коллаборации; разработка рабочих вариантов стратегии развития города и формирова-

ние концепции развития параллельно с «тестированием» этих стратегий при помощи сбора мнений о каждом из предложенных вариантов; разработка финального документа и его имплементация во все отраслевые документы территориального планирования. Каждый из трех крупных этапов внутри делится на более мелкие этапы. Важно отметить, что в каждом из них организуется процесс широкого вовлечения стейкхолдеров для получения обратной связи по предложениям и последующей работе с полученными мнениями.

В-третьих, *долгосрочность*. Процесс разработки стратегического плана, начиная с одобрения инициативы разработки подобного документа и заканчивая принятием документа в форме нормативного правового акта, занимает четыре года непрерывной комплексной работы, состоящей из нескольких стадий и этапов вовлечения.

В-четвертых, *мультиагентность*. Как показывает схема на рис. 2, в разработке стратегического плана Ванкувера участвует широкий круг субъектов – от представителей власти, которая оформит волю совокупности лиц в нормативный правовой акт, до представителей широкой общественности, некоммерческих организаций и коренных народов Канады. Установление консенсуса между ними позволит сформировать итоговый стратегический документ. Такая мультиагентность обеспечивает дифференциацию интересов и попытку совместить широкий спектр сталкивающихся интересов в одной долгосрочной стратегии развития.

В-пятых, *обязательность решений*, принятых посредством коллаборации. Весь процесс коллаборации обеспечен правовыми гарантиями, которыми связывает себя представительный орган власти Ванкувера, принимая документ стратегического планирования. Это гарантирует исполнение того, к чему пришли и при формировании общего видения, и при разработке непосредственного стратегического документа территориального планирования.

В-шестых, *адаптивность*. Об адаптивности процесса коллаборативного городского планирования в Ванкувере свидетельствует гибкость программы действий по вовлечению и изменению содержательной части действий, направленных на формирование общего видения и в конечном итоге стратегии городского развития. В частности, об этом говорит оперативное включение в повестку вопроса посткаран-

тинного города и способов выхода из разного рода проблемных ситуаций, возникших из-за эпидемиологической обстановки и влияющих на город и его жителей.

Заключение

Таким образом, по результатам анализа кейса коллаборативного планирования в Ванкувере и анализа нормативных актов, регулирующих коллаборацию в правовых системах Канады, можно прийти к следующим выводам: на примере подготовки мастер-плана Ванкувера можно признать, что весь процесс городского планирования в Канаде подчинен делиберативным практикам взаимодействия, которые описаны в трудах исследователей парадигмы коллаборативного планирования. Подходы к вовлечению и организации диалога между городскими стейкхолдерами строятся на основе принципов разрешения потенциальных конфликтов через широкое обсуждение, где все стороны в момент этого обсуждения равны. В Канаде это равенство при планировании достигается с помощью различных механизмов и участия широкого ряда институций, позволяющих эти механизмы реализовывать. Так, формальным инициатором создания мастер-плана Ванкувера является городской совет Ванкувера, но фактически он сразу же инициировал создание рабочих и организаторских групп, в которые входят не только представители публичной власти, но и представители различных общественных организаций, представители бизнеса, работающего на территории города, и т. д. Это говорит о том, что городское планирование стремится уравнивать в положении всех заинтересованных субъектов, и это делается не для того, чтобы просто получить обратную связь по готовому проекту документа территориального планирования, а для того, чтобы создать этот документ территориального планирования в ходе дискуссии уравненных лиц. По сути эта практика соответствует правилам дискурса в теории коммуникативного действия Хабермаса и в общем виде удовлетворяет условиям концепции DIAD Иннес и Бухера. Немаловажным является и то, что канадская система городского планирования устанавливает довольно низкий порог на вход в круг субъектов, принимающих участие в коллаборативном планировании, посредством декларации об участии «всех заинтересованных лиц», а также специальных программ вовлечения лиц, которые нередко остаются в тени при принятии та-

кого рода решений. Кроме того, опыт привлечения детей и подростков видится крайне актуальным новшеством, так как решает сразу несколько задач, одна из которых просветительская, и такого рода меры по привлечению детей и подростков будут иметь долгосрочные эффекты. Так, в ходе данного исследования в качестве одной из важнейших черт коллаборативного городского планирования была выделена инклюзивность, которая реализуется во всем процессе – от этапа инициативы до финального принятия документа территориального планирования – главного результата коллаборации.

На институциональном уровне разработки был проанализирован институт публичных слушаний в Британской Колумбии. На законодательном уровне публичные слушания дополнены институтом консультаций. На уровне локальных актов институт консультаций реализуется через большой спектр механизмов коллаборации – от сбора мнений посредством опросов и интервью до больших круглых столов, воркшопов и мастерских, куда вовлекаются все городские стейкхолдеры. Спецификой Канады является то, что во всех городах, в том числе в Ванкувере, посредством локальных актов городских советов обеспечивается обязательность решений, принятых на аренах коллаборации, которые также определяются актами локального уровня.

Проведенный анализ институциональных механизмов обеспечения вовлечения при городском планировании и проектировании потенциально может быть основой для выработки рекомендаций по изменению нормативного регулирования градостроительной деятельности в том, что касается вовлечения городских стейкхолдеров. Чтобы обеспечить максимально возможную инклюзивность процесса партисипаторного проектирования и планирования, необходимо закрепление на правовом уровне широкого или даже неограниченного круга субъектов, которые имеют право принимать участие в слушаниях, консультациях или других формах участия. Целью такой меры является недопущение игнорирования интересов других стейкхолдеров территории и повышение неформальной легитимности решений, принятых по результатам таких практик вовлечения.

Кроме того, многоэтапность мероприятий по вовлечению способствует устойчивости принимаемых решений ввиду большого количества итераций с целью

сбалансировать интересы широкого круга стейкхолдеров. Поэтому в тех системах планирования, где предусмотрен единый этап слушаний или консультаций, целесообразнее было бы предусматривать многоэтапность. Если закон предусматривает проведение публичных слушаний только один раз, то в целях организации полноценного диалога между всеми городскими стейкхолдерами, в ходе которого они могут прийти к определенному консенсусу по вопросам городского развития, рекомендуется, чтобы этот диалог состоялся как можно раньше. Если предусмотреть норму, в соответствии с которой первый этап публичных слушаний будет проходить сразу после инициации разработки документа территориального планирования, то это поможет сформировать более сбалансированную с точки зрения интересов стейкхолдеров концепцию проекта, на основании которой будет разрабатываться и сам проект.

Кроме того, многообразие механизмов коллаборации можно постепенно внедрять и в тех контекстах, где формы вовлечения не предполагают такое многообразие, как в Канаде. Так, видится целесообразным подготовить сначала акт рекомендательного характера, который может методически регламентировать различные формы вовлечения. Такой инструмент поможет городской публичной власти выбрать и адаптировать наиболее удобные механизмы вовлечения в зависимости от масштаба территории, для которой нужно разработать документ территориального планирования. Однако если предусмотреть только формат рекомендательного акта, то есть риск, что акт не будет применяться. Поэтому предлагается на законодательном уровне принять норму, в которой будет устанавливаться обязательность использования хотя бы одного из предложенных в методическом акте механизмов коллаборации.

Таким образом, если механизмы вовлечения будут оформлены в соответствующую правовую рамку и это приведет к формированию и развитию институциональных арен, где стейкхолдеры смогут посредством разных форм диалога прийти к консенсусу при проектировании и планировании, то это потенциально приведет к повсеместному развитию коллаборативного планирования, а внедрение лучших практик с учетом региональных правовых контекстов сможет способствовать достижению наиболее эффективных результатов городского планирования.

Источники

- Albrechts L. (2004) Strategic (Spatial) Planning Reexamined // *Environment and Planning B: Planning and Design*. Vol. 31. P. 743–758.
- Brand R., Gaffikin F. (2007) Collaborative Planning in an Uncollaborative World // *Planning Theory*. Vol. 6 (3). P. 282–313.
- Dryzek J.S. (1994) *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. New York: Cambridge University Press.
- Forester J. (1999) *The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Gualini E. (2015) *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. New York: Routledge.
- Healey P. (1997) *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. Vancouver: UBC Press.
- Healey P. (1999) Institutional Analysis, Communicative Planning, and Shaping Places // *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 19 (2). P. 111–121.
- Healey P. (2008) The Pragmatic Tradition in Planning Thought // *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 28 (3). P. 277–292.
- Innes J. (2004) Consensus Building: Clarifications for the Critics // *Planning Theory*. Vol. 3 (1). P. 5–20.
- Innes J.E., Booher D.E. (2010) *Planning with Complexity: An Introduction to Collaborative Rationality for Public Policy*. Oxford: Routledge.
- Local Government Act [RSBC2015]. Режим доступа: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/r15001_00 (дата обращения: 19.09.2020).
- Report to Council Standing Committee of Council on Policy and Strategic Priorities November 14, 15, 27 and 2018. Режим доступа: https://council.vancouver.ca/20181114/documents/pspc20181114min.pdf?_ga=2.265957903.1693803794.1600541324-984381329.1580218018 (дата обращения: 19.09.2020).
- Vancouver Charter [SBC1953]. Режим доступа: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/vanch_28#division_d1e47666 (дата обращения: 19.09.2020).
- Yiftachel O. Huxley (2000) Debating Dominance and Relevance: Notes on the 'Communicative Turn' in Planning Theory // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 24 (4). P. 907–913.
- Zoning and Development By-law 3575. Режим доступа: <https://bylaws.vancouver.ca/zoning/> (дата обращения: 19.09.2020).

THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF COLLABORATIVE PLANNING IN CANADA: Engagement Practices in the Vancouver Master-Plan Development

Anastasiia A. Shokhina, PhD Student, Department of Political Science, European University at St. Petersburg; 6/1A Gagarinskaya str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation. E-mail: ashokhina@eu.spb.ru

Abstract. Canada is considered to be a country where the broad involvement of all relevant stakeholders apply to all tiers of planning and design: from local urban design projects to metropolitan-scale development strategies. This case-study of successful practices of collaborative planning identifies the institutional conditions and attributes of the tools for implementing such mechanisms in the countries where participatory practices are not yet common. The Vancouver master-plan development is a recent representative case. The Vancouver City Council (VCC) considers the master-plan development as a chance to meaningfully and deeply engage all residents, communities, and non-profit organizations in a significant conversation about what kind of future Vancouver wants for itself. In 2018, the VCC adopted a multi-stage program for the wide-ranging engagement of all city stakeholders for four years. Through a special program, VCC staff set a goal to involve underrepresented groups of citizens: low-income families, foreign students, First Nation young adults, and homeless people. As a new branch of engagement, a program for children and adolescents was launched. As a part of this study the institutional collaborative planning framework and the phases of involvement during the master-plan development were analyzed in terms of collaborative planning theory. The legal framework of these mechanisms in British Columbia was also analyzed. Based on this case-study, conclusions were reached on the effectiveness of the legal framing of collaboration planning mechanisms and implementation options were proposed for other countries..

Keywords: collaborative planning; engagement; urban conflicts; masterplan; Canada

Citation: Shokhina A.A. (2021) The Institutional Framework of Collaborative Planning in Canada: Engagement Practices in the Vancouver Master-Plan Development. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 53–65. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>

References

- Albrechts L. (2004) Strategic (Spatial) Planning Reexamined. *Environment and Planning B: Planning and Design*, no 31, pp. 743–758.
- Brand R., Gaffikin F. (2007) Collaborative Planning in an Uncollaborative World. *Planning Theory*, no 6 (3), pp. 282–313.

- Dryzek J.S. (1994) *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. New York: Cambridge University Press.
- Forester J. (1999) *The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Gualini E. (2015) *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. New York: Routledge.
- Healey P. (1997) *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. Vancouver: UBC Press.
- Healey P. (1999) Institutional Analysis, Communicative Planning, and Shaping Places. *Journal of Planning Education and Research*, no 19 (2), pp. 111-121.
- Healey P. (2008) The Pragmatic Tradition in Planning Thought. *Journal of Planning Education and Research*, no 28 (3), pp. 277-292.
- Innes J. (2004) Consensus Building: Clarifications for the Critics. *Planning Theory*, no 3 (1), pp. 5-20.
- Innes J.E., Booher D.E. (2010) *Planning with Complexity: An Introduction to Collaborative Rationality for Public Policy*. Oxford: Routledge.
- Local Government Act [RSBC2015]. Available at: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/r15001_00 (accessed 19 September 2020).
- Report to Council Standing Committee of Council on Policy and Strategic Priorities November 14, 15, 27 and 2018. Available at: https://council.vancouver.ca/20181114/documents/pspc20181114min.pdf?_ga=2.265957903.1693803794.1600541324-984381329.1580218018 (accessed 19 September 2020).
- Vancouver Charter [SBC1953] (1953) Available at: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/vanch_28#division_d1e47666 (accessed 19 September 2020).
- Yiftachel O. Huxley (2000) Debating Dominance and Relevance: Notes on the 'Communicative Turn' in Planning Theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, no 24 (4), pp. 907-913.
- Zoning and Development By-law 3575. Available at: <https://bylaws.vancouver.ca/zoning/> (accessed 19 September 2020).

Власть горожанам? Анализ системы партиципаторного бюджетирования Парижа

Марианна Шкурко
Александр Михайлов

Введение

В последние годы участие горожан в управлении территориями стало важной составляющей политической повестки многих европейских городов. Париж не стал исключением: помимо развития традиционных форм участия горожан, таких как публичные обсуждения и советы кварталов, кабинет мэра Анн Идальго, возглавляющей администрацию города с 2014 года, сделал ставку на внедрение партиципаторного бюджетирования в политику города.

Партиципаторное бюджетирование считается одним из наиболее прогрессивных и инновационных способов вовлечения горожан в политическую жизнь городов. Во-первых, оно предполагает партнерство и диалог между избранными властями и представителями горожан, которые подкрепляются определенными финансовыми обязательствами со стороны органов публичной власти. Во-вторых, разработка и продвижение проектов партиципаторного бюджетирования чаще всего проходят при тесном контакте между участниками, что позволяет им обмениваться знаниями, опытом и видеть процесс городского управления глазами других заинтересованных сторон. В-третьих, цикличность и системность партиципаторного бюджетирования как программы позволяет формировать активный костяк из «профессиональных горожан», осведомленных о процедурах и процессах городского управления.

В концептуальном смысле партиципаторное бюджетирование – это инструмент реализации партиципаторной демократии, ценности которой предполагают субъектность и вовлеченность граждан в политические процессы и принятие решений. Ставка на профессионализацию гражданского участия через «школы демократии» и предоставление такого инструмента, в котором участие горожан подкрепляется бюджет-

Шкурко Марианна Викторовна, магистр градостроительства, ведущая экспертка Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.13, стр. 4.

E-mail: mariannaxshkurko@gmail.com

Михайлов Александр Александрович, магистр градостроительства, младший научный сотрудник ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.13, стр. 4.

E-mail: aamihaylov@hse.ru

Во Франции партиципаторное бюджетирование популяризируется в условиях общемирового кризиса репрезентативной демократии и многолетних реформ по децентрализации полномочий властных органов. В этом контексте оно позиционируется местными властями как инструмент солидаризации граждан и способ вернуть доверие горожан к избранным органам власти. Одна из задач, решаемых этим инструментом, – сокращение дистанции между горожанами и органами власти. При этом устройство парижской программы партиципаторного бюджетирования оставляет возможности для сохранения статус-кво в иерархии городского управления.

Статья посвящена описанию и анализу программы партиципаторного бюджетирования, которая реализуется в Париже с 2014 года. Рассматриваются особенности организации этого процесса, приведены ключевые пункты критики его устройства, а также описано положение партиципаторного бюджетирования в городской политике Парижа. Отдельное внимание уделено работе программы партиципаторного бюджетирования в так называемых приоритетных кварталах – особо уязвимых городских территориях, в которых муниципальные власти проводят политику внутреннего развития и обновления (*politique de la ville*). Предполагается, что этот тандем усилит меры муниципалитета по снижению социального и территориального неравенства (См. [Smith et al., 2001; Najib, 2017]).

Проведенный авторами анализ косвенных показателей позволил установить зависимость реализации партиципаторных проектов и активности участия горожан в их выборе от паттернов социально-экономической дифференциации городских территорий. В частности, наиболее джентрифицированные округа города (1, 7, 8, 16-й) отличаются наименьшей партиципаторной активностью, в то время как для ареала на правом берегу Сены, в котором активно проводится политика социального смешения, характерна сравнительно

ными обязательствами, должна приводить к частичному перераспределению полномочий. В теории это перераспределение становится ключевым фактором демократизации государственного управления, повышения эффективности государственных финансов и качества жизни горожан.

В этой статье мы хотим обобщить и осмыслить опыт партиципаторного бюджетирования в Париже. Сегодня программа партиципаторного бюджетирования стала своеобразной визитной карточкой города: к 2017 году Париж стал лидером среди европейских городов по затратам на поддержку партиципаторных проектов, а к 2020 году совокупный объем партиципаторного бюджета достиг €500 млн, что составляет 5% от инвестиционного бюджета города за тот же период [Paris, 2020]. К 2020 году в системе партиципаторного бюджетирования были завершены шесть годовых циклов, которые показали, что инициатива имеет накопительный эффект. В частности, одним из таких признаков является стабильный ежегодный рост числа заявляемых проектов и голосующих граждан. Тем не менее пока в процедуре партиципаторного бюджетирования участвуют лишь около 4% жителей Парижа [Ibid.].

Программа партиципаторного бюджетирования заявляется властями Парижа как практика,

- 1) способная вернуть горожанам доверие к выборным органам власти;
- 2) позволяющая горожанам быстро и эффективно трансформировать среду их районов;
- 3) меняющая традицию участия горожан в общественной жизни города [Cabannes, 2017].

Тем не менее, как упоминалось выше, охват горожан партиципаторными практиками невелик, а реализация выбранных проектов протекает в разных частях города неравномерно.

Мы попробуем подробнее рассмотреть разные аспекты функционирования этой программы в Париже¹ и на их основе верифицировать представление о партиципаторном бюджетировании как инструменте взаимодействия власти и гражданского общества. Для этого мы:

- рассмотрим устройство партиципаторного бюджета Парижа;
- охарактеризуем его положение во французской политике городского развития;
- изучим положение партиципаторных практик в структуре концепции «демократии участия»;
- сопоставим пространственный аспект реализации партиципаторных проектов со сложившейся социально-экономической дифференциацией городских территорий.

В заключительной части работы мы представим полученные выводы и, поскольку они требуют дальнейшего развития и обсуждения, завершим статью вопросами к дальнейшей дискуссии.

Партиципаторное бюджетирование и демократия участия

Партиципаторные практики сегодня находятся в авангарде ответственного и добросовестного государственного управления (good governance). Такие международные организации, как ООН-Хабитат, Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития,

высокая доля горожан, принимающих участие в работе программы. Анализ выбранных показателей для приоритетных кварталов показывает неоднородность реализации партиципаторных проектов на подобных территориях. Партиципаторное бюджетирование позволяет мэрии Парижа относительно быстро добиваться видимых преобразований городской среды. Через школу «профессиональных горожан» он знакомиет парижан со структурой и особенностями управления городом. При этом партиципаторное бюджетирование не решает проблемы дефицита участия, так как участники этой программы имеют сложившийся социально-экономический портрет и не могут действовать в интересах большинства, а также сохраняет ведущую роль органов публичной власти в инициировании изменений.

Ключевые слова: партиципаторное бюджетирование; общественное участие; politique de la ville; городская политика; внутригородская дифференциация; Париж

Цитирование: Шкурко М. В., Михайлов А. А. (2021) Власть горожанам? Анализ системы партиципаторного бюджетирования Парижа // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 66–85. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202166-85>

---

1. Мы часто будем обращаться к специфическим терминам, принятым в описании системы городского управления во Франции, поэтому в скобках будем приводить оригинальные названия терминов и концепций на французском языке.

активно продвигают партиципаторное бюджетирование как одну из практик, способствующих повышению качества государственного управления и развитию демократических принципов по всему миру. Партиципаторные практики служат одним из прикладных инструментов реализации демократии участия (*participatory democracy*), в которой значимая роль в определении политической повестки на местном уровне делегируется горожанам.

В концептуальном плане востребованность партиципаторных инструментов связана с глобальным структурным кризисом репрезентативной демократии на разных уровнях политической системы [Saurugger, 2004], в условиях которой граждане делегируют право определять вектор развития территориального субъекта избранным представителям. Кризис репрезентативности выражается в снижении ряда показателей: явки на выборах разных уровней, членства в политических партиях, интереса к публичной политике и доверия к политическим лидерам и другим лицам, облеченным властью [Tormey, 2014; Ergun, 2014]. Словом, выборные институты постепенно теряют символическую способность говорить от лица большинства. Когда граждане не могут доверять традиционным политическим институтам, а условия для публичной дискуссии отсутствуют, сильно ограничены или скомпрометированы, то, чтобы вывести в публичное поле свою повестку, отстаивать свои права или выразить недовольство принимаемыми решениями, они могут обращаться к таким формам участия в политической жизни, которые могут определяться властями как «нежелательные», – забастовкам, митингам и протестам [Dikeç, 2017; Wouters, 2017; Gillion, 2013].

В поисках альтернативной позитивной повестки и способов разрешить кризис репрезентативности национальные правительства и обращаются к идеям партиципаторной демократии [Saurugger, 2004; LeFebvre, 2013; Vasqué, 2005]. Она предполагает сильную позицию органов местного самоуправления и их связанность с местным сообществом. Кроме того, власти разного уровня должны создать такие институциональные условия, в которых возможны непрерывный диалог между горожанами и лицами, облеченными властью, и участие горожан в городском управлении. Эти условия подкрепляются тем, что органы публичной власти делегируют некоторые из полномочий горожанам, однако сохраняют контроль и право принимать окончательное решение [Pate-

man, 2012]. В отношении партиципаторного бюджетирования публичная власть оставляет за собой финальное слово в судьбе проектов, но дает горожанам право принимать решения на отборочных и процедурных этапах. Приобщение к распределенной ответственности за принимаемое решение, погружение в особенности муниципального и государственного управления становятся школой демократии для «профессионального» горожанина [Talpin, 2012; Röcke, 2014]. Считается, что инструменты партиципаторной демократии способны изменить баланс власти между лицами, облеченными властью, и горожанами, расширить возможности местных сообществ, а консультирование и диалог способствуют выстраиванию доверительных отношений между взаимодействующими сторонами, повышают легитимность избранных должностных лиц и создают условия для вовлечения горожан в политические вопросы [Fung et al., 2003; Saurugger, 2004; Talpin, 2012]. Исследователь проблем политической репрезентации Ив Синтомер утверждает, что чем «больше и чаще горожане и представители административных органов взаимодействуют друг с другом, тем выше легитимность принимаемых решений» [Sintomer et al., 2007]. Наиболее инновационным инструментом продвижения партиципаторной демократии считается партиципаторное бюджетирование [Cabannes, 2004; Yáñez, 2018].

В общем виде партиципаторное бюджетирование позволяет горожанам определять, на какие цели и проекты будет потрачен некоторый процент от инвестиционной части городского бюджета, определенный муниципальной властью. Горожане могут предлагать свои проекты и инициативы, участвовать в публичных обсуждениях проектов и голосовать за те или иные проекты. В этом состоит инновационность партиципаторного бюджетирования, которую критический географ и исследователь альтернативных капиталистическим способам создания городского пространства Войцех Кебловски резюмирует так:

способность напрямую включать горожан, которые не являются экспертами, избранными должностными лицами [в городское управление. – Прим. автора] и бороться с социальным и политическим исключением через создание в высшей степени инклюзивной структуры, способной изменить отношения власти и общества и перераспределить

контроль над городским развитием в руки горожан [Kębłowski et al., 2014].

У инструмента партиципаторного бюджетирования есть свои ограничения. Анализируя случаи городов Сопота (Польша) и Кордовы (Испания), Войцех Кебловски показывает, что успешность использования этого инструмента во многом зависит от воли местных властей, которые могут саботировать и выхолащивать процедуру [Ibid.], а также устанавливать барьеры для проведения наиболее радикальных реформ [Hall et al., 2011]. Кроме того, партиципаторное бюджетирование не решает проблему дефицита участия (*participation deficit*) [Ibid.], которая свойственна и другим формам общественного участия: в партиципаторном бюджетировании участвуют люди с определенными социально-экономическими, классовыми и расовыми характеристиками, поэтому не могут представлять интересы всего общества [Röcke, 2014; Nez, 2016].

Чтобы проанализировать возможности партиципаторного бюджетирования как инновационного инструмента перераспределения власти и расширения возможностей горожан в городском управлении в Париже, сначала обратимся к политическому устройству Франции и роли горожан в управлении городом.

Органы власти и горожане: переход от политики дистанции к политике взаимодействия?

Франция считается классическим примером государства с сильным централизованным управлением [Knapp et al., 2006]. Ее модель основана на политической дистанции между горожанами и избранными ими должностными лицами. В этом смысле государство представляет собой собственную политическую сущность, которая находится вне общества, но выступает гарантом соблюдения общественных интересов. Избранные должностные лица получают властные полномочия и особый статус, который дает им власть «действовать от имени государства и как его представители, [поэтому они] способны обеспечивать и представлять *общественные интересы (l'intérêt générale)*» [Röcke, 2014], тогда как граждане могут выражать *личные интересы* и полномочны выбирать и голосовать на выборах и референдумах за своих представителей. Эта дистанция подкрепляется позитивистским дискурсом, который определяет вопросы политики и городско-

го управления как профессиональную область, поэтому иметь к ней доступ могут только те субъекты, которые обладают необходимыми компетенциями. Будучи непрофессионалами, горожане могут участвовать в социальной жизни и влиять на качество жизни через управление территорией своего района [Hall et al., 2011], а также создавать (иногда единолично) и объединяться в ассоциации. Раздельная профессионализация участия и управления приводит к иерархизации значения и влияния субъектов публичной политики, в которой роли и сферы ответственности субъектов четко определены и разграничены. Городской планировщик Стивен Холл [Ibid.], социологиня Анья Пёке [Röcke, 2014], политолог Ив Синтомер [Sintomer et al., 2007; Sintomer et al., 2016] и другие отмечают, что для французской политической мысли не характерно определять горожанина как часть территориального сообщества в связи с индивидуалистическим подходом к определению гражданственности. До начала реформ в области децентрализации и местного самоуправления возможности для коллективного участия в публичной политике практически не существовало, а необходимость вовлекать горожан в вопросы управления и принятия решений оставалась вне основного фокуса внимания политических институтов.

Давление со стороны низовых общественных движений и международных организаций, выступающих за принципы ответственного и добросовестного государственного управления, запустило процесс трансформации этой парадигмы [Gardesse et al., 2017]. 27 февраля 2002 года был принят закон «О местной демократии», который задает основные рамки участия горожан в управлении общественными услугами. Этот закон основан на концепции местной демократии (*démocratie de proximité*), в основе которой лежит идея сокращения политической и пространственной дистанции между избранными должностными лицами и гражданами за счет выстраивания диалога между ними. Местная демократия гарантирует горожанам право быть проинформированными о том, какие изменения и инициативы принимают местные власти, однако их возможности влиять на статус-кво институционально ограничены. Фактически взаимодействие между горожанами и административными органами сводится к консультированию и обмену информацией [Sintomer et al., 2007]. Для концепции местной демократии характерен дефицит участия. Он выражается в том, что

большинство горожан не участвуют в коллективных структурах управления городом (таких, как советы кварталов, советы горожан и проч.), а те, кто участвует, не могут представлять большинство, потому что в эти формы участия не вовлекаются группы с низким представительством. Сегодня проблема дефицита участия остается открытой [Hall et al., 2011].

Несмотря на растущий в обществе запрос на участие в политической жизни, политическая воля органов власти во многом до сих пор остается решающим фактором успешности партиципаторных проектов. Обращаясь к опыту Парижа, мы рассматриваем партиципаторное бюджетирование как инструмент, который может изменить баланс власти между политическими субъектами в пользу горожан и стать основой для значимых институциональных изменений. Прежде чем анализировать последствия уже состоявшихся циклов партиципаторного бюджетирования, мы обратимся к тому, как организована программа партиципаторного бюджетирования Парижа.

Парижская система партиципаторного бюджетирования

Первые попытки реализовать опыт партиципаторного бюджетирования во Франции состоялись после Всемирного социального форума в 2001 году в Порту-Алегри усилиями отдельных членов Французской коммунистической партии: эти проекты практически не затрагивали инфраструктуры региональных столиц и не носили системного характера. В Париже программа партиципаторного бюджетирования была запущена с избранием в 2014 году Анн Идальго на пост мэра города [Pradeau, 2018]. В своей предвыборной программе «Париж, который поддерживает горожан» (*Paris qui dos*) Анн Идальго предложила стратегию реформирования системы городского управления, которая была направлена на повышение прозрачности и доступности этого института для горожан, а также на повышение уровня участия горожан в политической жизни города [Hidalgo, 2013].

Программа партиципаторного бюджетирования в Париже позиционируется как отдельный инструмент городской политики и курируется специальным подразделением мэрии, которое подчиняется заместителю мэра по вопросам местной демократии, гражданского участия, НКО

и молодежи. Кабинет Анн Идальго позиционирует эту программу как способ радикально реформировать традицию общественного участия, способствуя солидаризации граждан. Согласно располагаемым данным, с 2014 по 2020 год совокупный объем партиципаторного бюджета составил около €500 млн, что соответствует примерно 5% от инвестиционного бюджета города за рассматриваемый период [Paris, 2020].

Выдвинуть проект для потенциальной реализации за счет партиципаторного бюджета может любой житель или любой коллектив жителей (к примеру, ассоциации и советы кварталов) Парижа. Помимо этого, на *первой стадии* проект должен соответствовать трем принципиальным критериям:

- сфера и место реализации проекта должны входить в юрисдикцию городских властей;
- затраты на реализацию проекта должны носить инвестиционный, а не операционный характер (то есть предполагается, что выделяемые средства будут использованы разово). Отсюда также следует, что после своего осуществления проект не должен требовать существенных операционных затрат либо эти затраты должны покрываться внешними источниками;
- проект должен иметь прикладную ценность и способствовать повышению качества жизни парижан.

На данной стадии возможно широкое обсуждение проекта инициаторами и местными жителями. Площадками подобных обсуждений выступают мэрии округов Парижа и отдельные локальные ассоциации.

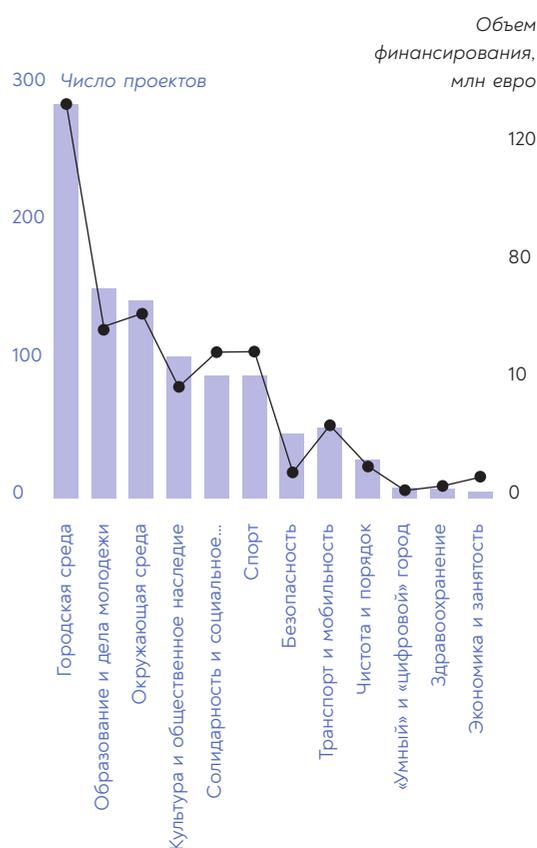
На *второй стадии* выдвинутые проекты оцениваются экспертной комиссией. Основные задачи комиссии – оценка реализуемости проекта, выявление потенциальных трудностей и предварительный расчет затрат.

Третья стадия представляет собой группировку исходных проектов. Ее цель – объединение отдельных инициатив, посвященных общей тематике, в единый проект. Объединенные проекты вместе с предварительным технико-экономическим обоснованием проходят дополнительную оценку экспертными комиссиями, включающими в себя ряд выборщиков со стороны муниципалитета (как правило, муниципальных депутатов и отдельных должностных лиц) и ряд выборщиков

Рис. 1. Структура партиципаторных проектов по стадиям (на ноябрь 2020 года)
 Источник: составлено авторами по данным сайта партиципаторного бюджета мэрии Парижа [Paris, 2020].

Рис. 2. Структура распределения числа и финансирования проектов по направлениям (на ноябрь 2020 года)
 Источник: составлено авторами по данным сайта партиципаторного бюджета мэрии Парижа [Paris, 2020].

со стороны общественности (в том числе представителей локальных ассоциаций).

На *четвертой* стадии проекты выносятся на публичное голосование, проводимое на портале партиципаторного бюджета города и в специальных мобильных пунктах. Жители Парижа имеют право принимать участие в голосовании по любым проектам, выдвинутым на территории города, в том числе за пределами округа проживания.

Если проект проходит первичную экспертную оценку, оценку выборными комиссиями и набирает достаточное количество голосов по сравнению с другими проектами, то он доходит до *пятой*, фи-

нальной стадии, которая состоит в поэтапной реализации инициативы.

Проекты, претендующие на партиципаторное финансирование, могут быть выдвинуты на двух масштабных уровнях – окружном (как правило, посвященном разрешению локальных проблем) и городском (посвященном более крупным инициативам, затрагивающим территорию нескольких округов или города в целом). Во втором случае вместо муниципальной выборной комиссии формируется общегородской аналог [Paris, 2020].

С начала реализации программы партиципаторного бюджетирования в 2014 году в Париже жители и их ассоциации выдвинули более 2,5 тыс. проектов, 467 из них были реализованы и еще 138 находятся на стадии реализации (рис. 1).

Выдвигаемые проекты разделяются на 12 тематических блоков, охватывающих разные стороны городского развития:

- Городская среда (*cadre de vie*).
- Культура и общественное наследие (*culture et patrimoine*).
- Экономика и занятость (*économie et emploi*).
- Образование и дела молодежи (*éducation et jeunesse*).
- Окружающая среда (*environnement*).
- Безопасность и предотвращение преступлений (*prévention et sécurité*).
- Чистота и порядок (*propreté*).
- Здравоохранение (*santé*).
- Общественная солидарность и социальная конвергенция (*solidarité et cohésion sociale*).
- Спорт (*sport*).
- Транспорт и мобильность (*transport et mobilité*).
- «Умный» и «цифровой» город (*ville intelligente et numérique*).

Ранее в число категорий также входили «недвижимость и места проживания» (*logement et habitat*) и «городское соучастие» (*participation citoyenne*), их включили в состав других категорий [APUR..., 2016].

Среди проектов наибольшую роль играют направления, связанные с городской и окружающей средой, то есть так или иначе касающиеся благоустройства территорий (рис. 2), которое считается типичным направлением деятельности программ партиципаторного бюджетирования. Также весомую долю как среди проектов, так и в объеме финансирования занимают образование, культура и спорт. Значимую роль играет и «общественная солидар-

ность и социальная конвергенция» – важное направление французской политики, целью которого являются снижение степени социального расслоения и формирование максимально инклюзивного общества [Blanc, 2010].

Хотя партиципаторное бюджетирование – это самостоятельный инструмент с собственным целеполаганием и задачами, он может применяться для реализации разных городских политик. Так как большинство проектов так или иначе касаются благоустройства, в следующем разделе мы рассмотрим, как проекты партиципаторного бюджетирования встраиваются в политику городского обновления.

Politique de la ville: политика городского обновления

Последние десятилетия политика городского обновления (*politique de la ville*²) была одним из ключевых драйверов развития урбанизированных территорий во Франции. Она создавалась для борьбы с территориальным и социально-экономическим неравенством между городскими территориями (как внутри административных границ города, так и пригородными территориями (*banlieue*)). Ее мероприятия в первую очередь направлены на пространственные и социальные преобразования в так называемых приоритетных кварталах (*quartier prioritaire*), перечень которых был установлен Генеральной комиссией по вопросам равенства территорий CGET (*Commissariat général à l'Égalité des territoires*). На национальном уровне идеологические и программные аспекты политики городского обновления закреплены в принятом в 2003 году Рамочном и программном законе по проблемам города и городского обновления (*Loi d'orientation et de programmation pour la ville et la rénovation urbaine*).

В основе политики городского обновления лежит принцип равенства территорий: предполагается, что внутригородские территории обладают разным уровнем доступа к ресурсам и капиталам, при этом

Рис. 3. Реализованный проект оживления фасадов общественных зданий в кварталах Гут д'Ор и Ла Шапель 18-го округа Парижа; один из победителей голосования бюджетного цикла 2018 года

Источник: официальный сайт партиципаторного бюджета мэрии Парижа (*Réaménager les équipements sportifs extérieurs de la Grange-aux-Belles // Paris. Budget participative: https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/jsp/site/Portal.jsp?document_id=3681&portlet_id=158*).

некоторые территории совершенно отрезаны от этих потоков, что не позволяет им успешно существовать и развиваться. Задача правительства – перераспределять ресурсы и капиталы между территориями при помощи инструментов бюджетной и социально-экономической политики и направлять их на повышение уровня жизни в наиболее незащищенных и стагнирующих территориях – приоритетных кварталах. В регионе Иль-де-Франс под действие политики городского обновления чаще всего попадают территории «больших ансамблей» (*grands ensembles*) – крупных жилых комплексов, построенных в пригородах Парижа в 1960–1980-х годах по принципам модернистского градостроительства.

Политика городского обновления в первую очередь направлена на изменение материальной среды приоритетных кварталов. Она включает в себя программы с такими задачами:

- строительство социального жилья с разными формами владения и смешанным социально-экономическим

2. В этой работе для перевода *politique de la ville* мы будем пользоваться термином «политика обновления территорий», избегая калькирования с французского языка. Важно отметить, что такие политики в первую очередь направлены на преобразование материальности жилых нецентральных и пригородных районов городов и улучшение их социально-экономического положения – реструктуризацию экономики этих районов, основание новых центров коммерческой активности и создание разных условий владения жильем для привлечения горожан с разным уровнем достатка. Помимо работы с материальной и экономической средой французская политика обновления территорий включает широкий комплекс мер, направленных на нематериальные трансформации таких районов: так как большинство жителей уязвимых территорий имеют миграционный опыт в первом и втором поколениях, а сами территории стигматизированы в публичном дискурсе, муниципалитеты используют меры культурной, образовательной и социальной политик для интеграции жителей в общественную жизнь и повышения привлекательности этих территорий для потенциальных собственников, арендаторов, бизнесов и т. д.

Рис. 4. Реализованный проект реконструкции открытой спортивной площадки в приоритетном квартале Гранж-о-Бель (Grange aux Belles) 10-го округа Парижа, один из победителей голосования бюджетного цикла 2017 года

Источник: официальный сайт партиципаторного бюджета мэрии Парижа (Réaménager les équipements sportifs extérieurs de la Grange-aux-Belles // Paris. Budget participatif: https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/jsp/site/Portal.jsp?document_id=3681&portlet_id=158).

портретом собственников и арендаторов;

- капитальный ремонт и переоснащение квартир, которые включают в себя повышение энергоэффективности зданий, адаптацию жилья для нужд малоимобильных граждан, людей с инвалидностью и представителей других социальных групп;
- строительство объектов социальной, экономической и транспортной инфраструктуры;
- создание и развитие общественных пространств.

Одновременно политика городского обновления работает с *нематериальной* средой района, в частности, ее задача – изменение социального состава проживающих. В приоритетных кварталах в основном проживают люди с низким достатком и часто имеющие миграционный опыт, поэтому городские власти создают стимулы для привлечения в эти районы представителей среднего класса – считается, что вкупе с политикой в области образования меры политики социального смешения (*mixité sociale*) позволят эффективно решать социальные проблемы приоритетных кварталов за счет эффекта соседства [Escafré-Dublet et al., 2019; Lelévrier et al., 2018]. С одной стороны, власти обязывают застройщиков создавать жилой фонд с разными условиями владения (например, квартиры под социальную и коммерческую аренду, квартиры под продажу на свободном рынке, а также переселенческий фонд). С другой стороны, городские вла-

сти активно переселяют коренных жителей приоритетных кварталов, чтобы снизить «концентрацию бедного и этнического населения в этих районах» [Lelévrier et al., 2018]. В совокупности эти меры запускают механизмы джентрификации и фрагментации использования территории [Ibid.].

В рамках политики обновления территорий властями Парижа был выбран сравнительно ограниченный перечень кварталов, наиболее остро нуждающихся в изменении материальной среды, а также кварталы, не требующие столь срочных мер, но имеющие риски ухудшения ситуации, – кварталы активного мониторинга (*quartier de veille active, QVA*). Согласно Уставу партиципаторного бюджетирования³ (*La charte du budget participatif*), в Париже в отношении проектов, заявленных в приоритетных кварталах, действует принцип позитивной дискриминации – именно они должны быть в первую очередь поддержаны местными властями. Анализ проектов партиципаторного бюджетирования в этих районах показывает, что частично они встраиваются в комплекс мероприятий политики обновления территорий, и средства партиципаторного бюджета в той или иной форме направляются на создание и развитие общественных пространств (рис. 3, 4).

Объединение целей политики обновления территорий и ресурсов партиципаторного бюджетирования позволяет городским властям оптимизировать бюджет на эту строку расходов программы обновления, а горожанам – получить городские объекты более высокого качества. Однако нельзя точно сказать, кто именно участвует в голосовании – коренные жители района, повышение уровня жизни которых заявлено как одна из целей политики городского обновления, или переехавшие в эти районы представители среднего класса, которые могут обладать другими запросами к городской среде. Это различие важно для нас, поскольку позволяет поставить вопрос о том, какой порядок поддерживает инструмент партиципаторного бюджетирования и в чьих интересах он используется. Анализируя кейсы приоритетных кварталов коммун Ла-Курнёв и Орли в регионе Иль-де-Франс, урбанистка и социологиня Кристин Лёлеврие подчеркивает, что политика социального смешения, реализуемая в приоритетных кварталах, при-

3. La charte du #budgetparticipatif // Paris. Budget participatif: <https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/la-demarche-sommaire/charte.html>.

водит к социальной фрагментации и микроджентрификации внутри приоритетных кварталов [Lelévrier et al., 2018]. Эти процессы приводят к двум сценариям освоения этих территорий коренными жителями: они либо создают «параллельные» инфраструктуры сервисов и общественных пространств, которые экономически и социально доступны для них, либо переезжают в другие районы или коммуны, где стоимость жизни больше соответствует их достатку. В этой связи инструмент participatory budgeting, с одной стороны, работает на общее улучшение качества городской среды, с другой стороны, стимулирует процесс джентрификации на уровне района, вытесняя горожан с низким достатком за пределы обновленных кварталов, а также процессы переспаривания общественных пространств.

Социально-экономическая дифференциация Парижа

Для корректного описания системы participatory budgeting в Париже нам нужно охарактеризовать социально-экономические условия, в которых она существует.

Национальный институт статистики и экономических исследований Франции (INSEE) оперирует несколькими подходами к пространственной классификации социально-экономических групп, проживающих на территории Парижа и региона Иль-де-Франс в целом. Наиболее интересным представляется подход [Caenen et al., 2017] по типологизации селитебных территорий в соответствии с социально-экономическим портретом их жителей. Критерии составления «портрета» включают в себя средний уровень доходов, половозрастную структуру и среднее количество человек в домохозяйстве, соотношение долей собственников и арендаторов среди жителей, соотношение долей населения с различными уровнями образования, долю социального жилья в общем объеме жилой недвижимости. В этой типологии выделено пять категорий селитебных территорий (рис. 5):

- Обеспеченные территории (*territoires aisés*). Они занимают центральную, западную и юго-западную части города — в частности, территорию 1, 4, 6, 7, 8,

Категории селитебных территорий

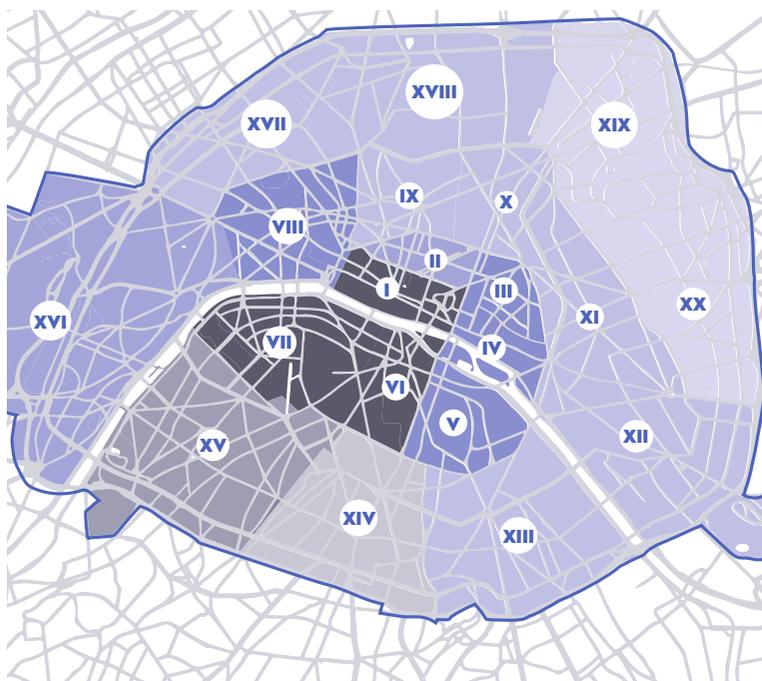
Рис. 5. Социально-пространственная дифференциация Парижа

Источник: [Caenen et al., 2017].

16-го и отчасти 17-го округов. Также к этому типу относятся отдельные кварталы⁴ 2, 3, 5, 9-го и некоторых других округов. Здесь проживают наиболее обеспеченные слои населения французской столицы, доля арендаторов сравнительно мала, а средний возраст жителя выше аналогичной величины по городу в целом.

- Территории с преобладанием частного арендного жилого фонда (*territoires accueillant des cadres dans le parc locatif privé*). Они широко распространены в округах, расположенных на левом берегу Сены (в особенности 5, 14, 15-го). Среди жителей высока доля арендаторов (в частности, студентов), а также сотрудников небольших фирм с высоким уровнем образования (Анн Клерваль называет представителей данной группы *petite bourgeoisie* [Clerval, 2021]).

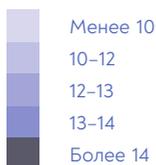
4. Понятие «квартал» в парижском контексте имеет два возможных значения. Официально кварталами называются административные образования, составляющие округа. Но многие исследователи (в том числе упоминаемые в данной работе) именуют так и значительно более дробные территориальные единицы, а также исторически сложившиеся территориальные образования. В дальнейшем мы будем придерживаться первого определения, если иной подход не использован в цитируемом нами источнике.

Рис. 6. Средние цены жилой недвижимости по округам Парижа

Источник: составлено авторами на основе открытых данных агентства недвижимости SeLoger (<https://www.seloger.com/>)

Цена жилой недвижимости, тыс. евро / кв. м

- Территории «социального смешения» (*territoires de mixité sociale*). Создание условий для смешения социальных групп (и, соответственно, предотвращения сегрегации) является важным аспектом французской политики городского обновления. В Париже сформировался один крупный ареал подобного типа, он располагается на правом берегу Сены и простирается с северо-запада на восток города.
- Территории проживания среднего класса (*territoires accueillant les classes moyennes*). В таких кварталах в основном проживают лица с уровнем дохода, сопоставимым со среднегородским, либо не намного ниже его. Также в них высока доля социального жилья, а средний размер домохозяйств невелик. Подобные территории концентрируются на северной и северо-восточной окраинах города, также на них

приходится весомая доля селитебных зон 13-го округа.

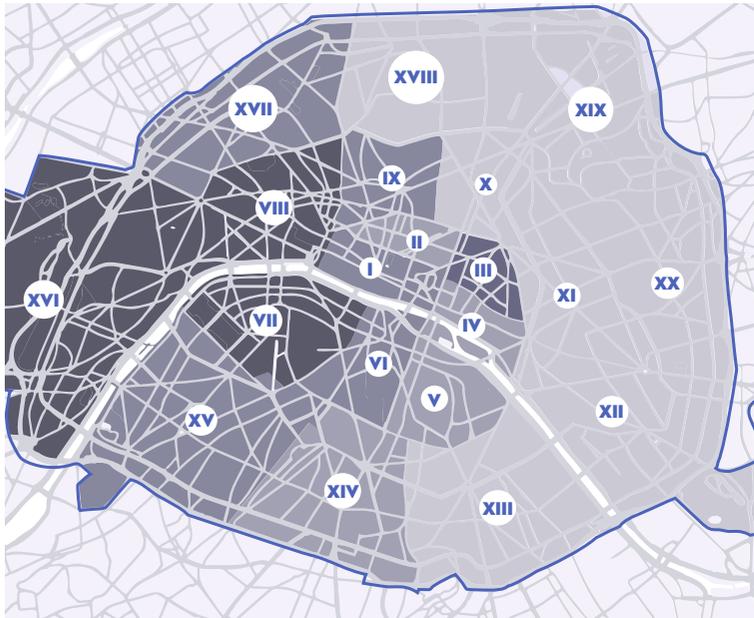
- Уязвимые территории (*territoires vulnérables*). Преимущественно это территории жилых массивов, сформировавшихся по соседству с бывшими производственными зонами. По мере деиндустриализации социально-экономическая ситуация в таких массивах стала неблагоприятной. В административных границах Парижа подобные территории сравнительно немногочисленны, поскольку вследствие процессов джентрификации они в основном смещены в его пригороды [Clerval, 2021]. В большинстве своем они сосредотачиваются вдоль бульвара Периферик и железнодорожных магистралей, а также распределены по территориям 19-го и 20-го округов.

Ключевым фактором видоизменения сложившейся социальной структуры внутригородского расселения Парижа в последние десятилетия стоит назвать джентрификацию. Ее следствием становится постепенное расширение ареала проживания представителей более обеспеченных социальных групп при параллельном вытеснении менее обеспеченных слоев населения. Представляется, что она несет как позитивные эффекты (расширение территорий социального смешения), так и негативные, затрагивающие преимущественно наиболее уязвимые территории. Примером этой тенденции является исторический квартал Батиньоль, большая часть которого располагается в 17-м округе [Caenen et al., 2017].

Социопро пространственная дифференциация Парижа хорошо прослеживается и по некоторым непосредственным показателям. В частности, в Париже наблюдается выраженная ценовая дифференциация жилой недвижимости в разрезе округов (рис. 6). Ареал наибольших цен смещен к юго-западу от географического центра города и охватывает 1, 6 и 7-й округа⁵, в то время как ареалы с наименьшей стоимостью квадратного метра расположены на северо-восточных окраинах.

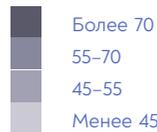
Одним из следствий социального расслоения Парижа стала электоральная поляризация. Ее примером могут быть мунци-

5. Согласно исследованию Анн Клерваль, такое смещение сложилось еще в доиндустриальный период и было связано с переселением наиболее обеспеченных социальных групп на юго-западную окраину города после переноса королевской резиденции в Версаль [Clerval, 2020]. В определенной степени сформированный в то время социопро пространственный паттерн сохранился и до наших дней.

Рис. 7. Результаты голосования в первом и втором турах муниципальных выборов 2020 года по округам Парижа
 Источник: составлено по данным [VisuCity, 2020].

Доля проголосовавших за партии правого блока

ципальные выборы 2020 года⁶ (рис. 7). 7, 8 и 16-й округа отличаются наименьшей долей голосования за левый блок партий и в особенности за Социалистическую партию Франции и платформу Paris en commun, возглавляемую Анн Идальго. Интересным следствием поляризации города с запада на восток стало формирование своеобразной разделительной линии на территории 2, 4, 14 и 17-го округов, где количества голосов, отданных за кандидатов левого и правого блоков, практически равны (в 17-м округе линия совпадает с четким физическим барьером – железнодорожной магистралью, идущей от вокзала Сен-Лазар). Такая же дифференциация прослеживалась и на выборах многих других уровней.

6. Также стоит отметить, что явка на муниципальных выборах в большинстве округов города варьировалась слабо и составила около 40–45%. Исключениями стали 7-й округ, где голосование было завершено в первом туре (величина явки составила 46%), и 19-й округ, где по итогам двух туров она составила чуть более 36%.

Рис. 8. Реализованный проект по высадке деревьев и созданию озелененного пространства на улице Сорбье в 20-м округе Парижа; один из победителей голосования бюджетного цикла 2016 года

Проект является одной из инициатив в рамках ревитализации «Малого пояса» (*La Petite Ceinture*) Парижа.

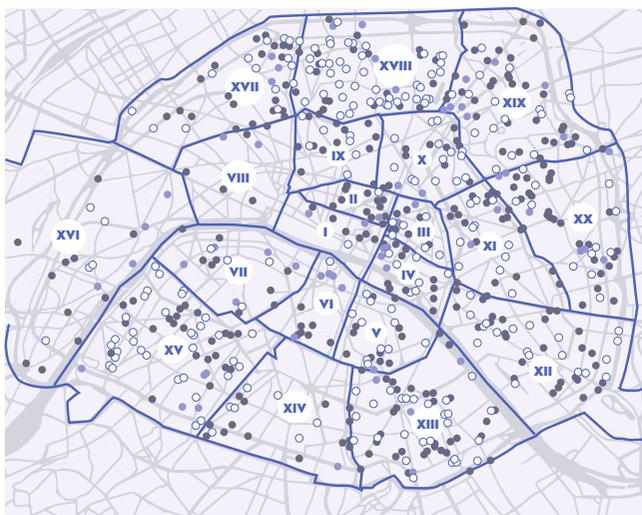
Источник: официальный сайт participаторного бюджета мэрии Парижа (*Une coulée verte sur la rue Sorbier et la Petite Ceinture // Paris. Budget participative*: https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/jsp/site/Portal.jsp?document_id=2922&portlet_id=158).

Реализация проектов: внутригородская неоднородность

С точки зрения категорий партиципаторного бюджетирования проекты распределены по городу весьма мозаично. Как правило, они концентрируются в сравнительно четко очерченных ареалах (рис. 9):

- *Крупные магистральные улицы.* Они играют важную роль в формировании и структурировании каркаса внутригородского расселения, а также часто выступают важными вернакулярными барьерами. Поэтому такие улицы чаще становятся местом встречи разных акторов городской жизни, а реализуемые на них проекты при партиципаторном голосовании привлекают больше внимания.
- *Периферийные городские территории.* Среди них можно выделить два подтипа. Во-первых, это пространства около железнодорожных линий, в особенности ведущих к Восточному вокзалу (граница между 18-м и 19-м округами) и вокзалу Монпарнас (на границе между 14-м и 15-м округами). Сюда можно отнести и проекты, реализуемые в рамках крупного проекта «Малый пояс» (*La Petite Ceinture*) по реновации заброшенной железнодорожной линии в восточной части города.

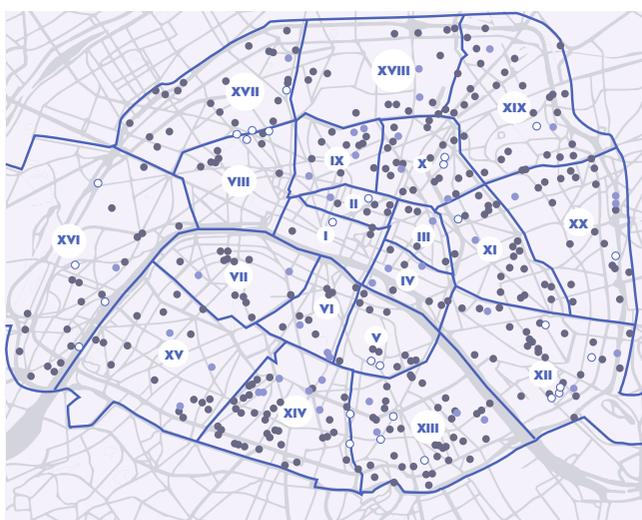
Во-вторых, это территории около окружающей город кольцевой автомагистрали – бульвара Периферик, ранее занятые пустырями или опустевшими производственными зонами. В последние десятилетия они также стали ме-

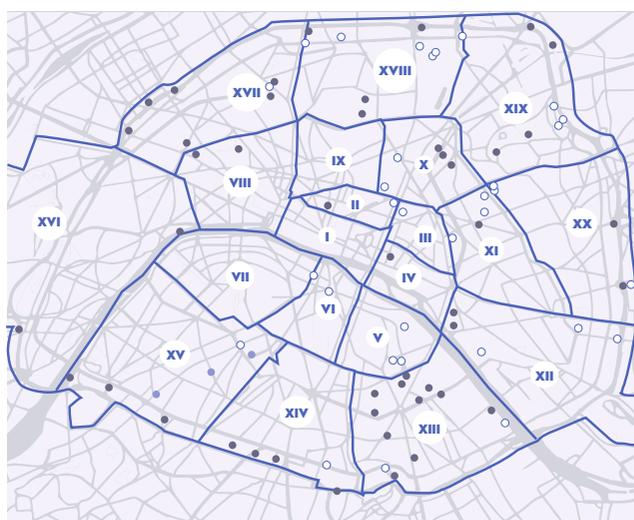
- Городская среда
- Культура и наследие
- Образование и дела молодежи

- Здравоохранение
- Солидарность и социальная конвергенция
- Спорт

- Окружающая среда
- Культура и наследие
- Безопасность

- Транспорт и мобильность
- «Умный» и «цифровой» город
- Экономика и занятость

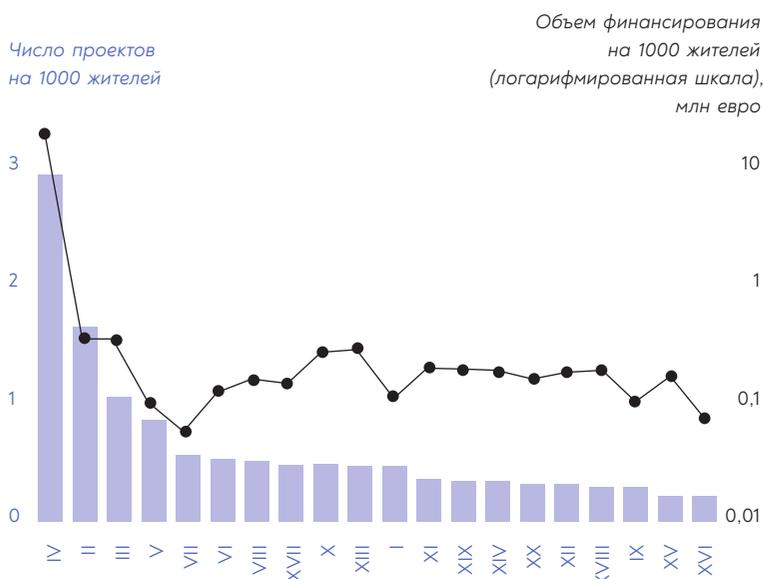
Рис. 9. Локализация мероприятий, реализуемых в рамках проектов по различным направлениям партиципаторного бюджетирования
 Источник: составлено авторами при помощи портала открытых данных мэрии Парижа [Open Data, 2020].

стом нескольких проектов ревитализации общегородского масштаба, среди которых можно особо отметить «Зеленый пояс» (*La Ceinture Verte*) в 20-м округе (рис. 8), бульвары Брюн и Жюрдан в 14-м округе, окрестности бульвара Берсьер в 17-м округе.

- Особо значимые пространства общегородского уровня. Можно предположить, что в этом случае работает тот же принцип, что и в случае магистральных улиц. Хорошим примером такого ареала можно назвать окрестности городской мэрии и Центра Помпиду на западе 4-го округа, где было реализовано несколько дорогостоящих проектов уличного благоустройства. Аналогичный ареал сформировался в прилегаю-

щей к нему части 1-го и 2-го округов между Форумом ле-Аль, садом имени Нельсона Манделы и улицей Реомюр.

Финансирование проектов партиципаторного бюджетирования также обнаруживает существенную территориальную дифференциацию (рис. 10). Наибольший объем средств – как в абсолютном, так и в относительном выражении (на один проект) – был выделен в прежнем 4-м округе (около €182 млн, или около €11 тыс. на одного жителя), что связано с упомянутой выше реализацией проектов по обустройству общественных пространств общегородского значения. В число округов-лидеров также можно включить 13-й (€33 млн), 15-й (€27 млн) и 18-й (€25 млн) округа. Наимень-

Рис. 10. Показатели распределения партиципаторных проектов и их финансирования по округам Парижа

Источник: составлено авторами на основе портала открытых данных мэрии Парижа [Open Data, 2020].

Классификация проведенных мероприятий по объему совокупного финансирования, тыс. евро
 ○ Менее 250 ● 250–1000 ● 1000–2000 ● 2000–4000 ● Более 4000

Рис. 11. Показатели распределения партиципаторных проектов и их финансирования по округам Парижа

Источник: составлено авторами на основе портала открытых данных мэрии Парижа [Open Data, 2020].

проект, характерен для округов, расположенных в центральной части города (с 1-го по 9-й, за вышеупомянутым исключением 4-го округа), а также 16-го округа.

Аналогичный обзор финансирования мероприятий, проведенных в рамках проектов, позволяет более подробно дифференцировать картину территориального распределения партиципаторного бюджета в Париже (рис. 11). Большинство мероприятий характеризовалось небольшим объемом (до €1 млн затрат), что обусловлено структурным устройством проектов; напомним, что многие проекты создаются путем агрегирования локальных инициатив. Выделяются и отдельные ареалы концентрации мероприятий с высоким (более €4 млн) объемом капитальных вложений: преимущественно это места реализации отдельных крупных проектов редевелопмента окраинных территорий, реконструкции важных объектов социальной инфраструктуры (в особенности в 12-м и 18-м округах), а также общественные пространства, имеющие значение для города в целом (окрестности городской мэрии в 4-м округе).

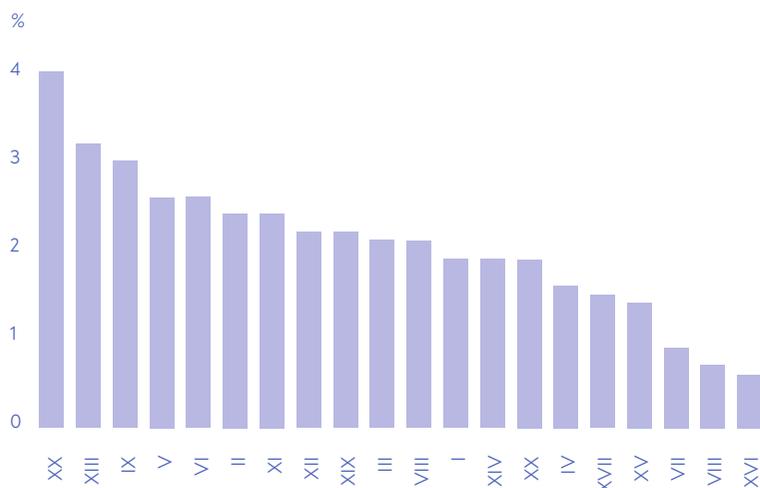
Голосование по партиципаторным проектам

По данным исследования Парижской мастерской урбанистики APUR, в 2016 году в голосовании по проектам участия приняло участие порядка 4% населения города [APUR..., 2018]. Наиболее высокая доля участия жителей наблюдалась на севере (9-й и 10-й округа) и юго-востоке (13-й округ). Меньше всего этот показатель в 16, 8 и 7-м округах (рис. 12)⁷.

Логично предположить, что выявленная закономерность является следствием некоей пространственной поляризации городского населения. В частности, примером такой причины может быть различие в уровне доходов жителей: три округа, отличающихся наименьшим уровнем участия в программе, одновременно являются одними из наиболее обеспеченных. Однако такой аргумент не дает удовлетворительного объяснения выдвинутому тезису: центральные округа похожи, но уровень участия в них заметно выше; наименее состоятельные округа города также по этому критерию не выделяются.

ший объем распределенного финансирования, в том числе на один реализованный

7. Поскольку округа Парижа неравномерны по численности населения, средняя доля жителей, принявших участие в голосовании по партиципаторному бюджету, в разрезе округов составляет около 2% (по городу в целом – 4%). На графике не учтены результаты голосования по партиципаторным бюджетам школ, также фиксируемых статистикой; в них в 2016 году приняли участие еще 3% парижан [APUR..., 2018].

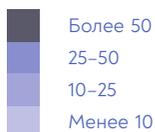

Рис. 12. Активность голосования по проектам партиципаторного бюджетирования по округам Парижа

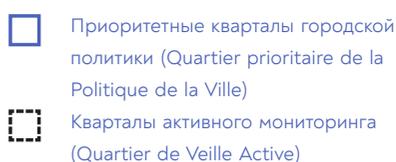
Источник: составлено авторами при помощи портала открытых данных мэрии Парижа [Open Data, 2020].

Число проголосовавших горожан на 1000 человек населения

Территории приоритетного развития

Рис. 13. Активность голосования по проектам партиципаторного бюджетирования в 2016 году

Источник: [APUR..., 2018].

влечены в партиципаторную деятельность сравнительно равномерно, то 13-й округ в этом плане более мозаичен [APUR..., 2018].

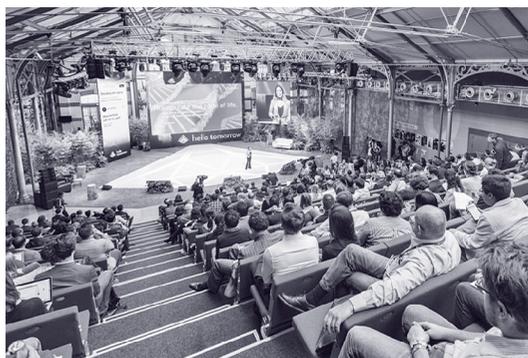
В поисках причин внутригородской дифференциации партиципаторной активности

Общая тенденция распределения партиципаторной активности по территории города совпадает с рядом других упомянутых закономерностей. Уровень этой активности существенно ниже в западной части города (особенно в 7, 8 и 16-м округах) и несколько выше – на его восточных и северо-восточных окраинах. Такая тенденция характерна как для количества реализованных проектов и мероприятий в их составе, так и для уровня активности голосования. В проведенном APUR в 2015 году исследовании тенденций развития системы партиципаторного бюджетирования в первые годы ее деятельности [APUR..., 2016] были обнаружены аналогичные территориальные закономерности. Важной причиной наблюдаемой в западных округах ситуации аналитики APUR видят сравнительно низкую плотность социальных связей, в особенности между представителями разных социальных групп [APUR..., 2016]. Аналогичным образом сравнение рис. 5 и рис. 13 позволяет достаточно точно сопоставить территории социального смешения [Caenen et al., 2017] и ареалы с относительно высокой долей населения, участвовавшего в партиципаторном голосовании.

Мы считаем социальную сегрегацию одним из возможных факторов, задающих эту ситуацию. Исследователи по-разному подходят к определению акторов и механизмов этого процесса [Blanc, 2010]. С точки зрения исследователя гетто Лоика Вакана, сегрегация сильнее затрагивает наименее обеспеченные слои населения, в особенности если есть факторы, способствующие их исключению из городской жизни [Wacquant, 2008]. К таким выводам приходит и Эрик Моран, но ключевым движущим актором сегрегации он считает городской средний класс [Maurin, 2004]. Других взглядов придерживается Эдмонд Претесей, согласно точке зрения которого дискурс сегрегации в первую очередь затрагивает наиболее состоятельные слои общества, стремящиеся к формированию закрытых сообществ, или *gated communities* [Préteceille, 2006; Préteceille, 2007].

Рис. 14. Реализованный проект установки съемных трибун в общественном пространстве CENTQUATRE в приоритетном квартале Кюрьяля 19-го округа Парижа; один из победителей голосования бюджетного цикла 2015 года

Источник: официальный сайт participatif.paris.fr/bp/jsp/site/Portal.jsp?document_id=1626&portlet_id=158.

Исходя из проведенного нами анализа можно предположить, что в Париже действуют два направления сегрегационного процесса. Первый опирается на общегородскую социопространственную дифференциацию и скорее связан с упомянутым феноменом *gated communities* [Préteceille, 2006]. Второй проявляется на локальном уровне и представляет собой обособление наименее обеспеченных социальных групп. Благоприятные условия для нее сложились в отдельных периферийных жилых массивах, в той или иной степени изолированных от прилегающих городских территорий. Представляется, что оба вида сегрегации поддерживаются джентрификацией и в некоторой степени являются ее следствиями, пусть и разнонаправленными.

Контекст политики городского обновления оказывает определенное влияние на развитие participatif активности. В частности, в приоритетных кварталах на текущий момент были проведены мероприятия по 102 проектам (то есть примерно по каждому четвертому проекту из числа дошедших до стадии фактической реализации), что представляет собой немалую величину для сравнительно небольшой доли городской территории.

Составленная APUR картосхема [APUR..., 2018] показывает, что, несмотря на прилагаемые усилия, приоритетные кварталы не всегда принимают активное участие в participatif голосовании (рис. 13). Во многих из них, в особенности в расположенных около бульвара Периферик, доля участников голосования ниже, чем в прилегающих жилых массивах. Исключением стала лишь группа кварталов на северо-востоке города, на территории которых было реализовано небольшое количество крупных проектов переустройства придомовых территорий и создания социальной и досуговой инфраструктуры (рис. 14).

Было бы интересно сопоставить показатели participatif бюджетирования и электоральной дифференциации города. Однако обычная избирательная активность

парижан многократно превышает активность на голосовании по participatif проектам, что не позволяет корректно сопоставить данные показатели. Кроме того, как уже упоминалось, доля населения, принимающего участие в выборах муниципального и вышестоящих уровней, сравнительно слабо варьируется по округам. В то же время результаты распределения голосов между партиями правого и левого блоков позволяют говорить о наличии общих закономерностей с participatif активностью (рис. 7, 13). Вполне возможно, это объясняется позиционированием participatif бюджета как проекта левого крыла парламента Франции, а именно Социалистической партии, к которой принадлежит Анн Идальго, что сказывается на более прохладном отношении к нему наиболее обеспеченных слоев населения.

Закключение

Парижская система participatif бюджетирования работает на фоне более широкого и масштабного процесса по децентрализации полномочий в городской политике Франции. Главным драйвером институциональных изменений выступает местная администрация и ее лидер Анн Идальго, которая в своей политической программе продвигает participatif бюджетирование как инструмент обеспечения социальной сплоченности, повышения качества муниципального управления, что тем не менее сохраняет статус-кво, где государство играет ведущую роль в инициировании изменений. Вкупе с такими инициативами кабинета, как общегородской форум «Ночь дебатов» (*La nuit des débats*), и электронной краудсорсинговой платформой *Idee.paris*, выросшей из проекта «Госпожа мэр, у меня есть идея!» (*Madame la maire, j'ai une idée!*), институт participatif бюджетирования работает на сокращение политической и пространственной дистанции между избранными представителями власти и горожанами.

При этом круг вопросов городского управления, на который могут влиять горожане, жестко процедурно ограничен: устройство этого инструмента не предполагает, что он может быть использован для того, чтобы поставить под вопрос более системные и принципиальные отрасли городского управления, такие как, например, включение территорий в перечень приоритетных районов или политику в отношении социального жилья. Таким образом, дистанция между профессиональными по-

литиками и «профессиональными» горожанами сохраняется, и демократизация процесса управления проходит в рамках, определенных и установленных местными органами власти. В этом смысле дизайн процедуры партиципаторного бюджетирования поддерживает в городской политике статус-кво, сохраняя устоявшуюся иерархию власти, но способствует трансформации качественного аспекта институциональных связей между агентами.

Несмотря на движение партиципаторного бюджетирования в Париже в сторону горожан, устройство этого процесса активно критикуется [Pradeau, 2018; Font et al., 2017]. Объектом критики часто становится пространство между этапом сбора идей горожан и отбором муниципальной комиссией проектов для последующего продвижения. Эта зона выпадает из области общественного контроля и оставляет окно возможностей для избирательного подхода к отбору проектов [Pradeau, 2018]. К другим проблемам, которые косвенно влияют на репутацию партиципаторного бюджетирования, относят избирательность при отборе и продвижении проектов комиссией местной администрации (*cherry-picking*), необоснованные отказы в регистрации проектов и механические ошибки отборочной комиссии.

Несмотря на постепенный рост внимания парижан к партиципаторному бюджетированию, охват жителей города его деятельностью сегодня крайне невелик. Если рассматривать партиципаторное бюджетирование как своеобразную социальную инновацию, то ее можно отнести к первой стадии цикла распространения нововведений по Эверетту Роджерсу [Rogers, 1962]. Как и в случае других институтов общественного участия, костяк «профессиональных» горожан, принимающих участие в рабочих группах по проектам партиципаторного бюджетирования, имеет характерный социально-экономический портрет [Doustaly, 2019]. Инноваторами преимущественно выступают жители со средним уровнем дохода, проживающие по соседству с территориями, требующими более активного вмешательства городских властей (но не на самих этих территориях) и, как правило, придерживающиеся левых политических взглядов. Таким образом, в парижском партиципаторном бюджетировании системная проблема дефицита участия остается неразрешенной.

Парижский опыт подтверждает, что успешность и устойчивость системы партиципаторного бюджетирования зависят от проактивной позиции муниципальных

властей. Этот инструмент устроен так, что ориентирован преимущественно на быстрые победы – изменения, которые можно увидеть в относительно близком будущем. При этом ответственность и контроль за системными трансформациями остается в ведении профессиональных политиков и находится вне зоны доступа горожан. В этом смысле партиципаторное бюджетирование сложно считать инструментом радикальных институциональных преобразований или панацеей от системных проблем городской политики и городского управления.

Благодарность

Авторы выражают благодарность коллективам Летних мастерских *Les ateliers d'été* 2017 и 2019 годов по жилищной политике и муниципальному управлению во Франции, которые были организованы Высшей школой урбанистики имени А. А. Высоковского и французской ассоциацией D'EST при поддержке Посольства Франции и мэрии Парижа.

Источники

- APUR (2016) Participatory Budgeting: What Do Parisians Dream of? Analysis of Projects Submitted in 2015. Режим доступа: <https://www.apur.org/en/our-works/participatory-budget-what-do-parisians-dream-analysis-projects-submitted-2015> (дата обращения: 17.10.2020).
- APUR (2018) Budget Participatif de Paris: Qui y Participe? Режим доступа: <https://www.apur.org/fr/nos-travaux/budget-participatif-paris-participe> (дата обращения: 22.10.2020).
- Bacqué M.H., Blanc M., Hamel P., Sintomer Y. (2005) Ville, Action "Citoyenne" et Débat Public // *Espaces et Sociétés*. Vol. 123. P. 7–19.
- Bifulco L. (2013) Citizen Participation, Agency and Voice // *European Journal of Social Theory*. Vol. 16. No. 2. P. 174–187.
- Blanc M. (2010) The Impact of Social Mix Policies in France // *Housing Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 257–272.
- Cabannes Y. (2004) Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy // *Environment and Urbanization*. Vol. 16. No. 1. P. 27–46.
- Cabannes Y., Lipietz B. (2015) The Democratic Contribution of Participatory Budgeting // *Working Paper Series*. No. 15–168.
- Cabannes Y., Lipietz B. (2018) Revisiting the Democratic Promise of Participatory Budgeting in Light of Competing Political, Good Governance and Technocratic Logics // *Environment and Urbanization*. Vol. 30. No. 1. P. 67–84.

- Cabannes Y. (2017) Participatory Budgeting in Paris: Act, Reflect, Grow // Another City is Possible with Participatory Budgeting / Y. Cabannes (ed.). Montréal, New York, London: Black Rose Books. P. 179–203.
- Caenen Y., Decondé C., Jabot D., Martinez C., Ouardi S., Eloy P., Jouny L. (2017) Une Mosaïque Sociale Propre à Paris. INSEE Ile-de-France. Vol. 53.
- Clerval A. (2021) Gentrification and Social Classes in Paris, 1982–2008 // Urban Geography. P. 1–25.
- Dikeç M. (2017) Urban Rage: The Revolt of the Excluded. Yale University Press.
- Doustaly C. (2019) Participatory Budgeting and Progressive Cities: Are London and Paris Listening to Their Own Voices? // In the Rise of Progressive Cities East and West / M. Douglass et al. (eds.) Singapore: Springer. P. 117–136.
- Ercan S.A., Gagnon J.P. (2014) The Crisis of Democracy: Which Crisis? Which Democracy? // Democratic Theory. Vol. 1. No. 2. P. 1–10.
- Escafré-Dublet A., Lelévrier C. (2019) Governing Diversity without Naming It: An Analysis of Neighbourhood Policies in Paris // European Urban and Regional Studies. Vol. 26. No. 3. P. 283–296.
- Font J., Smith G., Galais C., Alarcon P.A.U. (2018) Cherry picking Participation: Explaining the Fate of Proposals from Participatory Processes // European Journal of Political Research. Vol. 57. No. 3. P. 615–636.
- Fung A., Wright E.O. (2003) Thinking about Empowered Participatory Governance // Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance. Vol. 4 / A. Fung et al. (eds). London: Verso. P. 3–45.
- Gardesse C., Zetlaoui-Leger J. (2017) Citizen Participation, an Essential Lever for Urban Transformation in France? // Localism and Neighbourhood Planning: Power to the People? / S. Brownill et al. (eds.). Bristol University Press. P. 199–214.
- Gillion D.Q. (2013) The Political Power of Protest: Minority Activism and Shifts in Public Policy. New York: Cambridge University Press.
- Hall S., Hickman P. (2011) Resident Participation in Housing Regeneration in France // Housing Studies. Vol. 26. No. 6. P. 827–843.
- Hidalgo A. (2013) Paris qui dos. Mon projet pour Paris 2014–2020. Режим доступа: [https://www.immoweek.fr/files/upload/documents/AH.%20PROG-V1-INT-0412%20\(1\).pdf](https://www.immoweek.fr/files/upload/documents/AH.%20PROG-V1-INT-0412%20(1).pdf) (дата обращения: 20.11.2020)
- Kębłowski W., van Criekingen M. (2014) How “Alternative” Alternative Urban Policies Really Are? Looking at Participatory Budgeting Through the Lenses of the Right to the City // Métropoles. No. 15. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/metropoles/4994> (дата обращения: 20.10.2020).
- Knapp A., Wright V. (2006) The Government and Politics of France. London: Routledge.
- Lefebvre R. (2013) Participatory Democracy in France: Subsumed by Local Politics. Режим доступа: <https://metropolitics.org/Participatory-democracy-in-France-subsumed-by-local-politics.html> (дата обращения: 15.11.2020).
- Lelévrier C., Melic T. (2018) Impoverishment and Social Fragmentation in Housing Estates of the Paris Region, France // Housing Estates in Europe. Poverty, Ethnic Segregation and Policy Challenges / D. B. Hess et al. (eds.). Cham: Springer. P. 313–338.
- Maurin É. (2004) Le Ghetto Français. Enquête sur le Séparatisme Social. Paris: Editions du Seuil.
- Najib K. (2017) Socio-spatial inequalities in the cities and their recent evolutions: comparison between Besançon, Mulhouse, and Strasbourg // Cybergeog: European Journal of Geography. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/cybergeog/27975> (дата обращения 20.11. 2021).
- Nez H. (2016) Does Participation Mean Reciprocal Learning? The Relationships between Diverse Stakeholders during Participatory Budgeting in Paris // Journal of Civil Society. Vol. 12. No. 3. P. 266–281.
- Open Data (2020) Open Data de la Ville de Paris. Режим доступа: <https://opendata.paris.fr/pages/home/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Paris (2020) Paris. Budget Participatif. Режим доступа: <https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/> (дата обращения: 10.09.2020).
- Pateman C. (2012) Participatory Democracy Revisited // Perspectives on Politics. Vol. 10. No. 1. P. 7–19.
- Pradeau G. (2018) Participatory Budgeting in France: Opening Local Budgets or Lip Service? ECPR General Conference August 22–25, 2018. Universität Hamburg. Hamburg. Режим доступа: <https://ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/41073> (дата обращения: 25.11.2020).
- Pradeau G. (2018) A Third Wave of Participatory Budgeting in France // Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide / Dias N. (eds.). Faro, Portugal: Oficina de Texto. P. 373–383.
- Préteceille E. (2007) Is Gentrification a Useful Paradigm to Analyse Social Changes in the Paris Metropolis? // Environment and Planning A. Vol. 39. No. 1. P. 10–31.
- Préteceille E. (2006) Has Social Segregation Increased? The Parisian Metropolis between Polarization and Social Mix // Sociétés Contemporaines. Vol. 62. No. 2. P. 69–93.
- Rogers E.M. (1962) Diffusion of Innovations. New York: The Free Press.
- Röcke A. (2014) Framing Citizen Participation: Participatory Budgeting in France, Germany and the United Kingdom. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Saurugger S. (2004) Representative versus Participatory Democracy? France, Europe and Civil Society. ECPR Joint Sessions of Workshops 13–18 April, 2004. University of Uppsala. Sweden. P. 13–18. Режим доступа: <https://ecpr.eu/Events/Event/>

- PaperDetails/13821 (дата обращения: 1.11.2020).
- Sintomer Y., De Maillard, J. (2007) The Limits to Local Participation and Deliberation in the French 'Politique de la Ville' // European Journal of Political Research. Vol. 46. No. 4. P. 503-529.
- Sintomer Y., Röcke, A., Herzberg, C. (2016) Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance. London: Routledge.
- Smith A., Rainnie A., Dunford M. (2001) Regional Trajectories and Uneven Development in the 'New Europe': Rethinking Territorial Success and Inequality / H.Wallace (ed.) // Interlocking Dimensions of European Integration. London: Palgrave Macmillan. P. 122-144.
- Steffek J., Nanz P. (2008) Emergent Patterns of Civil Society Participation in Global and European Governance // Civil Society Participation in European and Global Governance / J.Steffek et al. (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 1-29.
- Talpin J. (2012) Schools of Democracy: How Ordinary Citizens (Sometimes) Become Competent in Participatory Budgeting Institutions. Colchester: ECPR Press.
- Talpin J. (2013) When Deliberation Happens. Evaluating Discursive Interactions among Ordinary Citizens in Participatory Budgeting Institutions // Participatory Democratic Innovations in Europe / B.Geißel et al. (eds.). Opladen: Verlag Barbara Budrich. P. 73-93.
- Tormey S. (2014) The Contemporary Crisis of Representative Democracy // Democratic Theory. Vol. 1. No. 2. P. 104-112.
- Uitermark J., Nicholls W. (2014) From Politicization to Policing: The Rise and Decline of New Social Movements in Amsterdam and Paris // Antipode. Vol. 46. No. 4. P. 970-991.
- VisuCity (2020) Municipales 2020. Режим доступа: <http://visucity.com/planarparis.php?e=m2020&sig=Part&tr=1> (дата обращения: 17.09.2020).
- Wacquant L. (2008) Relocating Gentrification: The Working Class, Science and the State in Recent Urban Research // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 32. No. 1. P. 198-205.
- Williams E., Denny E. St., Bristow D. (2019) Participatory Budgeting: An Evidence Review. Public Policy Institute for Wales.
- Wouters R., Walgrave S. (2017) Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives // American Sociological Review. Vol. 82. No. 2. P. 361-383.
- Yáñez P.P. (2018) Analysis of Participatory Budgeting in Chile. A Reflection of the National Public Policy Evolution? // Hope for Democracy—25 Years of Participatory Budgeting Worldwide / N.Dias (eds.). São Brás de Alportel: In Loco Association. P. 177-187.

**POWER TO THE PEOPLE?
An Analysis of Participatory
Budgeting in Paris, France**

Marianna V. Shkurko, MA in Urban Planning, Leading Expert, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: mariannaxshkurko@gmail.com

Alexander A. Mikhailov, MA in Urban Planning, Junior Research Fellow, Research Laboratory for Multi-Sensory Experience in Urban Environment, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: aamihaylov@hse.ru

Abstract. In France, the popularization of participatory budgeting is taking place against the backdrop of a global crisis of representative democracy and perennial reforms relating to the decentralisation of the power of the state agents. In this context, participatory budgeting is positioned by local governments as tool for enhancing solidarity among the public, and a medium to restore public trust in elected authorities. One of the goals of participatory budgeting is reducing the distance between the public and state authorities under the paradigm of "proximity democracy". Simultaneously, the Parisian design of the participatory budgeting program allows for the status quo in the hierarchy of urban governance to be maintained.

This article describes and analyses the participatory budgeting program which has been implemented in Paris since 2014. It examines the peculiarities of its organisation, provides key criticisms of its design, and places participatory budgeting in the context of Parisian urban policy. Particular attention is given to the implementation of participatory budgeting in so-called "priority neighbourhoods"—especially vulnerable residential areas, for which specific urban renewal policies are applied by Paris municipality (politique de la ville). This tandem is expected to strengthen the municipality's efforts to reduce social and spatial inequality.

Based on the analysis of indirect indicators, the authors established dependences between the implementation of participatory projects and the active participation of the public in their choice, and the patterns of socio-economic differentiation of urban areas. For instance, the most gentrified city areas (1st, 7th, 8th, and 16th arrondissements) are distinguished by the least participatory activity, in contrast to the situation on the right bank of the Seine, where a policy of social mixing is actively pursued, and the share of the public engaging in participatory budgeting is relatively high. The analysis of the selected indicators for "priority

neighbourhoods” shows the heterogeneity of the implementation of participatory projects in such areas.

Based on the analysis, conclusions were formulated about the role of participatory budgeting in the French system of local government.

Keywords: participatory budgeting; public participation; politique de la ville; urban policy; intracity differentiation; Paris

Citation: Mikhailov A., Shkurko M. (2021) Power to the People? An Analysis of Participatory Budgeting in Paris, France. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 66–85. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202166-85>

Acknowledgements

The authors express their gratitude towards the teams of 2017 and 2019 Summer School *Les ateliers d'été* on housing policy and local governance of France, organised by Vysokovsky Graduate School of Urbanism of HSE University and the French association D'EST with the support of the French Embassy in Russia and the City of Paris.

References

- APUR (2016) Participatory Budgeting: What Do Parisians Dream of? Analysis of Projects Submitted in 2015. Available at: <https://www.apur.org/en/our-works/participatory-budget-what-do-parisians-dream-analysis-projects-submitted-2015> (accessed 17 October 2020).
- APUR (2018) Budget Participatif de Paris: Qui y Participe?. Available at: <https://www.apur.org/fr/nos-travaux/budget-participatif-paris-participe> (accessed 22 October 2020). (in French)
- Bacqué M.H., Blanc M., Hamel P., Sintomer Y. (2005) Ville, action “citoyenne” et débat public. *Espaces et sociétés*, vol. 123, pp. 7–19. (in French)
- Bifulco L. (2013) Citizen Participation, Agency and Voice. *European Journal of Social Theory*, vol. 16 (2), pp. 174–187.
- Blanc M. (2010) The Impact of Social Mix Policies in France. *Housing Studies*, vol. 25 (2), pp. 257–272.
- Cabannes Y. (2004) Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environment and Urbanization*, vol. 16 (1), pp. 27–46.
- Cabannes Y., Lipietz B. (2015) The Democratic Contribution of Participatory Budgeting. *Working Paper Series*, no 15–168.
- Cabannes Y., Lipietz B. (2018) Revisiting the Democratic Promise of Participatory Budgeting in Light of Competing Political, Good Governance and Technocratic Logics. *Environment and Urbanization*, vol. 30 (1), pp. 67–84.
- Cabannes Y. (2017) Participatory Budgeting in Paris: Act, Reflect, Grow. *Another City is Possible with Participatory Budgeting*. Montréal, New York, London: Black Rose Books, pp. 179–203.
- Caenen Y., Decondé C., Jabot D., Martinez C., Ouardi S., Eloy P., Jouny L. (2017) Une Mosaïque Sociale Propre à Paris. INSEE Ile-de-France. vol. 53. (in French)
- Clerval A. (2021) Gentrification and Social Classes in Paris, 1982–2008. *Urban Geography*, pp. 1–25.
- Dikeç M. (2017) *Urban Rage: The Revolt of the Excluded*. Yale University Press.
- Doustaly C. (2019) Participatory Budgeting and Progressive Cities: Are London and Paris Listening to Their Own Voices? M. Douglass et al. (eds.) *In the Rise of Progressive Cities East and West*. Singapore: Springer, pp. 117–136.
- Ercan S.A., Gagnon J.P. (2014) The Crisis of Democracy: Which Crisis? Which Democracy? *Democratic Theory*, vol. 1 (2), pp. 1–10.
- Escafré-Dublet A., Lelévrier C. (2019) Governing Diversity without Naming It: An Analysis of Neighbourhood Policies in Paris. *European Urban and Regional Studies*, vol. 26 (3), pp. 283–296.
- Font J., Smith G., Galais C., Alarcon P.A. U. (2018) Cherry picking Participation: Explaining the Fate of Proposals from Participatory Processes. *European Journal of Political Research*, vol. 57 (3), pp. 615–636.
- Fung A., Wright E.O. (2003) Thinking about Empowered Participatory Governance. A. Fung et al. (eds) *Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance*. London: Verso, vol. 4, pp. 3–45.
- Gardesse C., Zetlaoui-Leger J. (2017) Citizen Participation, an Essential Lever for Urban Transformation in France? S. Brownill et al. (eds.) *Localism and Neighbourhood Planning: Power to the People?* Bristol University Press, pp. 199–214.
- Gillion D.Q. (2013) *The Political Power of Protest: Minority Activism and Shifts in Public Policy*. New York: Cambridge University Press.
- Hall S., Hickman P. (2011) Resident Participation in Housing Regeneration in France. *Housing Studies*, vol. 26 (6), pp. 827–843.
- Hidalgo A. (2013) Paris qui dos. Mon projet pour Paris 2014–2020. Available at: [https://www.immoweb.fr/files/upload/documents/AH.%20PROG-V1-INT-0412%20\(1\).pdf](https://www.immoweb.fr/files/upload/documents/AH.%20PROG-V1-INT-0412%20(1).pdf) (accessed 20 November 2020).
- Kębłowski W., van Criekingen M. (2014) How “Alternative” Alternative Urban Policies Really Are? Looking at Participatory Budgeting Through the Lenses of the Right to the City. *Métropoles*, no 15. Available at: <https://journals.openedition.org/metropoles/4994> (accessed 20 October 2020).
- Knapp A., Wright V. (2006) *The Government and Politics of France*. London: Routledge.
- Lefebvre R. (2013) Participatory Democracy in France: Subsumed by Local Politics. *Metropolitica*. Available at: <https://metropolitica.org/Participatory-democracy-in->

- France-subsumed-by-local-politics.html (accessed 15 November 2020).
- Lelévrier C., Melic T. (2018) Impoverishment and Social Fragmentation in Housing Estates of the Paris Region, France. D.B.Hess et al. (eds.) *Housing Estates in Europe. Poverty, Ethnic Segregation and Policy Challenges*. Cham: Springer, pp. 313–338.
- Maurin É. (2004) Le ghetto français. Enquête sur le séparatisme social. Paris: Editions du Seuil. (in French)
- Najib K. (2017) Socio-spatial inequalities in the cities and their recent evolutions: comparison between Besançon, Mulhouse, and Strasbourg. *Cybergeo: European Journal of Geography*. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeo/27975> (accessed 20 November 2021).
- Nez H. (2016) Does Participation Mean Reciprocal Learning? The Relationships between Diverse Stakeholders during Participatory Budgeting in Paris. *Journal of Civil Society*, vol. 12 (3), pp. 266–281.
- Open Data (2020) Open Data de la Ville de Paris. Available at: <https://opendata.paris.fr/pages/home/> (accessed 21 September 2020). (in French)
- Paris (2020) Paris. Budget Participatif. Available at: <https://budgetparticipatif.paris.fr/bp/> (accessed 10 September 2020). (in French)
- Pateman C. (2012) Participatory Democracy Revisited. *Perspectives on Politics*, vol. 10 (1), pp. 7–19.
- Pradeau G. (2018) Participatory Budgeting in France: Opening Local Budgets or Lip Service? ECPR General Conference August 22–25, 2018. Universität Hamburg. Hamburg. Available at: <https://ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/41073> (accessed 25 November 2020).
- Pradeau G. (2018) A Third Wave of Participatory Budgeting in France. Dias, N. (eds.) *Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting Worldwide*. Faro, Portugal: Oficina de Texto, pp. 373–383.
- Préteceille E. (2007) Is Gentrification a Useful Paradigm to Analyse Social Changes in the Paris Metropolis? *Environment and Planning A*, vol. 39 (1), pp. 10–31.
- Préteceille E. (2006) Has Social Segregation Increased? The Parisian Metropolis between Polarization and Social Mix. *Sociétés contemporaines*, vol. 62 (2), pp. 69–93.
- Rogers E.M. (1962) *Diffusion of Innovations*. New York: The Free Press.
- Röcke A. (2014) *Framing Citizen Participation: Participatory Budgeting in France, Germany and the United Kingdom*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Saurugger S. (2004) Representative versus Participatory Democracy? France, Europe and Civil Society. ECPR Joint Sessions of Workshops 13–18 April, 2004. University of Uppsala, Sweden, pp. 13–18. Available at: <https://ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/13821> (accessed 1 November 2020).
- Sintomer Y., De Maillard, J. (2007) The Limits to Local Participation and Deliberation in the French 'politique de la ville'. *European Journal of Political Research*, vol. 46 (4), pp. 503–529.
- Sintomer Y., Röcke A., Herzberg C. (2016) *Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance*. London: Routledge.
- Smith A., Rainnie A., Dunford M. (2001) *Regional Trajectories and Uneven Development in the 'New Europe': Rethinking Territorial Success and Inequality*. H.Wallace (ed.). *Interlocking Dimensions of European Integration*. London: Palgrave Macmillan, pp. 122–144.
- Steffek J., Nanzi P. (2008) Emergent Patterns of Civil Society Participation in Global and European Governance. J.Steffek et al. (eds.) *Civil Society Participation in European and Global Governance*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1–29.
- Talpin J. (2012) Schools of Democracy: How Ordinary Citizens (Sometimes) Become Competent in Participatory Budgeting Institutions. Colchester: ECPR Press.
- Talpin J. (2013) When Deliberation Happens. Evaluating Discursive Interactions among Ordinary Citizens in Participatory Budgeting Institutions. B.Geißel et al. (eds.) *Participatory Democratic Innovations in Europe*. Opladen: Verlag Barbara Budrich, pp. 73–93.
- Torrey S. (2014) The Contemporary Crisis of Representative Democracy. *Democratic Theory*, vol. 1 (2), pp. 104–112.
- Uitermark J., Nicholls W. (2014) From Politicization to Policing: The Rise and Decline of New Social Movements in Amsterdam and Paris. *Antipode*, vol. 46 (4), pp. 970–991.
- VisuCity (2020) Municipales 2020. Available at: <http://visucity.com/planarparis.php?e=m2020&sig=Part&tr=1> (accessed 20 September 2020). (in French)
- Wacquant L. (2008) Relocating Gentrification: The Working Class, Science and the State in Recent Urban Research. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 32 (1), pp. 198–205.
- Williams E., Denny E. St., Bristow D. (2019) *Participatory Budgeting: An Evidence Review*. Public Policy Institute for Wales.
- Wouters R., Walgrave S. (2017) Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*, vol. 82 (2), pp. 361–383.
- Yáñez P.P. (2018) Analysis of Participatory Budgeting in Chile. A Reflection of the National Public Policy Evolution? N.Dias (eds.) *Hope for Democracy—25 Years of Participatory Budgeting Worldwide*. São Brás de Alportel: In Loco Association, pp. 177–187.

Умное соучастие

Современная городская жизнь происходит не только в физическом измерении, но и, несомненно, в цифровом. Внедрение новых технологий меняет личные жизненные стратегии горожан, расширяет их возможности, заставляет приобретать новые привычки, меняет структуру и качество городского управления. Автор статьи, помещенной в этот раздел, рассматривает опыт и осмысляет ценности формирования цифрового гражданства.

Умный город и гражданское участие

Владимир Вагин
Вера Сафронова

Основные подходы к описанию умного города

Концепция умного города была разработана в 2000 году, однако понятие это до сих пор не имеет общепринятого определения [Van Waart, Mulder, de Bont, 2015]. Как правило, умный город описывается как городская среда, где передовые технологии используются для решения социальных и экологических проблем. Одни ученые считают основными компонентами умного города умную экономику, управление, людей, окружающую среду, мобильность и жизнь [Cohen, 2012]. Другие же приходят к выводу, что основополагающим компонентом умного города являются технологии [Grossi, Pianezzi, 2017].

Ключевыми участниками воспроизводства и строительства умных городов являются правительства, бизнес, граждане и исследовательские учреждения. Компании любого размера имеют решающее значение в жизни умного города, поскольку они являются основными поставщиками технологий и инноваций. Они заинтересованы в инвестировании в новый рынок и поиске долгосрочного и безопасного источника дохода [Fretty, 2019]. Инвестируя в умные города, предприятия могут получить доступ к уникальным и разнообразным данным, которые, в свою очередь, вдохновят новые проекты [Kummitha, 2019]. Например, Google Sidewalk Labs, дочерняя компания Google, запустившая масштабный проект умного города в Торонто, надеялась получить свою долю на новом умном рынке и усилить распространение своих услуг [Koetsier, 2020].

Интересы городского управления отличаются от интересов представителей бизнеса, но и те и другие используют умный город для достижения своих целей. Демократически избранные местные и национальные органы власти заинтересованы в предоставлении гражданам общественных благ в обмен на их политическую поддержку [Smith et

Вагин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, руководитель Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России; Российская Федерация, 127006, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2.

E-mail: vvaginstar@gmail.com

Сафронова Вера Денисовна, студентка магистратуры программы «Городское развитие и управление» Университета имени Эразма Роттердамского (Нидерланды); Нидерланды, Burgemeester Oudlaan 50, 3062 PA Роттердам.

E-mail: lanskayavera@gmail.com

Умный город – одно из наиболее популярных понятий, используемых учеными и практиками для описания урбанистического будущего. Оно интересует все больше людей по всему миру. Об этой теме говорят сейчас все – от технологических гигантов Google и IBM, которые запускают проекты по превращению целых районов в умные пространства, до политических партий в разных странах мира. Большинство рассматривают умный город как городскую среду, где передовые технологии используются для решения социальных и экологических проблем. В исследовании и практике умных городов есть определенные проблемы. Одна из них состоит в том, что умные города упускают важность широкого спектра институционально оформленных процедур участия граждан в городском развитии и управлении различными частями городской жизни. За рубежом накоплен значительный опыт гражданского вовлечения. Более того, большинство европейских партий включили в свои программные положения участие граждан в городских процессах. Серьезное внимание современных западных ученых и политиков привлекает вопрос об общественном контроле за огромным массивом персональных данных, накапливаемом созданными ресурсами. К сожалению, в российской литературе нечасто вспоминают об этом аспекте умного города, безусловно затрагивающем интересы большинства горожан. При этом в Российской Федерации параллельно развиваются различные практики вовлечения граждан в процессы государственного и муниципального управления: создание комфортной городской среды, инициативное бюджетирование, онлайн-платформы городского участия. Данная статья собрала множество материалов по теме участия граждан из передовых зарубежных публикаций и предоставляет их краткий обзор. Во-первых, здесь описываются и сравниваются основные концепции и практики умного города. Во-вторых, внимание уделяется тому, как город-

al., 2003]. Авторитарные же политики полагаются на поддержку элиты, которую они получают за счет предоставления ей частных благ [Smith и др., 2003]. Таким образом, органы власти могут рассматривать камеры видеонаблюдения или умное освещение как те самые общественные блага, с помощью которых можно решить серьезные городские проблемы.

Интересы образовательных и научных институтов в чем-то схожи с интересами бизнеса, поскольку и те и другие стремятся к получению прибыли. Научные институты ставят цель обеспечить свою репутацию и получить финансирование за счет участия в новых областях исследований [Aldridge, 2013]. Умный город – это новейшая область исследований, которая требует большого вклада ученых в области экономических, технических и социальных наук. Предложение с академической стороны удовлетворяется спросом на научную работу и финансированием от сектора управления. Более того, образовательные учреждения заинтересованы в получении различных экономических и репутационных выгод от обучения специалистов в области умных городов.

Лейдесдорф и Ицкович [Leydesdorff, Etzkowitz, 1998] считают, что сотрудничество между властью, бизнесом и университетом, которые являются ключевыми элементами любой инновационной системы, можно смоделировать как тройную спираль. Однако эта модель взаимодействия считается устаревшей, так как не включает граждан в качестве важных участников инноваций. Другие исследователи отмечают, что участники инновационной деятельности взаимодействуют не в вакууме, а являются частью сообщества, которое в значительной степени влияет на их работу [Van Waart, Mulder, de Bont, 2015]. Таким образом, граждан принято считать важными участниками взаимоотношений между властью, бизнесом и академическими кругами, поскольку они формируют спрос на технологии умного города. Следовательно, модель тройной спирали превращается в четверную спираль, в которой сотрудничает большее количество участников [Ibid.].

Привлечь к участию все важные заинтересованные стороны трудно, поскольку у них неодинаковый уровень вовлеченности и понимания возможностей умных городов. Неравное представительство играет важную роль в критической оценке общей концепции умного города.

Многие ученые [Zook, 2017; Grossi, Pianezzi, 2017] отмечают, что предприятия и технологические компании прилагают все усилия, чтобы подчинить наше понимание умного города неолиберальной идеологии. В соответствии с неолиберальными доктринами, город функционирует как рынок, которым управляют хорошо обученные и отобранные государственные служащие [Grossi, Pianezzi, 2017]. Таким образом, по мнению некоторых авторов [Grossi, Pianezzi, 2017; Engelbert, van Zoonen, Hirzalla, 2019], инвесторы воспринимают умный город как источник внутренней и международной конкуренции между правительствами, которые, в свою очередь, страдают от приватизации и находятся под руководством слабых выборных должностных лиц.

Концепция умного города основана на исследовании ряда серьезных проблем. Его главная проблема – это возможная потеря демократии. В Европе городская власть уже сосредоточена в руках политической и деловой элиты [Grossi, Pianezzi, 2017, p. 80]. Например, такой процесс разворачивается в постпандемийном Нью-Йорке [Klein, 2020]. Как отмечает Наоми Клейн, бывший генеральный директор Google Эрик Шмидт воспринимает демократию как препятствие на пути технического прогресса. Она считает, что мы становимся свидетелями того, как крупные технологические компании, такие как Google и Amazon, благодаря призывам к инновационным решениям городских проблем в эпоху коронавируса получают реальную власть над принятием решений, отнимая ее у демократически избранных правительств.

Кроме того, ученые обращают внимание на важность учета издержек, связанных с инновациями в умном городе. Так, Клейн обсуждает

ские власти, научные организации и партии теоритизируют и реализуют проекты умных городов. Цель данной статьи – познакомить с основными концептуальными подходами в теории умного города, а также практиками участия политических партий и граждан в формировании умных городов – малоизученной сферой урбанистического развития.

Ключевые слова: умный город; гражданское участие; вовлечение граждан; цифровизация; партисипаторное бюджетирование

Цитирование: Вагин В.В., Сафронова В.Д. (2021) Умный город и гражданское участие // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 87–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202187-99>

проблемы, возникающие в результате технологических нововведений Google в сфере образования и здравоохранения, в том числе острую безработицу среди учителей и больничного персонала. Она также призывает учитывать альтернативные издержки инноваций, поскольку правительства в режиме жесткой экономии вряд ли будут инвестировать и в людей, и в технологии [Ibid.].

Наконец, ряд ученых утверждают, что технологические инновации не всегда являются лучшим решением городских вопросов, поскольку многие проблемы, связанные, например, с социальной справедливостью, не могут быть решены посредством технологий [Engelbert, Van Zoonen, Hirzalla, 2019; Zook, 2017; Klein, 2020]. Подчеркивается, что при неолиберализме городское управление все больше фокусируется на управлении потоками данных [Zook, 2017]. В свою очередь, эти потоки информации определяют городские проблемы: в современном управлении городской проблемой является то, что можно измерить с помощью количественных данных [Zook, 2017, p. 5]. Таким образом, обсуждаются и решаются только проблемы, которые можно решить с помощью технологических инноваций. В пользу этого свидетельствует тот факт, что зачастую проекты умных городов, затрагивающие политически чувствительные и социальные вопросы, недофинансируются [Engelbert, Van Zoonen, Hirzalla, 2019].

Практические аспекты реализации умного города

Умный город – это неиссякаемый источник идей для решения городских проблем. Умные технологии позволяют улучшить эффективность предоставления государственных услуг и значительно снизить расходы на них государственного бюджета. Например, в некоторых муниципалитетах на уличное освещение в среднем тратится примерно 40% бюджета [Lucy Zodion, 2019]. Использование же умного уличного освещения, а именно включение фонарей в зависимости от уровня дневного света и загруженности дороги, позволит муниципалитетам сэкономить энергию и деньги.

Помимо преимуществ в плане безопасности, здоровья, связи, рабочих мест и стоимости жизни, умный город имеет серьезные преимущества в области экологии. Новейшие технологии для умных городов, такие как мониторинг качества воз-

духа, оптимизация использования электроэнергии, воды и отходов, будут оказывать положительное воздействие на окружающую среду. Например, город сможет сократить выбросы парниковых газов на 10–15% и уменьшить количество твердых отходов на 30–130 кг на человека в год, а один горожанин сможет сэкономить 25–80 л воды в день [Johnson, 2018]. Также умные технологии могут помочь значительно улучшить управление сбором и переработкой мусора, состояние дорог и минимизировать пробки, снизить нагрузку на жилищно-коммунационные организации. Более того, городское планирование, осуществляемое с учетом новых технологий, во многом решает проблемы нехватки качественного и доступного жилья путем более эффективного использования общественных пространств. Например, жители умных городов смогут использовать меньше частных автомобилей, так как на смену им придет доступный и эффективный общественный транспорт.

Однако разработка проектов умного города и рост цифровизации несут с собой много этических и политических вопросов. Например, какие городские проблемы могут быть решены при помощи алгоритмов и технологий вместо людей? Кому принадлежат данные, собранные датчиками и камерами видеонаблюдения? Многие утверждают, что технологические инновации не всегда являются лучшим решением городских вопросов, поскольку многие проблемы, связанные, например, с социальной справедливостью, не могут быть решены при помощи технологий. Такие мнения особенно распространены в тех странах, где умные инновации и преобразования навязаны органам государственной власти крупными технологическими компаниями. Они не заинтересованы в создании комфортной городской среды или улучшении качества жизни горожан, поэтому под их влиянием правительства обсуждают и решают только те проблемы, которые можно решить с помощью технологических инноваций.

На Западе, где созданием умного города занимаются в основном правительства и крупные международные компании, гражданское общество и политические партии пытаются получить право голоса в решении этих вопросов. В Европе все более популярны идеи о том, что разработку и внедрение новых технологий нельзя доверять инженерам и менеджерам, потому что те не учитывают мнение горожан в отношении того, как технологии должны

быть использованы в вопросах преобразования городской среды. Новые технологии, которые будут оказывать сильное влияние на жизнь людей в городе, требуют публичного обсуждения и демократического контроля.

Россия пытается идти в ногу со всем миром и тоже начинает применять идеи умного города. Однако в российских реалиях подобные проекты начали реализовывать совсем недавно и только в крупнейших городах. Например, в 2018 году правительство Москвы разработало проект цифровизации города, который к 2030 году должен сделать Москву одним из мировых лидеров в умном градостроительстве. «Москва 2030 – это инновационный город, использующий цифровые технологии для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и услуг в городе, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущего поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах» [Правительство Москвы, 2020, с. 8]. Однако вопрос участия горожан в решениях умного города практически не затрагивается.

Эта стратегия также определяет цели умного города. Первая из них – «обеспечение устойчивого роста качества жизни москвичей и благоприятных условий ведения предпринимательской и иной деятельности» [Правительство Москвы, 2020, с. 9]. Объединение благоприятных условий для развития бизнеса и улучшения качества жизни в одном предложении говорит о том, что жизнь москвичей будет улучшена лишь в экономическом плане. Улучшена только для того, чтобы Москва продолжала быть главным финансовым и экономическим центром России, а ее жители продолжали генерировать огромные доходы для городского бюджета. Формулируя первоочередную цель умного города таким образом, власти Москвы наступают на те же грабли, что и правительства городов на Западе, пытающиеся цифровизировать города. Все они находятся под влиянием неолиберальной идеологии, которую навязывают предприятия и технологические компании. Неолиберальные доктрины в области урбанистики предполагают, что умный город – лишь способ сохранять конкурентоспособность территорий.

Формулировки двух других целей в стратегии Москвы только подтверждают вышесказанное: «Централизованное, сквозное и прозрачное управление городом» и «Повышение эффективности госу-

дарственных расходов, в том числе за счет внедрения государственно-частного партнерства» [Правительство Москвы, 2020, с. 9]. Централизованное управление и приоритет государственно-частного партнерства говорят о том, что в Москве 2030 года решения бизнеса, крупных технологических компаний по-прежнему будут доминировать в политической и общественной жизни.

Итак, умный город в понимании правительства Москвы нацелен на поддержание глобальной конкурентоспособности и стимулирование экономического роста. В стратегии города ничего не сказано об интересах граждан и возможных формах их участия в проектах становления умного города.

Международные организации и политические партии об участии граждан в повестке умного города

В российской практике важность вовлечения граждан в проекты умного города пока что игнорируется. Однако технологически развитые страны придают этому аспекту большое значение и стараются повсеместно включать в стратегии умного города участие граждан. Эта тенденция основана на многочисленных исследованиях, авторы которых приходят к выводу, что в большинстве случаев лучше вовлекать граждан в проекты, нацеленные на улучшение их благосостояния. Если население участвует в принятии решений, то законы и проекты, над которыми они работали, более приближены к реальности и их легче претворять в жизнь [Irvin, Stansbury, 2014]. Более того, вовлечение граждан в государственное и муниципальное управление повышает уровень их доверия государству, снижает их враждебность. Таким образом, решения органов государственной и муниципальной власти становятся более легитимными. Однако стоит признать, что вовлечение граждан несет с собой некоторые негативные последствия. Например, консультация с большим количеством групп с разными интересами заметно растягивает процесс принятия решений и может быть дорогостоящей процедурой [Irvin, Stansbury, 2014]. Эти недостатки можно свести к минимуму, если для стимулирования участия граждан использовать современные информационно-коммуникационные технологии.

Необходимость вовлечения горожан в управление городом отмечалась во мно-

гих известных научных работах. Анри Лефевр был первым, кто сформулировал идею «права на город». Ее суть заключается в том, что у горожан должно быть право формировать городскую среду, потому что они являются жителями этих пространств [Iveson, 2013]. Примечательно, что Лефевр, живший в XX веке, не писал про умный город. Однако его философские постулаты о «праве на город» легли в основу обсуждаемых ниже теорий о включении жителей в управление умным городом.

Одной из устойчивых точек зрения в социальных науках является мнение о том, что использование технологий вредно для общества. Например, Шошана Зубофф [Zuboff, 2018] доказывает, что технологии зачастую задействуются в надзорном капитализме (*surveillance capitalism*), который представляет из себя практику превращения личного человеческого опыта в товар для обмена на рынке. Ей возражает Михаэль Канарес [Cañares, 2019], который говорит о расширении прав и возможностей людей с помощью данных. По его мнению, это возможно, если использовать данные и информацию для восстановления власти граждан и для формирования ими города. Другие исследователи отмечают, что, используя современные технологии, граждане могут играть более активную роль в формировании повесток и изменять модель предоставления услуг правительством с транзакционной (сверху вниз) на реляционную (совместную) [Vlachokyriakos et al., 2016].

Технологии умного города, такие как дорожные датчики и камеры видеонаблюдения, передают большие потоки данных системам городского управления [Zook, 2017]. Тем самым эти разнообразные датчики способствуют созданию больших данных (большие, высокоскоростные и разнообразные информационные ресурсы, используемые для разработки и применения расширенной аналитики и алгоритмов) [Van der Voort, Klievink, Arnaboldi, Meijer, 2019]. Выделяют несколько типов данных, используемых в умных городах [Ubaldi, 2013]. Первый – это общедоступные данные, которые поступают из государственных учреждений, таких как полицейские управления и больницы. Данные второго типа – микростатистика, то есть данные о населении, собираемые государственными статистическими службами. Кроме того, есть данные об эффективности государственных программ и расходов, а также личные данные пользователей государственных услуг. Последние предоставляют

чиновникам информацию, которая позволяет измерять эффективность предоставления сервисов. Исполнительная власть может решить открыть собранные данные и поделиться ими с другими заинтересованными сторонами, такими как граждане и предприятия. Открытые данные определяются как «данные, которые могут свободно использоваться, повторно использоваться и распространяться кем угодно» [UN-Habitat, 2020]. Открытые данные являются одним из самых многообещающих способов включения граждан в принятие решений.

Правительства умных городов могут выгодно использовать открытые данные. Они осознают, что их использование может положительно повлиять на множество демократических процессов и достижение идеалов демократии. Во-первых, открытые данные могут сделать процессы принятия государственных решений более прозрачными, поскольку информационная база, из которой политики берут данные для создания повесток, известна разным участникам политических процессов. Заинтересованные в более открытом умном городе стороны, контролируя потоки данных, могут привлекать к ответственности государственные учреждения [Ubaldi, 2013]. Во-вторых, открытые данные способствуют расширению прав и возможностей граждан, их участию в общественной жизни и вовлеченности в политическую жизнь городов. Барбара Убалди вводит понятие «интеллектуальное открытие данных» (*data smart disclosure*), которое подчеркивает, что информация должна распространяться таким доступным и своевременным образом, чтобы позволить гражданам принимать более информированные решения и повышать качество своей жизни [Ibid., p. 13]. Открытые данные также имеют дополнительное преимущество, заключающееся в том, что они способствуют росту взаимодействий и доверия между гражданами в решении своих проблем [UN-Habitat, 2020].

Однако многие отмечают, что использование открытых данных может привести к ряду сложностей. Например, они могут быть связаны со сбором данных (в первую очередь как данные были получены), их использованием, визуализацией (для какой цели они используются и как представлены) и доступом к ним (кто может просматривать данные) [Meijer, 2017]. Также есть существенные проблемы цифрового исключения и неравенства в доступе к новым технологиям. Половина населения

мира (3,9 млрд не имеют доступа к интернету, большинство из этих людей составляют сельские жители, малообеспеченные слои, пожилые люди, неграмотные и женщины [UN-Habitat, 2020]). В 2018 году была создана Коалиция городов за цифровые права (Cities Coalition for Digital Rights), задача которой – защита цифровых прав. Эта Коалиция является глобальной инициативой, которая ставит цифровые права граждан в центр политики в области данных и технологий. Деятельность Коалиции основывается на пяти принципах. Это (1) всеобщий и равный доступ к интернету и цифровая грамотность; (2) конфиденциальность, защита данных и безопасность; (3) прозрачность, подотчетность и запрет на дискриминацию данных, контента и алгоритмов; (4) партисипативная демократия, разнообразие и инклюзивность; (5) открытые и этические стандарты цифровых услуг [Ibid.]. Еще одним важным принципом является приверженность демократическому участию граждан и инклюзивность. В соответствии с ним «каждый должен иметь возможность участвовать в формировании местной цифровой инфраструктуры и услуг и, в более общем плане, в разработке политики города для общего блага» [Ibid., p. 204].

Чтобы убедиться, что расширение возможностей городских жителей в цифровом формате будет успешным, следует иметь в виду, что простой количественной оценки новых аспектов жизни и открытия собранных данных (датафикации) недостаточно для того, чтобы граждане могли реализовать свои права. Однако, с точки зрения некоторых ученых, расширение возможностей людей – это неотъемлемая часть датафикации. Одни, например, заявляют, что датафикация позволяет гражданам «ориентироваться в мире» [Kennedy, Poell, van Dijck, 2015, p. 1]. Другие же считают, что датафикация необязательно приводит к тому, что люди получают значительную свободу действий. Подчеркнуть эту идею призвано понятие «создание данных» (data-making), означающее, что граждане могут участвовать в управлении, если у них есть инструменты для понимания данных и работы с ними [Pybus, Coté, Blanke, 2015]. Кроме того, как показывает Штефан Баак, чтобы датафикация расширила возможности общественности, необходимо соблюсти три условия [Baack, 2015]. Во-первых, необработанные данные должны быть открыты для общества, чтобы обеспечить прозрачность принятия решений на основе этих данных. Во-вторых,

государственные учреждения должны вовлекать общественность в процессы принятия решений. В-третьих, необходимы «уполномоченные посредники», которые будут делать необработанные данные более доступными. Таким образом, для фактического расширения прав и возможностей общественности нужно открыть данные и обеспечить доступ горожан к процессу принятия решений.

Политические партии разных стран мира в своих предвыборных программах активно ссылаются на блага технологий и преимущества умного города. Например, правящая Консервативная партия Великобритании обещает поощрять инновационный дизайн и технологии, чтобы сделать жилье более доступным и подходящим для людей с ограниченными возможностями, а также для пожилых людей. Также они хотят использовать новые технологии для борьбы с онлайн-преступлениями. В этот амбициозный план входит создание новой национальной группы по борьбе с киберпреступностью. Более того, в Великобритании будущего полиция будет использовать биометрию и искусственный интеллект [Conservatives, 2019]. Однако при этом Консервативная партия не говорит о решении этических и политических проблем цифровизации.

Крупнейшая партия Европейского парламента, Европейская народная партия (ЕНП), в своей предвыборной кампании объявляет приоритетом развитие цифрового общества [European People's Party, 2015]. Одним из важнейших постулатов их программы является фокусирование на горожанах умного города. Партия утверждает, что граждане являются ключевым элементом на всех этапах цифровизации города и настоятельно рекомендует их участие во всех проектах для укрепления сообщества. Также ЕНП подчеркивает, что важно учитывать конфиденциальность пользователей в технологических разработках уже на начальной стадии их создания с целью обеспечения безопасности данных – принцип *privacy by design* (стратегически встроенная приватность). Соблюдение этого принципа является одной из главных задач технологических компаний, которые нуждаются в доверии граждан. В таком случае дизайн каждого нового проекта городского развития, который предусматривает меры конфиденциальности, позволяет гражданам быть уверенными, что их персональная информация находится в относительной безопасности.

Еще одно направление политики партии – повышение цифровой грамотности в контексте цифровизации (возможность трудоустройства, переподготовка, повышение квалификации и социальная интеграция) [Ibid.]. Такие приоритеты делают ЕНП одной из первых партий, которые помимо базовых постулатов о цифровизации добавляют в свою программу тезис о важности участия граждан и уделяют необходимое внимание их проблемам и заботам.

Конфиденциальность пользователей также является приоритетом для крупнейшей партии Нидерландов – Народной партии за свободу и демократию (НПСД). В ее кампании ответственность за свои данные описывается как новая и современная форма свободы [VVD, 2020]. То есть у людей должна быть возможность сознательно определять, что происходит с их данными. Сейчас пользователи интернета дают разрешение на обмен данными, но при этом им часто неясно, кто имеет доступ к этой персональной информации. НПСД обязуется сделать так, чтобы пользователи знали, где находятся их личные данные и кто может их использовать. Они планируют достичь этого путем создания единой базы, в которой пользователи могли бы открыть доступ к своим данным на уровне Европейского союза. Помимо этого, они предусмотрели четкую процедуру подачи жалоб на неправильное использование личных данных. НПСД будет обязывать крупные компании и организации устанавливать порядок подачи таких жалоб от пользователей и возмещения убытков [Ibid., 2020]. Эти проекты приведут к более легкому уничтожению личных данных. Такая комплексная программа по борьбе с незаконным обменом личными данными может быть взята на заметку другими политическими партиями, которые ищут надежную политическую базу.

Примеры интеграции умного города в политическую повестку можно найти не только у партий. Научно-исследовательский центр Center for BOLD cities¹, состоящий из профессоров трех крупнейших нидерландских университетов, разработал принципы вовлечения граждан в политическую жизнь умных городов. Муниципалитеты Нидерландов взяли эти принципы в качестве основы для разработки постулатов об умных городах.

Во-первых, участие граждан должно быть устойчивым. Вовлечение граждан необходимо организовывать таким образом,

чтобы оно длилось дольше, чем только запуск проекта или разработка одной программы. Во-вторых, вовлечение должно быть гармоничным. Участие граждан должно быть организовано таким образом, чтобы оно не противоречило действующему законодательству. В-третьих, в основе вовлечения граждан должно лежать признание и уважение к разному уровню их заинтересованности в проектах, а также осознание их проблем в обращении с технологиями и данными. В-четвертых, нужно вовлекать тех людей, на которых создание умного города влияет напрямую. В-пятых, вовлечение граждан должно быть нацелено на то, чтобы люди лучше понимали, что происходит вокруг них. Наконец, последний принцип – вовлечение граждан должно учитывать разнообразие населения в городах, в том числе разные гендерные, этнические классовые принадлежности, ограничения по состоянию здоровья и религии жителей [Center for BOLD cities, 2020].

Однако эти принципы очень абстрактны. Можно предложить некоторые меры для превращения этих неопределенных целей в конкретные действия. Исходя из принципов понятно, что требуется широкий спектр возможностей взаимодействия граждан с органами государственной и муниципальной власти. Для этого муниципалитеты могут разрабатывать конкретные и долгосрочные стратегии вовлечения граждан. Этот документ может включать в себя список планируемых конференций / дебатов / городских собраний с присутствием горожан. При этом мэрия публикует основные идеи и цели будущих проектов умного города. Чтобы избежать насилия и неправомерного выражения мнения в отношении цифровизации, правительству необходимо не только участвовать в организованных политических дискуссиях с гражданами, но и предложить им разные формы участия, такие как партисипаторное бюджетирование, мирные демонстрации, фестивали, критические публикации, дискуссии в СМИ и художественное самовыражение в различных формах. Эти способы вовлечения достаточно разнообразны, чтобы сделать возможным участие людей разных профессий с разным уровнем заинтересованности в проектах, а также выражение ими своих различающихся мнений.

Для определения граждан, на которых влияют проекты умного города или которые заявляют о таком влиянии, можно использовать механизмы партисипаторного (инициативного) бюджетирования. Это

1. BOLD – Big, Open, Linked Data. – Прим. ред.

форма непосредственного участия граждан в принятии решений на уровне местного самоуправления, которая позволяет людям вместе решать, как тратить муниципальный или региональный бюджет. Партиципаторное бюджетирование позволяет гражданам муниципального образования, в котором оно реализуется, тратить часть местного бюджета на разработанные ими проекты. Органы государственной и муниципальной власти могут инициировать появление новой практики инициативного бюджетирования, чтобы люди могли решать, как распределять бюджет, выделенный на умный город. Сегодня в России сформировался повышенный интерес к партиципаторному бюджетированию, однако его использование в проектах умного города еще не изучено. Таким образом, авторы считают нужным лишь указать на перспективы развития данного направления исследований.

Примеры проектов по вовлечению граждан

Одним из самых успешных проектов по вовлечению граждан в жизнь мегаполиса является программа «Сидней: твой голос» (Sydney: Your say) в городе Сидней, Австралия. Мэрия Сиднея разработала стратегию по взаимодействию с городским сообществом. В ней утверждается, что горожане должны быть проинформированы о планируемых городских реформах, также большинство новых городских проектов будут предполагать определенный уровень консультаций с жителями, а некоторые будут подразумевать их активное участие в преобразованиях [City of Sydney, 2020]. В рамках этой стратегии городские власти создали онлайн-платформу консультаций «Сидней: твой голос», чтобы общество могло внести свой вклад в принятие решений. Каждый житель, зарегистрированный в городе, может прокомментировать проекты правительственных законов или внести предложения по их изменению [Ibid.]. Однако эта программа используется только для консультации с гражданами по заранее определенным вопросам. Жители не имеют возможности предложить свою концепцию развития районов города. Тем не менее когда городской совет Сиднея разработал стратегию развития умного города, она не была утверждена сразу. Перед окончательным утверждением плана жители города получили возможность с помощью платформы предложить свои изменения

в текст документа, и они до сих пор находятся на рассмотрении.

Еще один успешный пример вовлечения граждан в принятие решений об умном городе – Барселона. Здесь в 2015 году на выборах мэра победила Ада Колау. Некоторые описывают ее кампанию как ответ неолиберальным урбанистам, продвигающим свою технократическую версию умного города. Под ее руководством были введены законы, обеспечивающие гражданам постоянный контроль над личными данными и гарантирующие, что внедрение современных технологий будет способствовать гражданскому участию. Еще один знак того, что гражданское общество находится в центре всех проектов умного города в Барселоне – библиотеки, в которых граждан учат использованию открытых данных [Wylie, 2018].

Кроме того, в Барселоне активно работает онлайн-платформа Decidim Barcelona для участия граждан в принятии решений. Decidim – это бесплатная цифровая инфраструктура для содействия развитию демократии. Барселона использует ее в качестве основной онлайн-платформы для участия граждан в принятии решений. Помимо Барселоны Decidim используется для вовлечения граждан в управление еще в 45 городах и регионах мира, например в Нью-Йорке и Хельсинки. Платформа предлагает жителям города разные способы высказать свое мнение об общественных процессах и преобразованиях. Во-первых, они могут включить вопрос в повестку дня пленарного заседания городского совета города или района. Также жители Барселоны имеют возможность созвать общественные слушания – встречи муниципальных должностных лиц с общественностью в определенный день для обсуждения реформ. Более того, граждане могут составить запрос на создание нового органа участия, который позволит жителям и городскому совету регулярно встречаться для обсуждения и сбора мнений и предложений по муниципальным действиям. К тому же жители Барселоны могут инициировать утверждение или изменение правил и законов. Городской совет Барселоны разделил многие свои полномочия с жителями, что положительно влияет на развитие и поддержание успешного функционирования гражданского общества. Такой широкий спектр способов влияния на планирование города делает Барселону одним из самых успешных городов в сфере электронного участия граждан. Если применить это разнообразие

практик по вовлечению граждан в политическую жизнь города к дизайну и планированию умного города, то Барселона сможет стать первым умным городом, созданным гражданами для граждан.

Разумеется, есть еще много различных практик по электронному вовлечению граждан в планирование умных городов. Однако в данной статье описываются два самых ярких и успешных примера. Так, Сидней – один из немногих мегаполисов, которые используют специальный сервис для консультаций с жителями. А в 2020 году, по данным Института развития менеджмента, город набрал высокие баллы по таким показателям управления, как «жители вносят вклад в принятие решений местными органами власти» и «жители дают отзывы о проектах местного самоуправления» (51 и 60 из 100 соответственно) [Institute for Management Development, 2020]. «Сидней: твой голос» определенно внес немаловажный вклад в эти высокие показатели.

Барселонский портал по вовлечению граждан тоже является одним из крупнейших и популярнейших в своем роде. С момента запуска на нем зарегистрировались 44 тыс. пользователей и было предложено 24 тыс. инициатив. Авторы считают, что перспективным направлением для дальнейшего исследования является более обширное сравнительное исследование разных способов электронного вовлечения граждан в городское планирование, особенно в планирование умных городов.

В Нидерландах очень популярна другая форма участия граждан – живые лаборатории (living laboratory). Это пространства, способствующие экспериментам и разработке устойчивых, долгосрочных решений. Участники обычно генерируют идеи экспериментов, технологических и социальных инноваций для их тестирования на соответствие потребностям конечных пользователей городской среды. Одна из живых лабораторий реализуется компанией PLYGRND.city и называется «Районная лаборатория» (Hoodlab) [PLYGRND.city, 2020]. На данный момент этот проект реализуется по заказам муниципалитетов в таких городах, как Амстердам, Эйнховен и Тилбург. Его особенность состоит в том, что лаборатория может переезжать с места на место, так как представляет из себя обычный грузовой контейнер. Благодаря этому «Районная лаборатория» может переезжать в районы, где сообщество нуждается в сплочении после событий, оказавших влияние на жителей. В таких мобиль-

ных локациях жители собираются вместе и обдумывают способы улучшения своего района. Цель живой лаборатории – создание качественных и тесных связей между жителями районов. Например, мэрия Амстердама сама пригласила создателей «Районной лаборатории» установить лабораторию в районе Венсерполдер, чтобы собрать идеи жителей о планировании районных спортивных и культурных центров. И как любая другая живая лаборатория, «Районная лаборатория» – это открытая инновационная экосистема, которая вовлекает жителей в процессы совместного создания городской среды. Эта концепция может быть использована для вовлечения как можно большего числа разных жителей в обсуждение и создание проектов умного города.

Заключение

Словосочетание «умный город» становится все более популярным в России. Мероприятия, направленные на поддержку становления умного города, вошли в федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» [Правительство России, 2020]. Однако уже сейчас можно отчетливо заметить чрезмерную технологизацию в обсуждении проблематики умного города. При этом умный город – это не только современные технологии и датафикация городского развития, это еще и различные форматы участия в городском управлении.

Ни одна российская политическая партия в своих программных документах не уделяет внимания проблемам формирования умных городов. Крайне редко вопросы гражданского вовлечения и участия становятся предметом общественных дебатов или научной дискуссии.

В то же время в Российской Федерации накоплен значительный потенциал практик участия граждан в местном, территориально-общественном самоуправлении, решении бюджетных вопросов, соучаствующем проектировании и т.д. Все эти практики могут быть востребованы при реализации масштабных стратегий построения умного города, формирующихся в крупных российских городах и агломерациях.

Источники

Правительство России (2020) Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды». Режим доступа: <http://government.ru/>

- projects/selection/649/ (дата обращения: 02.11.2020).
- Правительство Москвы (2020) Стратегия «Умный город – 2030». Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/1_Prezentaciya.pdf (дата обращения: 05.11.2020).
- Aldridge H. (2013) How Academics Help Make Cities Smart // Meeting of the Minds. Режим доступа: <https://meetingoftheminds.org/how-academics-help-make-cities-smart-6868> (дата обращения: 09.09.2020).
- Vaack S. (2015) Datafication and Empowerment: How the Open Data Movement Re-Articulates Notions of Democracy, Participation, and Journalism // Big Data & Society. Vol. 2. No. 2. P. 1-11.
- Center for BOLD Cities (2020) SHARED Principles. Режим доступа: <https://www.centre-for-bold-cities.nl/shared-principles> (дата обращения: 03.11.2020).
- City of Sydney (2020) Smart City Strategic Framework. Режим доступа: <https://www.cityofsydney.nsw.gov.au/council/your-say/smart-city-strategic-framework> (дата обращения: 03.09.2020).
- Cohen B. (2012) What Exactly is a Smart City? // The Fast Company. Режим доступа: <https://www.fastcompany.com/1680538/what-exactly-is-a-smart-city> (дата обращения: 05.11.2020).
- Conservatives (2019) The Conservative and Unionist Party Manifesto 2019. Режим доступа: <https://www.conservatives.com/our-plan> (дата обращения: 05.11.2020).
- Engelbert J., Van Zoonen L., Hirzalla F. (2019) Excluding Citizens from the European Smart City: The Discourse Practices of Pursuing and Granting Smartness // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 142. P. 347-353.
- European People's Party (2015) Digital Europe 2.0 – Moving Towards a Digital Society. Режим доступа: <https://www.epp.eu/papers/digital-europe-2-0-moving-towards-a-digital-society/> (дата обращения: 02.10.2020).
- Fretty P. (2019) Are Smart Cities Worth the Investment? Industry week. Режим доступа: <https://www.industryweek.com/home/contact/22028725/peter-fretty> (дата обращения: 20.10.2020).
- Grossi G., Pianezzi D. (2017) Smart Cities: Utopia or Neoliberal Ideology? // Cities. Vol. 69. P. 79-85.
- Institute for Management Development (2020) Smart City Index 2020 – City Profiles. Режим доступа: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-profiles/> (дата обращения: 22.01.2021).
- Irvin R.A., Stansbury J. (2004) Citizen Participation in Decision Making: Is It Worth the Effort? // Public Administration Review. Vol. 64. No. 1. P. 55-65.
- Iveson K. (2013) Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 37. No. 3. P. 941-956.
- Johnson K. (2018) Environmental Benefits of Smart City Solutions. Режим доступа: <https://www.climateforesight.eu/cities-coasts/environmental-benefits-of-smart-city-solutions/> (дата обращения: 02.11.2020).
- Kennedy H., Poell T., Van Dijck J. (2015) Data and Agency // Big Data & Society. Vol. 2. No. 2. P. 1-7.
- Klein N. (2020) How Big Tech Plans to Profit from the Pandemic // The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/news/2020/may/13/naomi-klein-how-big-tech-plans-to-profit-from-coronavirus-pandemic> (дата обращения: 20.09.2020).
- Koetsier J. (2020) 9 Things We Lost When Google Canceled Its Smart Cities Project in Toronto // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2020/05/13/9-things-we-lost-when-google-canceled-its-smart-cities-project-in-toronto/#ff1fbc735bf3> (дата обращения: 09.10.2020).
- Kummitha R.K.R. (2019) Smart Cities and Entrepreneurship: An Agenda for Future Research // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 149. P. 1-10.
- Lucy Zodion (2019) Smart Street Lighting – Making the Switch. Режим доступа: <https://www.lucyzodion.com/smart-street-lighting-making-the-switch/> (дата обращения: 09.10.2020).
- Meijer A. (2017) Datapolis: A Public Governance Perspective on “Smart Cities” // Perspectives on Public Management and Governance. Vol. 1. No. 3. P. 195-206.
- PLYGRND.city (2020) Hoodlab Beweegt de Buurt. Режим доступа: <http://plygrnd.city> (дата обращения: 09.11.2020).
- Pybus J., Coté M., Blanke T. (2015) Hacking the Social Life of Big Data // Big Data & Society. Vol. 2. No. 2. P. 1-10.
- Cañares, M. (2019) What do we mean by data empowerment? Режим доступа: <https://medium.com/data-empowerment/what-do-we-mean-by-data-empowerment-f842ef9880b> (дата обращения: 09.11.2020).
- Smith A., Siverson R.M., Morrow J.D., Bueno De Mesquita B. (2003) The Logic of Political Survival. Cambridge: MIT Press.
- Ubaldi B. (2013) Open Government Data: Towards Empirical Analysis of Open Government Data Initiatives // OECD Working Papers on Public Governance. No. 22. P. 1-61.
- UN Habitat (2020) World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization. Режим доступа: <https://unhabitat.org/World%20Cities%20Report%202020> (дата обращения: 10.10.2020).
- United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019) World Urbanisation Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420). New York: United Nations.
- Van der Voort H.G., Klievink A.J., Arnaboldi M., Meijer A. (2019) Rationality and Politics of Algorithms. Will the Promise of Big Data Survive the Dynamics of Public Decision Making? // Government Information Quarterly. Vol. 36. No. 1. P. 27-38.
- Van Waart P., Mulder I., De Bont C. (2016) A Participatory Approach for Envisioning a

- Smart City // Social Science Computer Review. Vol. 34. No. 6. P. 708-723.
- Vlachokyriakos V. et al. (2016) Digital Civics: Citizen Empowerment with and through Technology // Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems—CHI EA' 16. P. 1096-1099.
- VVD (2020) Lead Digitally. Режим доступа: <https://www.vvd.nl/en-digitalisering/> (дата обращения: 05.10.2020).
- Wylie B. (2018) Searching for the Smart City's Democratic Future // Centre for International Governance Innovation. Режим доступа: <https://www.cigionline.org/articles/searching-smart-citys-democratic-future> (дата обращения: 11.10.2020).
- Zook M. (2017) Crowd-Sourcing the Smart City: Using Big Geosocial Media Metrics in Urban Governance // Big Data & Society. Vol. 4. No. 1. P. 1-17.
- Zuboff S. (2019) The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, NY: Public Affairs.

THE SMART CITY AND CIVIC ENGAGEMENT

Vladimir V. Vagin, PhD in Philosophy, Head of the Participatory Budgeting Center of the Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation; 3 bldg. 2 Nastasyinsky Lane, Moscow, 127006, Russian Federation.

E-mail: vvaginstar@gmail.com

Vera D. Safronova, Master of Science Student in Urban Management and Development Program of Erasmus University of Rotterdam; The Netherlands, 3062 PA Rotterdam, Burgemeester Oudlaan 50.

E-mail: lanskayavera@gmail.com

Abstract. The smart city is one of the most popular concepts used by academics and practitioners to describe the urban future. More and more people around the world are interested in it, from tech giants Google and IBM, which are launching projects to turn entire neighborhoods into smart spaces, to political parties. Most see the smart city as an urban environment where advanced technology is used to solve social and environmental problems. However, there are certain problems in the research and practice of smart cities. One of them is that smart cities disregard the importance of a wide range of institutionalized procedures for public participation in urban development and the management of different aspects of city life. Abroad, there is considerable experience with civic engagement. Moreover, most European political parties have included public participation in urban processes in their policy statements. Western scientists and politicians have paid attention to the issue of public control over the huge amount of personal data accumulated. Unfortunately, this aspect of the smart city, which undoubtedly affects the interests of most residents, is not often mentioned in the Russian literature, although practices of public involvement in the state and municipal governance are developing in Russia: the creation of a comfortable urban environment, participatory budgeting, and online platforms of urban participation. This article provides a brief overview of materials on public participation from leading foreign publications. First, it describes and compares the main concepts and practices of the smart city. Secondly, attention is paid to how city authorities, research organizations and political parties are theorizing and implementing smart city projects. The purpose of this article is to introduce the main conceptual approaches in smart city theory, as well as the practices of political parties and public participation in shaping smart cities, an understudied area of urban development.

Keywords: smart city; civic participation; public participation; civic engagement; digitalization; participatory budgeting

Citation: Vagin V., Safronova V. (2021) Smart City and Civic Engagement. *Urban Studies*

and Practices, vol. 6, no 3, pp. 87–99.
(in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp63202187-99>

References

- Aldridge H. (2013) How Academics Help Make Cities Smart. *Meeting of the Minds*. Available at: <https://meetingoftheminds.org/how-academics-help-make-cities-smart-6868> (accessed 09 September 2020).
- Baack S. (2015) Datafication and Empowerment: How the Open Data Movement Re-Articulates Notions of Democracy, Participation, and Journalism. *Big Data & Society*, vol. 2, no 2, pp. 1–11.
- Center for BOLD Cities (2020) SHARED Principles. Available at: <https://www.centre-for-bold-cities.nl/shared-principles> (accessed 03 November 2020).
- City of Sydney (2020) Smart City Strategic Framework. Available at: <https://www.city-of-sydney.nsw.gov.au/council/your-say/smart-city-strategic-framework> (accessed 03 September 2020).
- Cohen B. (2012) What Exactly is a Smart City? *The Fast Company*. Available at: <https://www.fastcompany.com/1680538/what-exactly-is-a-smart-city> (accessed 05 November 2020).
- Conservatives (2019) The Conservative and Unionist Party Manifesto 2019. Available at: <https://www.conservatives.com/our-plan> (accessed 05 November 2020).
- Engelbert J., Van Zoonen L., Hirzalla F. (2019) Excluding Citizens from the European Smart City: The Discourse Practices of Pursuing and Granting Smartness. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 142, pp. 347–353.
- European People's Party (2015) Digital Europe 2.0—Moving Towards a Digital Society. Available at: <https://www.epp.eu/papers/digital-europe-2-0-moving-towards-a-digital-society/> (accessed 02 October 2020).
- Fretty P. (2019) Are Smart Cities Worth the Investment? *Industry week*. Available at: <https://www.industryweek.com/home/contact/22028725/peter-fretty> (accessed 20 October 2020)
- Grossi G., Pianezzi D. (2017) Smart Cities: Utopia or Neoliberal Ideology? *Cities*, vol. 69, pp. 79–85.
- Institute for Management Development (2020). Smart City Index 2020—City Profiles. Available at: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-profiles/> (accessed 22 January 2021).
- Irvin R.A., Stansbury J. (2004) Citizen Participation in Decision Making: Is it Worth the Effort? *Public Administration Review*, vol. 64, no 1, pp. 55–65.
- Iveson K. (2013) Cities Within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 37, no 3, pp. 941–956.
- Johnson K. (2018, July 19) Environmental Benefits of Smart City Solutions. Available at: <https://www.climateforesight.eu/cities-coasts/environmental-benefits-of-smart-city-solutions/> (accessed 02.11.2020).
- Kennedy H., Poell T., Van Dijck J. (2015) Data and Agency. *Big Data, Society*, vol. 2, no 2, pp. 1–7.
- Klein N. (2020) How Big Tech Plans to Profit from the Pandemic. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/news/2020/may/13/naomi-klein-how-big-tech-plans-to-profit-from-coronavirus-pandemic> (accessed 20 September 2020).
- Koetsier J. (2020) 9 Things We Lost When Google Canceled its Smart Cities Project in Toronto. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2020/05/13/9-things-we-lost-when-google-canceled-its-smart-cities-project-in-toronto/#ff1fbc735bf3> (accessed 09 October 2020)
- Kummitha R.K.R. (2019) Smart Cities and Entrepreneurship: An Agenda for Future Research. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 149, pp. 1–10.
- Lucy Zodion (2019) Smart Street Lighting—Making the Switch. Available at: <https://www.lucyzodion.com/smart-street-lighting-making-the-switch/> (accessed 09 October 2020).
- Meijer A. (2017) Datapolis: A Public Governance Perspective on “Smart Cities”. *Perspectives on Public Management and Governance*, vol. 1, no 3, pp. 195–206.
- PLYGRND.city (2020) Hoodlab Beweegt de Buurt. Available at: <http://plygrnd.city> (accessed 09 November 2020).
- Pravitelstvo Moskvyy (2020) [Moscow Government] Strategiy “Umnii gorod—2030”. Available at: <https://www.mos.ru/upload/alerts/files/1> (accessed 2 November 2020). (in Russian)
- Pravitelstvo Rossii (2020) [Russian Government] Prioritetnyi proekt “Formirovanie komfortnoy gorodskoy sredy” [The Priority Project “Development of a Comfortable Urban Environment”]. Available at: <http://government.ru/projects/selection/649/> (accessed 2 November 2020). (in Russian)
- Pybus J., Coté M., Blanke T. (2015) Hacking the Social Life of Big Data. *Big Data & Society*, vol. 2, no 2, pp. 1–10.
- Cañares, M. (2019) What do we mean by data empowerment? Available at: <https://medium.com/data-empowerment/what-do-we-mean-by-data-empowerment-f842ef9880b> (accessed 09 November 2020).
- Smith A., Siverson R.M., Morrow J.D., Bueno De Mesquita B. (2003) *The Logic of Political Survival*. Cambridge: MIT Press.
- Ubaldi B. (2013) Open Government Data: Towards Empirical Analysis of Open Government data Initiatives. *OECD Working Papers on Public Governance*, no 22, pp. 1–61.
- UN Habitat (2020) World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization. Available at: <https://unhabitat.org/World%20Cities%20Report%202020> (accessed 10 October 2020).
- United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019) *World Urbanisation Prospects: The 2018*

- Revision (ST/ESA/SER.A/420). New York: United Nations.
- Van der Voort H.G., Klievink A.J., Arnaboldi M., Meijer A. (2019) Rationality and Politics of Algorithms. Will the Promise of Big Data Survive the Dynamics of Public Decision Making? *Government Information Quarterly*, vol. 36, no 1, pp. 27–38.
- Van Waart P., Mulder I., De Bont C. (2016) A Participatory Approach for Envisioning a Smart City. *Social Science Computer Review*, vol. 34, no 6, pp. 708–723.
- Vlachokyriakos V. et al. (2016) Digital Civics: Citizen Empowerment with and Through Technology. *Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems—CHI EA' 16*, pp. 1096–1099.
- VVD (2020) Lead Digitally. Available at: <https://www.vvd.nl/ep-digitalisering/> (accessed 05 October 2020).
- Wylie B. (2018) Searching for the Smart City's Democratic Future // Centre for International Governance Innovation. Available at: <https://www.cigionline.org/articles/searching-smart-citys-democratic-future> (accessed 11 October 2020).
- Zook M. (2017) Crowd-Sourcing the Smart City: Using Big Geosocial Media Metrics in Urban Governance. *Big Data & Society*, vol. 4, no 1, pp. 1–17.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, NY: Public Affairs.

